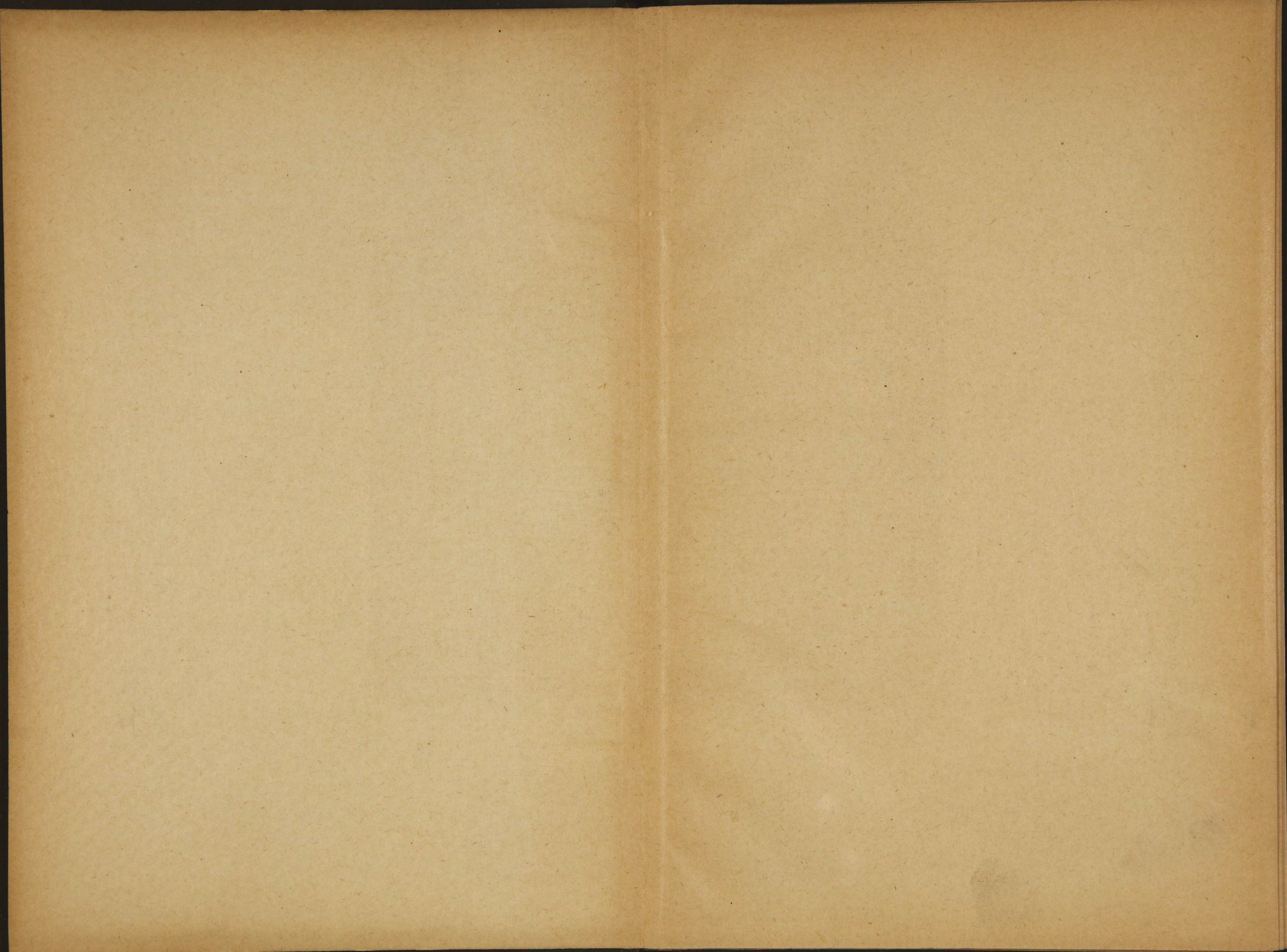

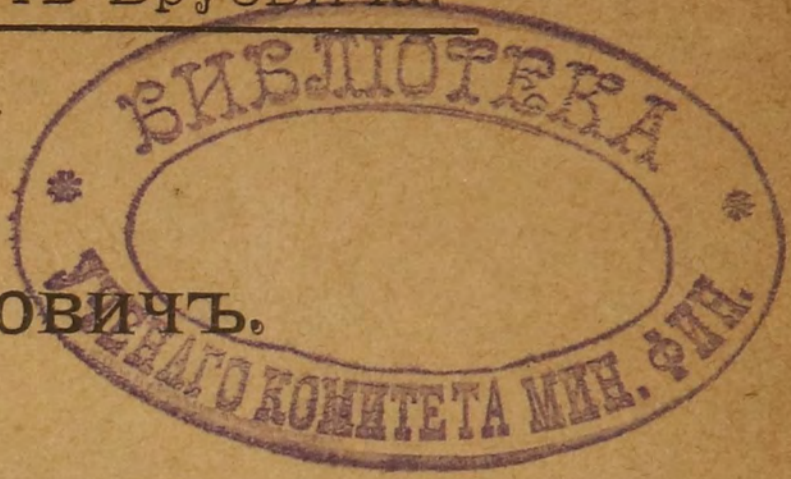
558

558

Издание Владимира Бончъ-Бруевича.

1873.

Людвигъ Гумпловичъ.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С. Н. Прокоповича.

Москва.

Типо-Лит. Д. А. Бончъ-Бруевича, Мясницкая, Козловскій пер., д. Прянишникова.

1895.

39

БИБЛИОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Апрѣля 1895 г.

73383

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе выросло изъ лекціи „О сущности соціологіи“, читавной мною въ Дрезденѣ, 11 октября 1890 года, по приглашенію дирекціи Geheusche Stiftung. Занятый иными работами, я не имѣлъ тогда свободнаго времени для напечатанія лекціи и лишь во время лѣтнихъ вакацій 1891 года получилъ возможность приготовить ее для печати, при чемъ подвергъ ее болѣе пространной обработкѣ и дополнилъ нѣкоторыми статьями, развивающими основную мысль.

Грацъ, конецъ сентября 1891 г.

Л. Гумпловичъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Изъ предлагаемаго перевода книги Гумпловича выброшено нѣсколько параграфовъ III части, именно параграфы 39—43. По самому содержанію своему они относятся скорѣе къ описательной исторіи, и внутренняя связь ихъ съ прочимъ содержаніемъ соціологическаго трактата довольно сомнительна. Если соціологическія изслѣдованія, при современномъ состояніи знанія, могутъ имѣть какое-либо значеніе для политики, какъ практической соціологіи, то лишь по наиболѣе общимъ (принципіальнымъ) вопросамъ, а никакъ не по затрогиваемымъ Гумпловичемъ въ опущенныхъ параграфахъ. Самыя заглавія параграфовъ, какъ-то: „Германія и Франція“, „Пруссія и Россія“, „Естественная тенденція Россіи“, показываютъ, какіе частные вопросы остановили на себѣ вниманіе австрійскаго профессора. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ имѣетъ очень мало общаго съ соціологіей и врядъ ли заключаетъ въ себѣ что-либо интересное съ соціологической точки зрѣнія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сущность Соціологіи.

„Познай желѣзную необходимость всего происходящаго въ средѣ живыхъ существъ, и вѣчно неизмѣнное — въ смѣнѣ явленій.“

1. Самостоятельная ли наука соціологія? ¹⁾.

Рѣдкое зрѣлище представляетъ собою „соціологія“. Постоянно говорятъ объ ней, съ одной стороны, какъ о важной, основной, какъ объ новой или только грядущей наукѣ; съ другой стороны, также постоянно не только сомнѣваются, но и прямо оспариваютъ право существованія этой науки. Эта разногласица достаточно оправдываетъ новое изслѣдованіе объ ея сущности, новое разрѣшеніе вопросовъ объ ея содержаніи, ея задачахъ и цѣляхъ, наконецъ, объ ея правѣ быть самостоятельною наукою. По смыслу слова, соціологія, очевидно, должна быть наукою о человѣческомъ обществѣ; трудность же опредѣленія сущности и содержанія подобной науки заключается въ томъ, что, съ одной стороны, понятіе общества крайне неопредѣленно, и, съ другой стороны, существуетъ такое значительное количество „общественныхъ“ и такъ наз. „философскихъ наукъ“, которыя изучаютъ какъ человѣческое общество, такъ и различные духовные продукты послѣдняго, что не легко найти мѣсто, которое должна занять новая и самостоятельная наука соціологія.

Происхожденіе понятія „общество“.

Для тѣхъ „изслѣдователей“, которые занимаются исключительно лишь вопросомъ о „предшественникахъ“ и авторѣ идеи, пустившемъ ее въ обращеніе (необходимо обреченнаго, въ большинствѣ случаевъ, на забвеніе), — для тѣхъ изслѣдователей былъ бы благодарною темою вопросъ о томъ, кто ввелъ впервые въ Германію „общественныя науки“?

¹⁾ Ср. мое „Philosophisches Staatsrecht“, стр. 49; „Grundriss der Sociologie“, стр. 139 и слѣд.

Такъ какъ идея „общества“ возникаетъ впервые изъ ознакомленія съ контрастомъ, существующимъ между классами правящими и управляемыми, то Шлейермахера можно считать однимъ изъ первыхъ, въ комъ эта идея пустила ростокъ, потому что онъ употребляетъ выраженіе „общество“ и отмѣчаетъ связь между нимъ и упомянутымъ выше социальнымъ контрастомъ. Въ рѣчи: „Объ обязанностяхъ государства въ области воспитанія“, прочитанной 22 декабря 1814 года, онъ смотритъ на государство, какъ на „союзъ правящихъ и управляемыхъ, хотя бы въ однихъ случаяхъ они (или каждый изъ нихъ) являлись властью имѣющими, въ другихъ — подначальными“; „и въ этихъ отношеніяхъ, прибавляетъ онъ, нѣтъ государства“¹⁾.

Шлейермахеръ имѣлъ, кажется, правильный взглядъ также по вопросу о происхожденіи этого существующаго въ государствѣ общества, такъ какъ онъ считаетъ орду состояніемъ, предшествующимъ состоянію государственной организаціи. „Я не имѣю намѣренія, говоритъ онъ, возвращаться къ вымышленному естественному состоянію, будь оно состояніемъ вражды или мира; я обращусь исключительно лишь къ тому состоянію, которое непосредственно предшествуетъ современному гражданскому строю, о которомъ намъ свидѣтельствуетъ исторія, именно къ состоянію... орды.“ И по вопросу о томъ, какимъ образомъ изъ этого состоянія орды развились государство и общество, Шлейермахеръ не поддается обычнымъ въ его время и даже гораздо позже, ошибочнымъ воззрѣніямъ. Правда, онъ предполагаетъ сначала, что, въ силу благодѣтельныхъ перемѣнъ, въ этой ордѣ возникаютъ общественныя различія, однако, онъ явно не вѣритъ такому въ большинствѣ случаевъ гадательному процессу и тотчасъ прогивополагаетъ ему другую возможность, къ которой, повидимому, относится съ большимъ довѣріемъ. „Предположимъ другой случай, говоритъ онъ далѣе, именно, что орда не сама собою и не въ самой себѣ переходитъ въ состояніе гражданского общества, но захватываетъ другую орду, или сама оказывается поглощенной, и вотъ изъ двухъ прежнихъ обществъ возникаетъ различными путями государство, одна орда становится правящей другая управляемою...“ Далѣе онъ говоритъ о правящемъ племени и отмѣчаетъ случай, когда оно, благодаря „матеріальнымъ условіямъ или творческому року, оказывается благороднымъ, имѣетъ болѣе благородныя обычаи и воспитанное въ нихъ юношество“, подчиненное же „уступаетъ первому въ достоинствѣ и кажется грубымъ и необразованнымъ.“ Далѣе, продолжаетъ онъ, „Большое сходство съ отношеніями двухъ такихъ различныхъ, по происхожденію, племенъ имѣетъ въ нашемъ госу-

¹⁾ Schleiermachers Werke, томъ III, 3, стр. 234.

дарственномъ строѣ отношеніе дворянства къ мѣщанскому сословію...“
 Что Шлейермахеръ смотрѣлъ съ этой общественной точки зрѣнія на ходъ развитія государства, почему можетъ считаться предшественникомъ французскихъ соціологовъ, — этому служитъ доказательствомъ слѣдующее мѣсто изъ той же рѣчи:

„Теперь остается коснуться величайшей формы государства..., такъ какъ именно большое государство образуется путемъ ссединенія, сразу или постепенно, множества отдѣльныхъ племенъ... въ одно обширное цѣлое. Перенесши первое потрясеніе, каждое отдѣльное племя возвращаетъ свою самостоятельность, включеніе въ большое цѣлое заключается для него лишь во внѣшней связи; старые нравы и обычаи утверждаютъ свои права вездѣ, гдѣ они только не подавлены внѣшнею чуждою властью. Воспитаніе находитъ себѣ опору въ обычаяхъ и воспроизводитъ все вновь и вновь съ малыми уклоненіями старую, обособленную, узкую жизнь отдѣльнаго племени, не воспринимая единства большого цѣлаго. Государство долго является чѣмъ-то цѣльнымъ лишь по внѣшнему виду, по внутреннему-же содержанію въ немъ оказывается столько же единства, сколько въ любомъ аристократическомъ государствѣ, — это не болѣе, какъ соединенная множественность. Много времени можетъ пройти, особенно при простыхъ политическихъ отношеніяхъ, и отдѣльныя части государства попрежнему будутъ составлять лишь агрегатъ, при чемъ духовная связь ихъ между собою будетъ мало чѣмъ отличаться отъ таковой съ отдѣльными частями другихъ подобныхъ же государствъ... Но когда-нибудь настанетъ моментъ, когда правительство почувствуетъ необходимость переработать сложное въ единое, сообщить каждой органической части живое чувство цѣлаго и подчинить этому чувству чувство самостоятельнаго существованія, чтобы любовь къ племени и мѣсту жительства не противостояла любви къ отечеству и народу...“

Если Шлейермахеръ выяснилъ такимъ путемъ всю важность соціологической точки зрѣнія въ вопросѣ о внутреннемъ развитіи государства, то въ вопросѣ о внѣшнихъ, международныхъ отношеніяхъ то же самое сдѣлалъ Фридрихъ Листъ. Какъ взглядъ Шлейермахера является противоположностью французскому атомистическому ученію о государствѣ, которое видѣло въ народѣ только сумму равноправныхъ индивидуумовъ; такъ же точно Листъ обращаетъ вниманіе на то, что прежняя доктрина „не разглядѣла за человѣчествомъ и личностями націй“. Какъ „характерную черту“ предложенной имъ національ-экономической системы отмѣчаетъ онъ „національность“. „На сущности національности, какъ средняго члена между человѣчествомъ и личностью, основаны всѣ мои воззрѣнія“, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей „Національной системѣ политической экономіи“ (1831).

Этимъ открыты были собственно въ Германіи для соціологіи какъ внутренняя жизнь государства, такъ и внѣшнія международныя отношенія, и положено было начало реакціи противъ французскаго индивидуалистически-атомическаго ученія о государствѣ.

Эти зародыши общественныхъ идей разрослись въ послѣдствіи, въ сороковыхъ годахъ, подъ вліяніемъ соціалистической и соціологической литературы, сильно размножившейся въ то время во Франціи, такъ что рядомъ съ тремя учеными піонерами соціальной науки въ Германіи—Молемъ, Штейномъ и Гнейстомъ, Риль могъ написать свое популярное и оригинальное сочиненіе о „Гражданскомъ обществѣ“¹⁾ (1851). Риль собралъ бывшія тогда въ обращеніи соціологическія идеи въ нѣчто цѣлое и сумѣлъ иллюстрировать ихъ очеркомъ „общества“, какъ оно фактически развилось въ Германіи. „Гражданское общество не тождественно съ политическимъ обществомъ“, это новая истина нашего столѣтія — говоритъ онъ, а возставая противъ тогдашняго либерализма школы Роттекъ-Велькера, прибавляетъ: „многочленное общество не можетъ достигнуть прочнаго государственнаго самосознанія. „Реально общественное разобщеніе, а единство — идеально“.

„Основаніемъ политической мудрости должно быть изученіе народа, а не системы государственнаго права“. Наука о народѣ (слѣдовательно о многочисленномъ обществѣ) принадлежитъ къ еще не существующимъ вспомогательнымъ наукамъ государствовѣдѣнія. Эта наука когда либо займетъ кафедру и по ней будутъ экзаменовать! Эта будущая наука должна быть „соціально-политической этнографіей“; она должна расчленить народъ на составляющія его общественныя группы. „Ученіе о гражданскомъ обществѣ должно быть главнымъ образомъ ученіемъ о естественномъ неравенствѣ въ средѣ общества... это неравенство оказывается источникомъ неисчерпаемой жизненности“. За этимъ вступительнымъ изложеніемъ своихъ идей Риль даетъ художественное изображеніе общественныхъ классовъ Германіи. Книга подѣйствовала сильнѣе ста соціологическихъ сочиненій, и побудила къ дальнѣйшимъ научнымъ обработкамъ предмета. Прежде всего Штейнъ выпустилъ въ пятидесятыхъ годахъ продолженіе своихъ изслѣдованій о государствѣ и обществѣ, и Гнейстъ своимъ изображеніемъ отношеній государства и общества въ Англіи помогъ познанію сущности дѣла.

Такое же дѣйствіе оказало сочиненіе Трейтшке: „Die Gesellschaftswissenschaft“ (1851), формально направленное противъ защищаемого Молемъ и Рилемъ установленія науки объ обществѣ, какъ самостоятельной научной дисциплины. Послѣ краткаго изложенія ученія

¹⁾ Русскій переводъ: „Гражданское общество“ В. Г. Риля, Спб. 1883.

Моля объ общественныхъ группахъ (общины, коммуны, племена, расы, сословія, церковныя общества, товарищества, семейныя и мірскія общины), Трейтшке ставитъ вопросъ: что же общаго во всѣхъ этихъ формахъ общежитія? такъ какъ онъ, очевидно, того мнѣнія, что всѣ эти формы общежитія въ томъ лишь случаѣ и постольку могли бы быть предметомъ особенной науки, когда и поскольку ихъ можно бы было свести къ одному знаменателю. Такъ какъ „въ основѣ каждой общественной группы лежитъ свой особый интересъ“ (стр. 65), и такъ какъ каждый интересъ „по самой сущности своей оказывается исключительнымъ, эгоистичнымъ“, то немыслима наука, которая соединила бы всѣ эти разнородныя вещи. Наука о государствѣ существуетъ потому лишь, что изъ понятія о государствѣ, какое бы скудное содержаніе въ него не вкладывали „можно сдѣлать рядъ важныхъ, распространяющихся на всѣ государства умозаключеній“. Этого нѣтъ въ общественныхъ интересахъ. „Интересы общественныхъ группъ по самому существу разнородны.“ Эти основанія дѣлаютъ немыслимой общественную науку, какъ самостоятельную дисциплину; наука о государствѣ, или политика должна включить въ себя какъ ученіе о государствѣ, такъ и ученіе объ обществѣ. Эта полемика Трейтшке противъ Моля вполне формальна: въ дѣйствительности они вполне согласны. Къ концу пятидесятихъ годовъ значеніе общества для государства и важность научнаго изученія перваго были признаны почти всѣми. Вопросъ же о томъ, должно это произойти въ особой наукѣ объ обществѣ, или же изученіе общества войдетъ въ какую либо расширенную науку о государствѣ,—вопросъ этотъ, очевидно, является постороннимъ, формальнымъ. При всемъ томъ это различіе имѣетъ болѣе глубокое основаніе. Если Трейтшке говоритъ о включеніи всей общественной науки въ науку о государствѣ, то причина этого въ томъ, что онъ рассматриваетъ каждое общество съ точки зрѣнія государства, и считаетъ государство „народомъ въ его внутреннемъ и внѣшнемъ единеніи“: тогда какъ Моль фактически даетъ крайне узкое опредѣленіе государства; въ его государствѣ „личности организуютъ нѣчто единое“, для соціальныхъ же группъ мѣста нѣтъ. Но такъ какъ государство возникаетъ изъ соціальной борьбы, предшествующей его образованію, то правильнѣе признать государственную науку лишь частью соціологіи, а не обратно, какъ это дѣлаетъ Трейтшке.

Впрочемъ, ни Моль, ни Трейтшке, ни другіе писатели, писавшіе въ то время объ общественной наукѣ, не добрались до сущности дѣла. Не существованіе общества оправдываетъ существованіе особенной науки о немъ; вѣдь не всякій предметъ, существующій въ государствѣ, требуетъ особенной науки, и въ этомъ отношеніи возраженія Трейтшке

были основательны. Лишь то обстоятельство, оставшееся тогда незамѣченнымъ, и о которомъ мы будемъ говорить ниже, что соціальныя группы проявляютъ цѣлую систему дѣйствій, совершающихся по строгимъ неизмѣннымъ законамъ, служитъ достаточнымъ основаніемъ для существованія самостоятельной науки объ обществѣ. Но такъ какъ эта точка зрѣнія тогда не была найдена, то неудивительно, что послѣ „критическаго изслѣдованія“ Трейтшке, положеніе дѣлъ въ Германіи долгое время было таково, что все, что имѣлось сказать объ обществѣ, изучалось въ государственной наукѣ, а это было въ Германіи тѣмъ легче, что въ это время потребность изученія закономерности дѣйствій обществъ и государствъ удовлетворялось сильно развившеюся исторіею культуры. Однако удовлетвореніе получилось одностороннее, такъ какъ всѣ историческія событія располагали въ преемственный рядъ, доказывающій непрерывный прогрессъ человѣческаго рода. Тѣ же, которые не удовлетворились этою единственною, къ тому же неоспоримую идею „прогресса человѣчества“ и преслѣдовали еще инныя точки зрѣнія въ развитіи народовъ и государствъ, постоянно пытались найти „законы соціального развитія“,

Такъ, Фр. Редингеръ ¹⁾ пытается найти „законы измѣненій въ государственной жизни“ и считаетъ государство созданнымъ „дѣйствіемъ естественныхъ законовъ“, которые черезъ подчиненіе человѣка развились до „нравственныхъ законовъ“. Изъ „взаимодѣйствія естественныхъ и нравственныхъ законовъ“ развивается законъ организаціи государства“, приводящій послѣднее къ развитію политической свободы, такъ какъ „конечная побѣда свободы есть высокій идеаль человѣка.“ Короче Редингеръ строитъ „законы измѣненій“ въ государствѣ для обоснованія конституціоннаго режима.

Сюда относится также попытка Германа Дергенса найти „законъ исторіи ²⁾“. „Такъ называемая философія исторіи, не безъ основанія думаетъ онъ, донинѣ представляетъ собою лишь рядъ ошибочныхъ попытокъ“. Изъ исторіи историко-философской литературы слѣдуетъ, „что наблюдались не силы, какъ таковыя, какъ онѣ дѣйствуютъ въ исторіи, съ одной стороны совмѣстно, съ другой — преемственно, а явленія, которыми пользовались въ цѣляхъ религіозныхъ воззрѣній и которыя объясняли опять-таки теологическими причинами, какъ то дѣлали Боссюэтъ, Герресъ и Шлегель, или же въ цѣляхъ просвѣщенія — таковы труды Вольтера, Лессинга, Изелина, Гердера, или въ цѣляхъ логическихъ идей, какъ то сдѣлалъ Гегель, или, наконецъ, въ

¹⁾ „Die Gesetze der Bewegung im Staatsleben“; Штутгартъ. 1864.

²⁾ Herman Doergens: „Aristoteles oder über das Gesetz der geschichte“. Лейпцигъ, 1872—1874.

цѣляхъ политическихъ идей, какъ у Канта и Бокля. Этимъ накопили, на основаніи бывшаго въ распоряженіи исторіи количества явленій, цѣлый рядъ объясненій этихъ явленій. Благодаря множеству психологическихъ причинъ, не могли прійти къ единству точки зрѣнія, что необходимо для нахождения основнаго содержанія всѣхъ явленій“ (стр. 27).

Это единство точки зрѣнія можетъ быть найдено лишь въ „законѣ исторіи“, который, очевидно, долженъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ историческихъ періодовъ (стр. 30). Не рѣшенъ вопросъ: „однородно или разнородно человѣчество“, и изслѣдованіе должно рѣшить: „существуетъ ли для каждой расы особый законъ развитія, или всѣ онѣ подчинены одному закону, и какова его формула въ томъ или другомъ случаѣ?“

Бернгеймъ (*Lehrbuch der historischen Methode*, стр. 30) обнадеживаетъ историковъ дальнѣйшимъ прогрессомъ, „такъ какъ въ наше время болѣе чѣмъ прежде знакомы съ экономическими и социальными явленіями, потому что мы выработали прежде неизвѣстныя науки, политическую экономію и социологію“ и отсылаетъ историковъ къ социологическимъ трудамъ Спенсера и Шеффле, чтобы они почерпнули въ нихъ идею развитія. Въ отрывкѣ объ отношеніяхъ исторіи къ социологіи называетъ онъ послѣднюю вспомогательною наукою исторіи.

Моссарикъ (*Versuch einer konkreten Logik*, стр. 138 и слѣд.) помещаетъ социологію какъ науку объ общественныхъ явленіяхъ послѣднею (по времени развитія) въ обѣихъ іерархіяхъ наукъ. Предметъ ея — „человѣческое общество и исторія“; она учитъ насъ „условіямъ существованія человѣческаго общества; она стремится изслѣдовать, въ чемъ заключается сущность социальной организаціи, и какъ и почему общество измѣняется, растетъ, развивается“, „она разсматриваетъ вліяніе природы на общество, изучаетъ личность, какъ общественнаго дѣятеля, изслѣдуетъ сущность родовыхъ и семейныхъ отношеній и анализируетъ, наконецъ, самую организацію общества. Въ этихъ цѣляхъ она расчленяетъ понятіе общества, анализируетъ интеллектуальную, нравственную, религіозную, политическую, экономическую организацію и наблюдаетъ, наконецъ, языкъ и литературу, поскольку они способствуютъ общественной солидарности... „Въ научности, правѣ существованія и необходимости социологіи, полагаетъ Моссарикъ, безпристрастные люди больше не сомнѣваются“, хотя все же есть еще „много теоретиковъ, особенно практиковъ и политиковъ, для которыхъ социологія неудобна“, при чемъ многимъ, по мнѣнію Моссарика, не нравится лишь слово „социологія“, какъ напоминающее о „соціализмѣ“. „Поэтому было бы небезвыгодно, полагаетъ онъ, прійти къ соглашенію въ названіи“, такъ какъ науку, называемую нами „социологіей“, другіе назы-

вають „філософією історіи“, „металогією“, „наукою об'є обществов“, „філософією права“, „статистикою“, „історією культури“ и т. д.

Изъ выше приведенныхъ сужденій Моссарика ясно, что онъ не считаетъ соціологію особливою и самостоятелною наукою. Онъ признаетъ, что „между всѣми этими обозначеніями имѣется различіе въ разработкѣ предмета, со стороны содержанія или метода; но по существу различія нѣтъ“. Если бы это было такъ, то проще всего было бы соціологіи отказаться отъ излишнихъ названій, такъ какъ предметъ ея, какъ доказываетъ выше приведенное перечисленіе, не чувствуетъ недостатка въ названіяхъ и обозначеніяхъ. Но тогда непонятно, зачѣмъ далъ Моссарикъ въ своей іерархіи наукъ мѣсто этому „названію“ безъ самостоятельнаго содержанія. Этотъ поступокъ Моссарика ясно показываетъ существующую неясность въ пониманіи предмета и необходимость его выясненія.

2. Право соціологіи на существованіе.

Утвержденія противниковъ соціологіи, что это вовсе не самостоятельная наука, что она подъ новымъ названіемъ оперируетъ съ содержаніемъ старыхъ самостоятельныхъ наукъ, какъ то философіи, історіи, історіи культуры, политической экономіи, государствовѣдѣнія, политики, лингвистики, науки о религіяхъ и т. д., къ сожалѣнію слишкомъ оправдываются состояніемъ „соціологической“ литературы¹⁾. Если соціологія предъявляетъ претензію быть самостоятелною наукою, то она должна доказать, что изучаетъ вполне самостоятельный предметъ или, по крайней мѣрѣ, что она рассматриваетъ уже извѣстный, изслѣдуемый дру-

1) Для характеристики той неясности пониманія сущности соціологіи, которая царитъ даже у выдающихся специалистовъ, я приведу здѣсь нѣсколько фразъ изъ письма Лоренца фонъ Штейна, написаннаго имъ (1885 г.) ко мнѣ послѣ полученія моего „Grundriss der Sociologie“. „Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ именно соціологіи, такъ какъ для меня постоянно невозможно было формулировать, что это собственно, ибо послѣ французско-англійской путаницы словъ и понятій не осталось ничего, что бы не было родомъ соціологіи, включая электричество и бактеріи.“ Какъ недовѣрчиво отнесся къ соціологіи Штейнъ, основатель „общественной науки“. И какъ онъ сомнѣвался, гдѣ помѣститъ ее въ системѣ наукъ, это показываетъ другое мѣсто его письма, гдѣ онъ высказываетъ надежду „узнать изъ книги, часть какой группы отраслей знанія, доступную для опредѣленія, составляетъ эта соціологія“.

Кажется, я не льщу себя, полагая, что много поспособствовалъ своимъ „Grundriss der Sociologie“ выясненію понятія „общественной науки“, такъ какъ еще въ 1889 году г. Рюмелинъ („Deutsche Rundschau“, томъ 61, стр. 36: понятіе общество) жалуется, что „... трудно сказать, о чемъ трактуетъ эта наука, что опредѣлить необходимо, такъ какъ въ ней находятъ себя мѣсто всѣ естественныя и историческія науки, философія, искусство, право, нравственность и религія.“ Ну, быть можетъ, мнѣ удастся въ дальнѣйшемъ изложеніи показать, что составляетъ предметъ соціологіи и что ей, вопреки общности предмета, вовсе не нужно отказываться отъ рассмотрѣнія основныхъ вопросовъ философіи, права, нравственности, религій и даже искусства.

тими науками, предметъ съ новой, еще никѣмъ не примѣненной точки зрѣнія ¹⁾).

Доказательство это должно быть отрицательное и положительное, чтобы показать, во-первыхъ, что предметы прочихъ родственныхъ соціологіи наукъ не составляютъ ея предмета, или, по меньшей мѣрѣ, рассматриваются соціологіей не такъ, какъ это дѣлаютъ другія науки, и, во-вторыхъ, что предметъ ея дѣйствительно вполнѣ самостоятеленъ, и не рассматривается другими науками ни вообще, какъ таковой, ни на какой-либо иной манеръ.

Если соціологія не можетъ привести этого двойного доказательства, она не имѣетъ права существованія.

Противники соціологіи.

Какъ представителя теоретическаго направленія, отрицающаго право существованія соціологіи, въ качествѣ самостоятельной науки, можно привести Дильтея. Одна глава его „*Einleitung in die Geisteswissenschaften*“, котораго донинѣ появился лишь первый томъ (1883 г.), имѣетъ эпиграфъ: „философія исторіи и соціологія — вовсе не науки“. Онъ обосновываетъ это положеніе приблизительно тѣмъ, что „великая задача исторіи будетъ постоянно состоять въ художественныхъ изображеніяхъ, цѣнность которыхъ не можетъ быть уничтожена бѣшеною страстью къ обобщеніямъ нѣкоторыхъ англійскихъ и французскихъ изслѣдователей“ (стр. 114). Эта „бѣшенная страсть къ обобщеніямъ“ указываетъ на ненависть Дильтея къ нимъ же, которая, не удовлетворяя его, кажутся ему ничего нестоящими, и такъ какъ онъ не въ состояніи замѣнить ихъ цѣнными — то приводятъ его къ отчаянному заключенію, что „ложны всѣ соціологическія и историко-философскія теоріи, видящія въ изображеніяхъ единичныхъ явленій сырой матеріаль для абстракцій“ (стр. 115). Дильтей выражаетъ свое негодованіе на „чародѣя, подвергающаго труды историковъ какому-то таинственному процессу, чтобы претворить собранный ими матеріаль единичныхъ явленій какимъ то алхимическимъ путемъ въ звонкое золото абстракціи и принудить

¹⁾ Wan der Rest совершенно вѣрно формулируетъ требованія, долженствующія быть предъявленными при разсмотрѣніи права существованія новой науки. „Долженъ быть, говоритъ онъ, предъявленъ цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросамъ, избѣжавшимъ донинѣ вниманія ученыхъ; если эта наука оперируетъ въ области знанія, вдоль и поперекъ изученной другими науками, то долженъ быть, по крайней мѣрѣ, указанъ новый методъ, который способенъ уничтожить существующія сомнѣнія и ошибки и указать вѣрный путь для открытія истины; или, наконецъ, если отсутствуетъ новый предметъ, и новый методъ, то долженъ быть брошенъ на цѣлый рядъ явленій настолько новый свѣтъ, что наука будетъ казаться обновленною открытіемъ новаго кругозора.“ (La Sociologie, стр. 4). Я вполнѣ согласенъ съ Wan der Rest'омъ по этому вопросу и полагаю, что если бы эти требованія не могли быть удовлетворены, было бы излишнимъ говорить о соціологіи, какъ наукѣ.

исторію открыть ея послѣднюю тайну“ и суевѣріе это кажется ему „такимъ же страннымъ“, какъ и „мечта того натурфилософа-алхимика, который надѣялся вырвать у природы тайну ея великаго слова“. Дильтей не придаетъ значенія тому, что и алхимическая натурфилософія имѣла значеніе въ развитіи знанія, какъ одна изъ ступеней небесной лѣстницы, и такъ какъ онъ не можетъ получить изъ „матеріала единичныхъ явленій золото абстракціи“, то онъ отрицаетъ право существованія подобныхъ изслѣдованій и ихъ значеніе. „Этотъ трудъ обреченъ на бесплодность“, говоритъ Дильтей при взглядѣ на философію исторіи, при чемъ онъ однако-жъ правъ въ той мѣрѣ, въ какой философія исторіи искони трудится надъ доказательствомъ „существованія общаго плана историческаго процесса“: это доказательство, очевидно, не можетъ быть найдено, пока не закончится историческій процессъ. Развѣ возможно, на примѣръ, опредѣлить планъ обширнаго зданія, когда виденъ лишь уголокъ плана или одна только колонна? И кто можетъ сказать, что мы знаемъ болѣе о ходѣ исторіи?

Но такъ какъ Дильтей почти отождествляетъ соціологію и философію исторіи, то и за первой отрицаетъ онъ право существованія и научность. Различіе между ними (при чемъ онъ говоритъ лишь о „французской школѣ“ соціологіи) видитъ онъ лишь въ томъ, что соціологія не только ставитъ себѣ задачу „изученія связи цѣлаго“, но и „надѣется помощью ознакомленія съ этою связью научно руководить обществомъ.“ По отношенію къ философіи исторіи и соціологіи Конта это различіе вполне умѣстно. Но развѣ Дильтей имѣетъ право утверждать, на основаніи неудачныхъ попытокъ рѣшить эту научную задачу, что эти попытки вообще должны быть неудачны.

Основная ошибка Дильтея лежитъ въ этомъ неправильномъ сужденіи о различіи между философіей исторіи и соціологіей. Въ задачу послѣдней вовсе не входитъ разсмотрѣніе вопроса объ „историческомъ процессѣ“ во всей его цѣлостности, такъ какъ она его не знаетъ. Задача ея—лишь изученіе сущности, такъ сказать, качества этого процесса, которое также можетъ быть изучено на малѣйшей долѣ историческаго процесса, какъ и свойства минерала — на малѣйшей частицѣ горнаго хребта, или химическія свойства жидкости — на одной ея каплѣ. И если Дильтей полагаетъ, что философія исторіи „трудится надъ квадратурой круга“, то это, быть можетъ, и вѣрно, но къ соціологіи относиться не можетъ, такъ какъ послѣдняя совершенно игнорируетъ вопросъ объ „смыслѣ историческаго процесса“ и имѣетъ дѣло лишь съ вѣчными неизмѣнными свойствами этого процесса.

3. Соціальная наука и соціологія.

Прежде чѣмъ приступить къ вышеупомянутому двойному доказательству, мы должны устранить одно недоразумѣніе, раздѣляемое и распространяемое литературой какъ антисоціологической, такъ и соціологической, имено смѣшиваніе соціологіи отчасти съ широкимъ понятіемъ соціальной науки, отчасти съ соціальной политикой. Подъ соціальною наукою ¹⁾ можно, если угодно, разумѣть всю совокупность наукъ, занимающихся жизнью общества. Въ двухъ случаяхъ удобно это обозначеніе. Во-первыхъ, когда приходится говорить объ извѣстныхъ общихъ признакахъ или чертахъ различныхъ политическихъ и соціаль-ныхъ наукъ и отыскивать общее обозначеніе для всей ихъ совокупности. Напр., когда рѣчь идетъ, какъ у Карла Менгера, объ методѣ этихъ наукъ въ отличіе отъ метода другихъ наукъ, терминъ „соціаль-ная наука“ представляется крайне удобнымъ. Выраженіе это въ такомъ случаѣ никоимъ образомъ не обозначаетъ особенной науки, но представляетъ собирательное имя для политической экономіи, финансовой науки, ученія объ управленіи и пр. Но такъ какъ совокупность этихъ наукъ, все же не самостоятельная и особенная наука, то терминъ „соціальная наука“, употребленный въ этомъ смыслѣ, не имѣетъ ничего общаго съ соціологіей, претендующей быть особенною и самостоя-тельною наукою.

Инама-Штернеггъ употребляетъ выраженіе „ученіе объ обществѣ“, „соціальная наука“ приблизительно въ этомъ же смыслѣ, для обозна-ченія неподдающейся болѣе точному опредѣленію совокупности наукъ, изучающихъ „соціальныя явленія“. Не указывая ясно и точно предѣ-ловъ этого ученія объ обществѣ, онъ считаетъ, повидимому, полити-ческую экономію частью этой науки, статистика же, по его мнѣнію, лишь „средство для соціально-научныхъ изслѣдованій“ ²⁾; также го-воритъ онъ объ „историческомъ изслѣдованіи въ широкой области

¹⁾ А. Fouillée („La science sociale contemporaine“, Парижъ. 1885) говоритъ, что „построеніе соціальной науки на позитивныхъ основаніяхъ кажется главною задачею нашего вѣка“, но совершенно не объясняетъ, что разумѣетъ онъ подъ „соціальною наукою“. Если онъ указываетъ ей задачу „изученія человѣческихъ обществъ съ двой-ной точки зрѣнія: со стороны ихъ идеальности и со стороны ихъ реальности“, то вѣдь это задача цѣлаго ряда нравственно-политическихъ наукъ, начиная съ историческаго изслѣдованія и кончая политической экономіей и юриспруденціей. Должна ли „соціаль-ная наука“ замѣнить всѣ эти науки и сдѣлать ихъ излишними, или стать энциклопе-діей этихъ наукъ? Впрочемъ, въ своей книгѣ Фуллье занимается преимущественно государствомъ, при чемъ пытается примирить теорію соціальнаго договора Руссо и органическую теорію государства. Это уже философія государства и философія права. Ср. ниже III глава.

²⁾ Inama-Sternegg: „Die quellen der historischen Bevölkerungsstatistik“, въ Statist. M.-Schrift. 1886 г. XII, стр. 387: „... ученіе объ обществѣ, преимущественно ученіе о народномъ хозяйствѣ“.

общественной науки“, не вдаваясь въ точное исчисленіе отдѣльныхъ частей этой „широкой области“. Какъ и у другихъ статистиковъ (напр. Морпурго ¹⁾), у Инама-Штернегга трудно себѣ составить ясное понятіе о границахъ и различіи между статистикой и общественною наукою; повидимому, Инама-Штернеггъ ²⁾ видитъ это различіе въ методѣ, и какъ на отличительную черту статистики указываетъ на ея „специфическій методъ количественныхъ опредѣленій“.

Что многіе статистики считаютъ статистику общественною наукою, даже единственною или все же главною общественною наукою (напр. Морпурго), это основывается на той ошибкѣ, что науку, преимущественно занимающуюся человѣкомъ, они считаютъ справедливымъ называть „общественною наукою“ по преимуществу, такъ какъ общество они считаютъ простою суммою большого числа людей. Взглядъ этотъ не вѣренъ. Статистика имѣетъ дѣло съ человѣкомъ и массами людей, но не съ обществами. Тѣ отличительныя черты человѣческихъ группъ, которыя дѣлаютъ ихъ обществами, не могутъ быть выражены посредствомъ чиселъ; эти черты имѣютъ для статистики второстепенное значеніе и просто незамѣтны съ ея точки зрѣнія. Статистика предпочитаетъ заниматься массовыми явленіями и отношеніями массъ: соціологія же — соціальнымъ расчлененіемъ и группировкой. Приблизительно такъ должны мы обозначить различіе между статистикой и соціологіей, пока не познакомимся съ ними ближе (ср. ниже: статистика и соціологія).

4. Соціологія и социализмъ.

Второе недоразумѣніе возникаетъ изъ смѣшенія соціологіи съ социалистическими теоріями, ученіями о социальномъ вопросѣ и социальной политикѣ. Такъ какъ со временъ первыхъ социалистовъ во Франціи ³⁾, особенно со времени Сень-Симона, социалистическія теоріи имѣютъ цѣлью разрѣшеніе социального вопроса, чѣмъ соотвѣтственная литература въ своемъ могучемъ развитіи занята и донинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляютъ претензію на научность: то благодаря этому широко распространилось ошибочное мнѣніе, что теорія социального вопроса, теорія социализма или теорія социальной политики — истинная соціологія; обстоятельство это имѣло для соціологіи еще то вредное послѣдствіе, что тѣ, которые опровергали столь многія различныя теоріи социального вопроса, социалистическія теоріи или нелѣпыя теоріи социальной политики, дѣлали это въ надеждѣ тѣмъ самымъ опровергнуть

¹⁾ Die Statistik und die Socialwissenschaften, 1877.

²⁾ Инама Штернеггъ: Geschichte und Statistik (Statist. M.-Schrift, 1882).

³⁾ Ср. мое „Rechtsstaat und Socialismus“, стр. 276 и слѣд.

соціологію ¹⁾. Но соціологіи такъ же мало дѣла до рѣшенія соціального вопроса, какъ астрономіи—до уничтоженія смѣны дня и ночи или время года, или метеорологіи до уничтоженія бурь и установленія по всей землѣ равномерной тихой погоды. Эти ошибки и это смѣшеніе тѣмъ болѣе непростительны, что основываются на полнѣйшемъ незна- нии сущности каждой науки. Наука — это теорія, а не терапія, всѣ же такъ назыв. теоріи соціальной политики не что иное, какъ соціаль- ные терапіи. Терапія можетъ основываться на теоріи (часто у ней бываетъ лишь эмпирическое основаніе), но смѣшивать ту и другую нельзя. Возможно, что теорія, (которая въ сущности лишь обуслови- ваетъ наши наблюденія), приводитъ къ терапіи, но она занята прежде всего построеніемъ теоріи, и соціологія также прежде всего можетъ и хо- четъ быть лишь теоріей и наукой. Она еще не добилаь признанія за собою права быть теоріей и наукой; какъ же можетъ она претендовать на роль соціальной терапіи? Въ интересахъ соціологіи, какъ науки, не должно пропускать случая упомянуть, что вся эта ложно-соціологи- ческая литература, занимающаяся совѣтами и планами разрѣшенія соціального вопроса, стоитъ внѣ соціологіи и только подорвала довѣріе къ ней, какъ къ точной наукѣ.

Злоупотребленіе названіемъ.

Лучъ свѣта необходимъ для разъясненія недоразумѣній и уста- новленія правильнаго пониманія даже по вопросу о соціологической литературѣ. Чего только не предлагаютъ подъ именемъ соціологіи или общественной науки! Одинъ разумѣетъ подъ этимъ названіемъ отноше- нія мужчинъ и женщинъ съ точки зрѣнія предлагаемой имъ ре- формы этихъ отношеній; другой описываетъ различныя общественныя группы своей. родины и различные общественные типы (крестьянъ, го- рожанъ, дворянъ и др.); третій (напр., не такъ давно Albert Dulk: Entwurf einer Gesellschaftswissenschaft) изучаетъ подъ этимъ заголовкомъ мораль и этику, и т. д. Неудивительно, что все это „соціологическое“ движеніе привело лишь къ общему смущенію всѣхъ точныхъ умовъ по вопросу объ этой наиболѣе неопредѣленной и неуловимой наукѣ, лишь къ полному банкротству этой фирмы.

5. Первые догадки о проблемѣ.

Гораздо больше слѣдуетъ удивляться тому, что, несмотря на дискре- дитированіе соціологіи этою псевдосоціологическою литературою, не-

¹⁾ Мы ни минуты не потеряемъ на повтореніе всего того, что Ванъ деръ Рестъ („La sociologie“) возразилъ противъ соціологіи Конта и „органической“ философіи государства; но онъ нисколько не затронулъ соціологіи, такъ какъ воевалъ съ неудач- нымъ опытомъ.

смотря на немилость, въ которую она попала у всѣхъ передовыхъ умовъ, несмотря на всеобщее недовѣріе, выражаемое наукою и критикою: глубокое стремленіе человѣческаго ума къ познанію едва предчувствуемаго закона эволюціи человѣческихъ обществъ не было подавлено, и разрозненные голоса все въ большемъ количествѣ одушевленно говорятъ о новой наукѣ будущаго.

73383
Большое число ясныхъ и остроумныхъ мыслителей—меньше въ Германіи, больше въ Англіи, Франціи и Бельгіи, съ наибольшою горячностью и энергіей въ Италіи, умѣренно, но крайне рѣшительно послѣднее время въ Америкѣ, — занялись этою наукою, стремятся выяснитъ ея предметъ, опредѣлитъ границы ея области, установить ея методъ и различіе между нею и родственными ей науками. Это безпрерывное научное движеніе, эти прозелиты новой науки, появляющіеся постоянно во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра, — все это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что всѣ эти безчисленныя попытки отрицанія соціологіи оставляютъ послѣ себя нѣкоторый остатокъ, что въ этой области знанія, на которую обращено вниманіе столь многихъ мыслителей различныхъ національностей и странъ, остается нѣкоторая нерѣшенная проблема, которой не могутъ устранить презрительно къ ней относящіеся изслѣдователи и которую другіе пытаются научно установить и обосновать. Что такая проблема въ до сихъ поръ лишь предчувствуемомъ направленіи дѣйствительно существуетъ и въ чемъ именно она заключается, это должно быть дознано вышеупомянутымъ двойнымъ рядомъ доказательствъ, къ которому мы и приступаемъ.

То обстоятельство, что эта, во всякомъ случаѣ, болѣе чувствуемая, чѣмъ ясно представляемая проблема не рѣшена рядомъ „соціологовъ“, что проложенные ими пути для ея разрѣшенія были ложны и не привели къ цѣли, наконецъ, что эти соціологи подпали многимъ ошибкамъ: обстоятельство это не можетъ служить доказательствомъ противъ права соціологіи на существованіе. Отрицалъ-ли кто за философіей право существованія на томъ основаніи, что сотни философовъ построили только ложныя системы, дѣлали очевидныя ошибки? И все же такимъ именно путемъ борются съ соціологіей.

Такъ поступаетъ въ числѣ другихъ и Wan der Rest. Раскрывая частью вполне правильно ошибки Конта и Спенсера, онъ заключаетъ, что невозможно существованіе науки соціологіи. Гдѣ же тутъ логика? Изъ этого можно только заключить, что Контъ и Спенсеръ надѣлали много ошибокъ; это справедливо относительно сотенъ соціологовъ, какъ и относительно сотенъ астрономовъ, біологовъ, химиковъ и др.; но эти ошибки никогда не служили доказательствами противъ права существованія астрономіи, химіи, біологіи. Напротивъ,

ошибки предшественниковъ тѣмъ сильнѣе понуждали преемниковъ искать истину. Ошибки предшественниковъ — незамѣнимый путеводитель для преемниковъ, въ извѣстномъ смыслѣ необходимое условіе развитія каждой науки.

6. Предметъ соціологіи.

„Если предметъ соціологіи — не что иное, и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ человѣческимъ обществомъ, — такъ говорятъ историки, то совершенно излишне создавать новую науку, такъ какъ одна изъ старѣйшихъ наукъ, исторія, трактуетъ именно объ этомъ предметѣ и, очевидно, — прибавляютъ они съ признаніемъ собственнаго достоинства — съ большимъ успѣхомъ. Стоитъ лишь вспомнить колоссальную историческую литературу всѣхъ временъ и народовъ, великихъ мыслителей, работавшихъ въ этой области въ одной лишь Европѣ, начиная съ Геродота и Фукидида и кончая Гиббономъ, Маколеемъ, Нибуромъ, Шлоссеромъ, Моммзенемъ и Ранке, — и развѣ рѣшится кто утверждать, что недостаточное число изслѣдователей работало надъ человѣческимъ обществомъ, развѣ станетъ кто предъявлять претензію на болѣе успѣшную работу надъ этимъ предметомъ по сравненію съ работой этихъ избранныхъ умовъ?“

Это возраженіе несправедливо по двумъ причинамъ, во-первыхъ, относительно соціологіи совершенно безосновательно утвержденіе, что ея предметъ — „человѣческое общество“; надобно прежде показать, что должно быть предметомъ ея изслѣдованій; далѣе, выраженіе „человѣческое общество“ настолько неопредѣленно, что такъ опредѣлять предметъ своихъ изслѣдованій одинаково не подобаетъ какъ соціологіи, такъ и исторіи. Какой историкъ можетъ претендовать на изученіе человѣческаго „общества?“ Самое большее, онъ занимается лишь частью его, о связи которой съ „человѣческимъ обществомъ“ (или человѣчествомъ?) и отношеніяхъ къ нему онъ не можетъ сказать ничего строго опредѣленнаго.

Если бы, такимъ образомъ, соціологія дѣйствительно была наукою о „человѣческомъ обществѣ“, или „человѣчествѣ“, и если бы она давала намъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ какъ цѣломъ, то рядомъ съ исторіей ей, во всякомъ случаѣ, обезпечивалось бы нѣкоторое право существованія, такъ какъ послѣдняя въ своихъ самыхъ многообъемныхъ сочиненіяхъ даетъ по вопросу о человѣчествѣ лишь отрывки, ограниченные временемъ и мѣстностію, пользуясь которыми, мы не можемъ сдѣлать никакихъ заключеній объ этомъ предметѣ какъ цѣломъ.

7. Исторія и соціологія.

Указанное возраженіе историковъ противъ соціологіи, по самой своей сущности, невѣрно, такъ какъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ

Быть изучаемъ различными науками съ различныхъ сторонъ, имъ представляемыхъ. Географія и геогнозія имѣютъ дѣло съ земнымъ шаромъ и все же остаются различными науками, такъ какъ изслѣдуютъ и наблюдаютъ земной шаръ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такимъ образомъ, человѣческое общество могло бы быть, и, дѣйствительно, является предметомъ различныхъ наукъ и, какъ исторія не дѣлаетъ излишними этнографію или статистику, такъ же мало можетъ она, въ силу общности предмета, сдѣлать излишнею соціологію — для этого, конечно, слѣдуетъ показать, что послѣдняя изслѣдуетъ и наблюдаетъ человѣческое общество въ другомъ направленіи, отличномъ отъ направленія историческихъ работъ.

Теперь мы перейдемъ къ главному аргументу противъ возраженія историковъ. Историкамъ до сихъ поръ не удалось опровергнуть упрекъ, такъ часто подымавшійся выдающимися мыслителями въ послѣднее столѣтіе, что исторія вообще вовсе не наука¹⁾. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы отрицать за соціологіей право существованія, имъ слѣдовало бы оглянуться на самихъ себя и дать отчетъ въ характерѣ своей отрасли знанія, такъ какъ, если упрекъ этотъ справедливъ, возможно, что исторія работаетъ съ соціологіей надъ однимъ предметомъ, только первая, какъ простая отрасль знанія или, быть можетъ, искусство, вторая же — какъ наука.

8. Наука ли исторія?

Этотъ старый споръ, наука ли исторія, потому такъ трудно разрѣшимъ для историковъ, что, въ большинствѣ случаевъ, нельзя согласиться по вопросу о понятіи „наука“; это понятіе настолько далеко отъ историковъ, такъ же плохо понимается ими, какъ до Коперника астрономы не могли себѣ усвоить идеи вращенія земли. Далѣе, потому, что подъ оспариваніемъ научности исторіи они, повидимому, подозрѣваютъ отрицаніе права исторіи на существованіе, что совершенно ошибочно.

Мы должны разобраться въ этомъ вопросѣ. Сами историки признаютъ, что простой рассказъ о событіяхъ, предлагаемый намъ хрониками и, подобными лѣтописямъ, историческими сочиненіями, не есть наука. Они хотятъ однако эту „примитивную“ и ненаучную исторію

¹⁾ Въ этомъ сознаются сами историки. Ср. Fester: „Schopenhauer und die Geschichtswissenschaft“ у Quidde, 1890, I. 48, гдѣ сказано, что тезисъ Шопенгауера, будто исторія не наука, „какъ онъ былъ формулированъ имъ 80 лѣтъ назадъ, до сихъ поръ не былъ опровергнутъ“. Этому опроверженію не далъ и Фестеръ. Фраза, что „проклятіе диллтантизма тяготѣетъ надъ стремленіями Шопенгауера“, не можетъ быть опроверженіемъ его вполне убѣдительныхъ аргументовъ противъ научности существующихъ нынѣ историческихъ работъ.

поднять до высоты науки, придавая ей „прагматическій“ характеръ, т. е. представляя событія въ видѣ сдѣвленія причинъ и дѣйствій.

Такое изложеніе сдѣвленія причинъ и дѣйствій, касаясь оно явленій природы или историческихъ событій, является однимъ изъ условій научности, но по той лишь причинѣ, что этимъ открывається догма для открытія управляющихъ этими явленіями и событіями законовъ, — конечно, въ предположеніи, что это дѣйствительныя причины и что то, что выдается за слѣдствіе этихъ причинъ, не произведено другими. Лишь въ томъ случаѣ, когда предложенное сдѣвленіе причинъ и дѣйствій правильно и вѣрно, лишь тогда осуществима надежда, посредствомъ предложенной причинной связи, достигнуть цѣли всѣхъ наукъ, открытія законовъ, управляющихъ всѣмъ даннымъ рядомъ явленій и событій. Каково положеніе дѣла съ причинами историческихъ событій, указываемыми прагматической исторіей? Въ состояніи ли мы—или можемъ ли надѣяться быть когда-либо въ состояніи посредствомъ этихъ, съ такимъ трудомъ почерпнутыхъ прагматической исторіей изъ архивовъ и рукописей, причинъ историческихъ событій, достичь высшей цѣли каждой науки—установленія верховнаго закона, въ данномъ случаѣ—исторіи? Нѣтъ и никогда, по очень простой причинѣ, къ которой мы и переходимъ.

9. Прагматическая исторія.

Каждая „прагматическая“ исторія ищетъ причины историческихъ событій, въ концѣ концовъ, въ личной волѣ дѣйствующихъ историческихъ лицъ. Поэтому одною изъ излюбленныхъ темъ историковъ является изображеніе характера монарховъ и ихъ министровъ, полководцевъ и дипломатовъ. Честолюбіе узурпатора — причина объявленія войны; миролюбіе монарха объясняетъ заключеніе международнаго договора. Закулисныя интриги дипломатовъ являются „прагматически“ причиною паденія государства, а любовныя приключенія государей приводятъ къ революціи. Короче, такъ называемая прагматическая исторія видитъ причины историческихъ событій преимущественно въ личной волѣ. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что историки различныхъ временъ и странъ никогда не согласны по вопросу о психологическихъ мотивахъ какого-либо дѣйствія, тогда какъ такое согласіе необходимо для любой научной задачи, сами историки заграждаютъ себѣ этимъ „психологическимъ методомъ“ дорогу къ открытію истинныхъ и дѣйствительныхъ причинъ историческихъ событій и съ тѣмъ вмѣстѣ — къ открытію законовъ исторіи. Уже само признаніе вліянія личной воли на историческія событія и сведеніе этихъ послѣднихъ на

личные намѣренія, какъ ихъ причины, —исключаетъ всякую законѣрность историческихъ событій, и, дѣйствительно, „прагматическая“ исторія не установила ни одного закона, такъ какъ никогда къ этому и не стремилась, не сознавая того, что этимъ отреченіемъ она отрекается отъ научности.

Научное изложеніе исторіи должно бы поступать именно обратно; не изъ духовныхъ свойствъ и намѣреній отдѣльныхъ личностей должна бы исторія выводить историческія событія и дѣянія (какъ будто эти дѣянія дѣлаются личностями), напротивъ, она должна намъ показать, какъ духовныя свойства и намѣренія этихъ отдѣльныхъ личностей направленіемъ своихъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствій необходимо подчиняются потребностямъ общественныхъ единицъ, ихъ включающихъ. Лишь изображеніе такой зависимости удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ. Духовныя свойства личностей вовсе не условіе историческихъ дѣяній и не первопричина событій, какъ то любятъ изображать историки; скорѣе на долю историческихъ личностей, на всемъ протяженіи исторіи, выпадаетъ подчиненная роль, такъ какъ онѣ должны быть такими, какими нужны онѣ для законѣрнаго соціального и политическаго развитія, — въ противномъ случаѣ, онѣ были бы излишни и бесполезны для соціального развитія, для исторіи же прошли бы совершенно незамѣтно.

Споръ о характерѣ исторіи потому еще такъ бесплоденъ, что между историками существуетъ цѣлый рядъ оттѣнковъ, начиная съ простого сухого лѣтописца и хроникера, съ художниковъ — изображителей характеровъ, государственныхъ мѣропріятій, войнъ и битвъ, до философовъ, изображающихъ соціальныя причины историческихъ явленій, въ дѣйствительности скорѣе соціологовъ, чѣмъ историковъ въ обычномъ смыслѣ слова. Такъ, Моммзенъ, напр., историкъ-соціологъ, потому что излагаетъ въ своей Римской исторіи соціальныя причины развитія римскаго народа. Тэнъ также часто болѣе соціологъ, нежели историкъ, такъ какъ у него вездѣ видна сознательная тенденція объяснять развитіе событій изъ взаимныхъ отношеній соціальныхъ группъ. Характерна для него первая глава его „Ancien régime“: „Строеніе общества“, такъ какъ изъ этого строенія и взаимодействія соціальныхъ слоевъ, а не изъ индивидуальныхъ дѣйствій, возникаютъ у него историческія событія. Какъ характерно для соціологическаго метода Тэна начало его изображенія привилегированныхъ классовъ (томъ II, глава 2-я): „ихъ было приблизительно 270.000; дворянъ 140,000, духовенства 130.000“ и т. д.

10. Исторія, какъ искусство.

Принципіальному спору о научности исторіи придавала извѣстную горечь мысль, что дѣло идетъ объ униженіи исторіи, что „быть наукою“ значитъ быть „высшаго ранга“, котораго лишается исторія этимъ отрицаніемъ научности ея характера.

Эта мысль совершенно ложна.

Неосновательна та критика, суть нападокъ которой на исторію заключается въ указаніи ей иныхъ путей и методовъ, въ замѣнѣ тѣхъ, которыми исторія пользовалась до сихъ поръ. Исторія восторжествуетъ надъ всѣми подобными критиками, одинаково претензіозными и неосновательными — наперекоръ имъ она остается тѣмъ же, чѣмъ была до сихъ поръ: болѣе или менѣе поэтичнымъ рассказомъ о дѣяніяхъ человѣческихъ въ области государственной жизни. Какъ таковая, она постоянно будетъ удовлетворять глубоко укоренившейся въ натурѣ чело-вѣка потребности ознакомленія съ дѣлами прошедшихъ временъ и поколѣній. Въ этой потребности чувства чело-вѣка лежитъ вѣчное оправданіе существованія исторіи, какъ бы недостаточно и неправильно ни было раціональное обоснованіе этого права. Можно спорить о томъ, приноситъ исторія пользу или нѣтъ, можетъ ли она быть „наставницей жизни“ или нѣтъ; ея право существованія лежитъ глубже этихъ плоскихъ раціоналистическихъ обоснованій въ той вѣчной потребности чело-вѣческаго духа, которая питаетъ также поэзію.

Наивны дѣлаемые ей либеральнымъ раціонализмомъ упреки ¹⁾, что

1) Всѣ эти упреки обстоятельно приведены у Bourdeau, „L'Histoire et les Historiens“, Парижъ 1888. Основная мысль книги выражена въ слѣд. словахъ: „Исторія чело-вѣческаго рода должна быть, насколько это возможно, исторіей всѣхъ чело-вѣческихъ существъ (!) Историки, однако, поступаютъ иначе: они довольствуются изученіемъ лишь немногихъ. Они дѣлятъ родъ чело-вѣческой на двѣ неравныя половины: въ одну группу помѣщаютъ людей знаменитыхъ, въ другую — несмѣтную толпу неизвѣстностей, и рѣшаютъ, что лишь первые достойны фигурировать въ ихъ повѣствованіи... Можетъ ли наука, не нарушая своихъ полномочій (?), жертвовать ради горсти людей знамени-тыхъ и извѣстныхъ такую неисчислимою массою людей неизвѣстныхъ?“ Очевидно, Бурдо хочетъ сдѣлать изъ исторіи „равноправную“ науку и подкрѣпляетъ свою тенденцію слѣдующимъ совершенно неумѣстнымъ аргументомъ: „Что подумали бы вы о географѣ, который въ полномъ землеописаніи довольствовался бы упоминаніемъ лишь о наиболее высокихъ вершинахъ?“ Даже оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что географія, во всякомъ случаѣ, не наука, она все-же не имѣетъ съ исторіей ничего общаго. Но и географія не описываетъ улицъ, дорогъ и тропинокъ каждой деревни. Слѣдовательно, и этотъ аргументъ не подкрѣпляетъ взгляда Бурдо. Если Бурдо негодуетъ на то, что исторія повидимому слѣдуетъ словамъ Лукана: *чело-вѣческой родъ живетъ немногими*, то онъ забываетъ, что это неизбѣжная естественная необходимость. Это можетъ быть несправедливо въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, и, конечно, вовсе не демократично и, быть можетъ, неправильно, не цѣнно и нехорошо; но, къ сожалѣнію, нельзя измѣнить того, что трудящіеся въ потѣ лица своего милліоны существуютъ, повидимому, лишь для обезпеченія возможности государственныхъ дѣяній правящимъ и дипломатамъ. Но Бурдо можетъ быть спокоенъ: существуетъ правда на свѣтѣ и въ исторіи. Они кажутся дѣ-

она занимается исключительно лишь правящими и забывает о народѣ“. Дѣлаетъ это исторія просто потому, что „народъ“ охотно читаетъ исторію своихъ королей. Такъ всегда было и будетъ. Этого не измѣнить республиканскія учрежденія; только мѣсто королей и королевъ займутъ президенты и президентши. Этотъ, такъ сказать, „методъ“ исторіи основывается не на ошибкѣ или ложномъ направленіи историковъ, а на всеобщемъ направленіи человѣческаго духа и свойствахъ массъ. Историки, какъ поэты и художники, лишь социальный продуктъ этихъ массъ, выраженіе ихъ мнѣній, стремленій и идеаловъ.

Такъ же мало справедливъ упрекъ, дѣлаемый исторіи, что она предпочтительно описываетъ войны и битвы, правительственныя и государственныя дѣла, вмѣсто того чтобы повѣствовать о мирномъ трудѣ народа. Жизнь народа, дѣйствительно, вращается около войнъ и битвъ, правительственныхъ и государственныхъ дѣлъ, поэтому, вполне вѣренъ инстинктъ массъ, удѣляющій этимъ государственнымъ дѣламъ величайшее вниманіе, такъ какъ отъ хода этихъ дѣлъ зависитъ судьба ихъ „мирнаго труда“. Жизнь народа зависитъ отъ войнъ и битвъ: исходъ ихъ опредѣляетъ возможность „мирнаго труда“. Никакой разсудочный доводъ не ослабитъ поэтому интереса массъ къ правительственнымъ и государственнымъ дѣламъ въ пользу мирнаго труда, и историки постоянно будутъ руководствоваться этимъ естественнымъ интересомъ массъ.

Во всякомъ случаѣ, то, что удовлетворяетъ этому интересу, есть повѣствованіе, а не наука; это скорѣе поэзія, художественная передѣлка дѣйствительности, всегда имѣющая, какъ таковая, большое значеніе и высокую цѣну. И эта цѣна и значеніе будутъ увеличиваться не большимъ соотвѣтствіемъ повѣствованія съ дѣйствительностью, но большею художественною правдою — художникъ и тутъ будетъ стоять выше фотографа; между художниками постоянно будутъ существовать, въ зависимости отъ ихъ наклонностей и способностей, представители батальной живописи, исторической, жанровой и буколической. Нѣтъ видимыхъ разумныхъ основаній дѣлать изъ исторіи науку, которая

ателями; въ сущности же, они лишь маріонетки, выдвинутыя невидимыми, неизвѣстными и безыменными милліонами. Въ этомъ вознагражденіе за кажущуюся несправедливость, правда природы и исторіи: дѣятель не тотъ, кто кажется дѣтелемъ, а тотъ кто не кажется имъ. Изъ этого не слѣдуетъ, какъ думаетъ Бурдо, что историки должны заниматься милліонами личностей, вмѣсто немногихъ правителей и вождей; нѣтъ; исторія только должна воздать должное истинѣ и не заниматься наружнымъ блескомъ. Пусть занимается она, какъ донинѣ, государственнымъ дѣлами и великими актерами, первыми любовниками и героями на подмосткахъ исторіи; пусть только показываетъ она намъ одновременно истинныя причины каждаго ихъ шага въ условіяхъ существованія и стремленіяхъ массъ, опредѣляющихъ направленіе государственныхъ дѣлъ, театральныхъ поступковъ дѣйствующихъ на сценѣ лицъ.

должна идти по предписанному пути, пользоваться однимъ единственно признаннымъ вѣрнымъ методомъ и наблюдать лишь тѣ явленія, которыя укажетъ ей разъ навсегда, какъ заслуживающія вниманія, научная методика.

Всегда будутъ существовать „науки“, занимающіяся простымъ описаніемъ и повѣствованіемъ, такъ какъ то короткое время, которое удѣлено человѣку въ этомъ мірѣ, онъ не можетъ заполнить лучше, какъ ознакомленіемъ со всѣмъ происходящимъ и прошедшимъ. Исторія — простой отчетъ съ поля военныхъ дѣйствій человечества, и кто знаетъ, съ какою жаждою люди ежедневно проглатываютъ отчеты о всевозможныхъ событіяхъ, какъ это необходимо для ихъ жизни и ихъ развлеченій, тотъ постигъ, въ чемъ право существованія исторіи. Къ этому присоединяется еще второй интересъ — къ выдающимся личностямъ. Безспорно, въ человѣкѣ глубоко лежитъ потребность удивляться чуждымъ ему, выдающимся личностямъ; потребность эта требуетъ удовлетворенія и находитъ его въ исторіи. Обратите вниманіе, съ какою охотою и страстью люди свидѣтельствуютъ свое почтеніе выдающимся личностямъ. Историкъ идетъ навстрѣчу этому культу личности, приписывая всѣ имѣющія значеніе историческія событія отдѣльнымъ руководящимъ личностямъ. — Уже какъ культъ личности, исторія имѣетъ право существованія.

Идеи въ историческихъ сочиненіяхъ.

Все вышесказанное вовсе не оскорбляетъ исторію и не затрогиваетъ щепетильности историковъ. Въ историческихъ произведеніяхъ, помимо ихъ высокаго достоинства, какъ сборниковъ важныхъ матеріаловъ для всѣхъ наукъ, философіи и социологіи, нельзя не обратить вниманія также на идейное содержаніе. Потому что не только ихъ матеріалы, но ихъ идеи имѣютъ большое значеніе прежде всего по той причинѣ, что, не будучи ими воодушевлены, историки не могли бы собрать и матеріалы. Безъ идей нѣтъ и историческихъ сочиненій. Никакой Боссюэтъ не взялся бы за перо, если бы оно не могло прославить мудрыя рѣшенія истиннаго Провидѣнія, ведущаго человѣка къ истинѣ путемъ ошибокъ. Никакой Вольтеръ не изобразилъ бы намъ въ яркихъ краскахъ печальную судьбу человечества, если бы не захотѣлъ насъ убѣдить, что всеобщая исторія — бессмысленная трагедія, полная пота и крови. Историкъ культуры не собиралъ бы съ пчелинымъ трудолюбіемъ массовыя данныя, не желай онъ доказать, что человѣкъ изъ звѣроподобнаго состоянія черезъ каменный, бронзовый и желѣзный вѣка, черезъ варварство и невѣжество, достигъ богатыхъ свѣтомъ высотъ

цивилизациі. И такъ было всегда. Все же, со всѣми этими идеями, исторія — не наука. Всѣ эти идеи просто субъективныя тенденціи, тогда какъ критерій науки — объективность и нетенденціозность. Наука не обращаетъ вниманія на наши симпатіи и антипатіи. Она игнорируетъ наши чувства, ей нѣтъ дѣла до нашихъ радостей и печалей, до нашихъ стремленій. Она стремится познать истину, закономѣрную эволюцію событій.

11. Исторія и исторія культуры.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ также, что веденный съ большою горячностью споръ между исторіей и исторіей культуры, изъ-за правъ и преимуществъ, совершенно празденъ и излишенъ. Исторія культуры коритъ исторію тѣмъ, что послѣдняя занимается совершенно незначущими вещами и игнорируетъ развитіе культуры, составляющее настоящую сущность исторіи. Настоящая исторія человечества — исторія культуры, а не политическая исторія. На это историки отвѣчаютъ, что они принимали во вниманіе въ послѣднее время также ходъ культуры; что, со времени Шлоссера, они удѣляли достаточно вниманія развитію литературы, наукъ и искусствъ, оставляя однакожь за правительственными и государственными дѣйствіями собственное имъ первое мѣсто. Исторія культуры не какъ часть исторіи, а какъ самостоятельная наука, не имѣетъ никакихъ правъ; исторія культуры просто изображеніе подчиненной или, въ лучшемъ случаѣ, существующей эволюціи, которая, будучи оторвана отъ своего естественнаго корня, политической исторіи, не имѣетъ никакого значенія, становится отрывкомъ безъ начала и конца.

Обоюдные упреки одинаково неосновательны. О правѣ исторіи на существованіе мы уже говорили, и этою ссылкой на прежде сказанное мы покончимъ съ упреками историковъ культуры. Само-собою разумѣется, что изображеніе развитія культуры также можетъ быть предметомъ историческаго описанія. Однакожь односторонне и неправильно отрывать развитіе культуры отъ ея естественной почвы, развитія общественныхъ и государственныхъ институтовъ, какъ это дѣлаютъ отдѣльныя изслѣдованія. Наконецъ, можно также дать описаніе самостоятельнаго историческаго развитія какого-либо оружія и орудія, независимо отъ общаго хода всякаго рода общественнаго развитія; отъ автора зависитъ и въ этомъ отдѣльномъ, обособленномъ случаѣ эволюціи выяснитъ идеальныя моменты. Во всѣхъ подобныхъ изображеніяхъ меньше значенія имѣетъ предметъ, нежели способъ изображенія, и обработка исторіи огнестрѣльнаго оружія можетъ заключать въ себѣ больше художественныхъ и научныхъ достоинствъ, чѣмъ цѣлая всемірная исторія, написанная тривиально и безъидейно.

Сфера вѣдѣній исторіи и исторіи культуры и отношеніе ихъ другъ къ другу.

Здѣсь вполне умѣстно нѣсколько ближе познакомиться съ споромъ между историками и историками культуры о правѣ исторіи культуры на существованіе, споромъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сильно раздутымъ естествоиспытателемъ Дю Буа Реймономъ, въ которомъ, какъ мы увидимъ, всѣ три стороны были неправы и который временно прекратился, благодаря открытому и честному признанію одного историка Бухгольца. Ходъ спора былъ слѣдующій.

Въ одной академической рѣчи объ исторіи культуры и естествознанія Дю Буа Реймонъ порицалъ то обстоятельство, что естествознаніе находится у историковъ въ полномъ пренебреженіи, хотя „исторія естествознанія есть дѣйствительная исторія человѣчества“, и послѣдняя безъ первой совершенно непонятна. Въ чемъ причина паденія Рима? спрашиваетъ Дю Буа. Историки указать ея не могутъ. Естествоиспытатели даютъ на этотъ вопросъ различные отвѣты. Либихъ доказываетъ, что паденіе Рима вызвано недостаткомъ фосфорной кислоты и кали (удаленныхъ изъ почвы Италіи нераціональною системою земледѣлія); Конрадъ утверждаетъ, что причина паденія—обезлѣсеніе Италіи и иссяканіе почвенныхъ водъ. Истинная причина паденія Рима заключается въ пренебреженіи естествознаніемъ. „Старая культура погибла не по той причинѣ, что почва береговъ Средиземнаго моря обѣднѣла фосфорной кислотой и кали, а потому, что покоилась на зыбучихъ пескахъ эстетики и умозрѣнія, легко смытыхъ бурнымъ нашествіемъ варваровъ.“ Если бы римскіе легіоны были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, варвары были бы разбиты и отброшены назадъ. Послѣ того протекло еще много столѣтій, пока, въ настоящемъ вѣкѣ, наконецъ, поняли значеніе и важность естествознанія. Этотъ ходъ развитія человѣческаго духа, начиная съ первобытныхъ временъ черезъ антропоморфическую древность къ спекулятивно-эстетической, далѣе—черезъ схоластически-аскетическій періодъ къ новѣйшему технически-индуктивному, одинъ лишь составляетъ достойный предметъ исторіи. „Мы получимъ совершенно иную всемірную исторію вмѣсто той, которую обыкновенно такъ называютъ и которая толкуетъ о пустякахъ, напр., о возвышеніи и паденіи королей и царствъ, о договорахъ и тяжбахъ по поводу наслѣдствъ, объ войнахъ и завоеваніяхъ, о битвахъ и осадахъ, о возстаніяхъ и междоусобицахъ, объ опустошеніи городовъ и истребленіи народовъ, объ убійствахъ и казняхъ, о дворцовыхъ заговорахъ и интригахъ духовенства; которая указываетъ въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ мрачную игру честолюбій, алчности и чувственности, насиліе, измѣну и месть, обманъ, суевѣріе и лицемѣріе. Лишь черезъ большіе промежутки ожив-

ляется эта мрачная картина проблескомъ истиннаго величія и мирнаго успѣха, чаще — возвышающимъ душу геройствомъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, напраснымъ. Къ чему приводитъ, въ концѣ концовъ, этотъ путь черезъ потоки слезъ и моря крови? Развѣ виденъ въ гражданской исторіи непрерывный прогрессъ, какъ результатъ дѣйствія господствующихъ въ ней силъ? Стали ли короли мудрыми, народы умѣренными? Развѣ не кажется исторія годной лишь на одно — чтобы поучиться у нея, что она ничему не учитъ? Достигло ли человѣчество въ наше время болѣе высокой степени развитія свободы, нравственности, силы, искусства, благосостоянія и науки? Развѣ это не Сизифовъ трудъ, раскрываемый предъ нами исторіею, и въ самомъ понятіи „культурнаго періода“ развѣ не кроется мысль, что онъ обреченъ на гибель?“

Этотъ взрывъ негодованія на обычное содержаніе историческихъ сочиненій и недоувѣріе къ значенію и смыслу всемірной исторіи совершенно понятны у глубокомысленныхъ, воспитанныхъ на естественныхъ наукахъ умовъ, пока они не могутъ дать себѣ объ исторіи точнаго, удовлетворительнаго отчета. Совершенно подобный случай, за 140 лѣтъ до Дю Буа Реймона, былъ съ Вольтеромъ, который почти тѣми же словами выразилъ въ своемъ, появившемся въ 1740 году „Essai sur les mœurs“, тѣ же чувства негодованія и отчаянія. Его также ввергло въ отчаяніе то, что въ этой кутерьмѣ переворотовъ, съ одного конца міра до другого, онъ не нашелъ другой высшей идеи, кромѣ фатальнаго сцѣпленія причинъ, „увлекающихъ людей такъ же, какъ вѣтры несутъ песокъ и поднимаютъ волны“. Онъ постоянно прерываетъ свое изображеніе исторіи крикомъ отчаянія, что „вся эта исторія простая куча преступленій, безумствъ и несчастій, между которыми мы находимъ нѣсколько добродѣтелей, нѣсколько счастливыхъ мгновеній, подобно тому, какъ въ дикой пустынѣ встрѣчаются тамъ и сямъ цвѣтушія поселенія.“

Въ XVIII столѣтіи Вольтеръ могъ позволить себѣ высказать такой приговоръ исторіи, не подвергаясь за него бурнымъ нападкамъ. XVIII столѣтіе не имѣло счастья видѣть спеціалистовъ исторіи, не занимающихся ничѣмъ, кромѣ историческихъ сочиненій, и считающихъ изображеніе прошлаго величайшимъ дѣломъ науки. Вольтеръ совершенно откровенно и свободно могъ высказать свой взглядъ на исторію и историческія сочиненія, такъ какъ онъ самъ былъ также историкомъ, такъ какъ въ его время ученые и изслѣдователи никогда не ограничивались одною научною областью, спеціализація же, конечно, сильно способствуетъ основательности работы, но лишь на счетъ широты взгляда на цѣлое и объективности сужденія о другихъ областяхъ знанія. Но въ нашъ вѣкъ, когда спеціалисты историки и профессора исторіи такъ хорошо устроились на своей полочкѣ, что совершенно ослѣпли для всего про-

исходящаго въ мірѣ и наукѣ въ ся великомъ цѣломъ, Дю Буа Реймонъ подвергся со стороны историковъ бурнымъ и не вполне вѣжливымъ нападкамъ за свое вышеприведенное сужденіе объ исторіи, не заключающее ничего сверхъ сказаннаго историкомъ Вольтеромъ.

Лоренцъ—очень заслуженный историкъ, но никакъ не философъ—полагаетъ, что „смутное стремленіе найти въ области человѣческой исторіи то, что естествоиспытатель называетъ закономъ“ выступаетъ „все съ большими требованіями“, и упрекаетъ „главнаго представителя этого направленія, Дю Буа Реймона“, въ томъ, что онъ „извлекъ крайнія слѣдствія означеннаго воззрѣнія съ такою ясностью и живостью (sic!)“, что долгомъ историка стало разобратъся въ этомъ направленіи¹⁾.

Это „разъясненіе“, несмотря на очень претензіозное заявленіе Лоренца, удалось крайне плохо. Если Лоренцъ думаетъ, что „исторія исчезнувшихъ государствъ требуетъ изученія не по тѣмъ принципамъ, которые примѣнимы къ исторіи земной коры“, то это совершенно вѣрно, и такого тождества принциповъ геологіи и исторіи не предполагали ни Дю Буа Реймонъ, ни другіе; когда же онъ присовокупляетъ, что причина различія въ томъ, „что мы въ первой (т. е. въ исторіи) принимаемъ въ соображеніе лишь дѣйствія, совершенныя по волѣ отдѣльной личности, которая могла также рѣшиться на нѣчто иное“, то этимъ самымъ онъ исключаетъ исторію изъ круга наукъ. Изображеніе дѣйствій, являющихся плодомъ „личной воли“ людей, „которые могли бы поступить и иначе“, никоимъ образомъ не можетъ быть предметомъ науки, но единственно предметомъ удовлетворяющаго общему любопытству историческаго разсказа, въ большей или меньшей степени художественнаго произведенія, поэтическаго воспроизведенія дѣйствительности.

Ясно, что между научною точкою зрѣнія Дю Буа Реймона и исторически-повѣствовательнаго Лоренца и историковъ невозможны компромиссъ и соглашеніе; съ людьми, ставящими историческія событія въ зависимость отъ „воли личностей“, „которыя могли бы принять инья рѣшенія“, невозможенъ споръ о наукѣ. Дю Буа Реймонъ говорилъ лишь для тѣхъ, кто не исключаетъ историческія событія изъ причинной связи всего совершающагося въ мірѣ. Эта точка зрѣнія до нашихъ дней остается чужда историческимъ сочиненіямъ и безъ помощи соціологіи—такъ и останется чуждою.

Историки вполне правы, возражая, что тѣ, кто, со временъ Конта и Бокля, примѣняли естественно-научную точку зрѣнія къ исторіи, не достигли никакихъ результатовъ; что имъ до сихъ поръ не удалось показать естественно-научные „законы исторіи“; но безрезультатность

¹⁾ Ottokar Lorenz, Die Geschichtswissenschaft, Берлинъ 1886—1890.

этихъ стремленій не можетъ быть логическимъ аргументомъ противъ правильности точки зрѣнія. Конечно, ни Контъ, ни Бокль, ни Дю Буа Реймонъ не были въ состояніи указать хотя бы одинъ такой законъ исторіи: это показываетъ лишь, что задача не была ими рѣшена; но не доказываетъ невозможности ея рѣшенія.

Что касается Дю Буа Реймона, то его отрицательный приговоръ надъ исторіей, какъ наукою, совершенно вѣренъ и повторяетъ лишь сказанное до него такъ же вѣрно Контомъ, Шопенгауэромъ и Боклемъ. Но и онъ ошибается въ положительной части своего сужденія, какимъ образомъ возможна научная исторія, подобно тому какъ и соответственныя попытки Конта и Бокля были ошибочны. Положеніе Дю Буа Реймона: „исторія естествознанія—истинная исторія человѣчества“ парадоксально и не можетъ быть принято въ точномъ его смыслѣ, такъ какъ естествознаніе не человѣчество, а лишь вторичное явленіе въ области человѣчества. Конечно, исторія человѣчества отражается не только въ исторіи естествознанія, но и во всѣхъ наукахъ и искусствахъ, однако, не можетъ быть отождествлена съ ними. Исторія культуры можетъ еще быть такъ опредѣлена, по считать ее, какъ то дѣлаетъ Бокль, за „истинную исторію человѣчества“, большая ошибка.

Понятна и потому простибельна эта ошибка у философовъ и мыслителей, привыкшихъ отыскивать въ массѣ явленій общее, идею, законъ, и видящихъ въ отысканіи и изслѣдованіи закона задачу науки. Во всякомъ случаѣ, въ прогрессивно развивающейся, рядомъ съ общимъ развитіемъ человѣчества, культурѣ мы находимъ такой законъ; не удивительно, что мыслители и философы съ радостью цѣплются за нее и въ ея прогрессивномъ развитіи видятъ сущность исторіи, ея квинт-эссенцію.

Что это ошибка, видно уже изъ того, что культура, въ лицѣ ея временныхъ носителей (націй), вовсе не постоянно прогрессируетъ, но непременно приводитъ ихъ къ политическому упадку и разрушенію, падаетъ съ ними, съ тѣмъ, чтобы потомъ вновь возродиться, подобно фениксу, изъ пепла. При такихъ условіяхъ, изображеніе прогрессивнаго развитія культуры, очевидно, должно заключать въ себѣ большіе безкультурные пробѣлы, или, если угодно, періоды варварства, необъяснимые „закономъ прогрессивнаго развитія культуры“, объясненіе которыхъ приходится искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Каждая исторія культуры, даже если она является чѣмъ-то бѣльшимъ, чѣмъ простымъ описаніемъ, даже если въ ней есть стремленіе къ научности, можетъ объяснить лишь развитіе культуры, т. е. то вторичное соціально-психическое явленіе, имѣющее соціальное основаніе, причины котораго коренятся въ общественныхъ условіяхъ, словомъ, первичнымъ явленіемъ.

емъ котораго оказывается челоѣческое общество, въ широкомъ смыслѣ слова. Это указываетъ на другую, основную науку, предметомъ которой являются именно вышеупомянутыя первичныя явленія и цѣлью—установленіе законовъ общества, а не культуры; такова именно наука *соціологія*. Истинное въ словахъ Вольтера, Бокля и Дю Буа Реймона заключается въ осужденіи исторіи, какъ науки, такъ какъ она не даетъ намъ высшаго, всеобщаго закона, а лишь непонятную путаницу дѣяній; ошибка же этихъ замѣчаній въ томъ, что они пытались найти это общее, этотъ законъ въ совершенно неподходящей области, въ области вторичныхъ явленій, тогда какъ его можно найти лишь путемъ изученія области первичныхъ соціальныхъ явленій, что создаетъ науку соціологію.

Эта ошибка Дю Буа Реймона не была выяснена историками, яростно нападшими на него, хотя многіе изъ нихъ, напр. Дитрихъ Шефферъ, руководимые скорѣе вѣрнымъ инстинктомъ, чѣмъ яснымъ пониманіемъ, правильно отмѣчали ошибочность требуемой Дю Буа Реймономъ замѣны исторіи исторіей культуры¹⁾. Шефферъ совершенно вѣрно оспариваетъ мнѣніе, что, съ помощью исторіи культуры, „исторія вступитъ въ новую эру существованія“, такъ какъ первое мѣсто въ культурно-историческомъ процессѣ занимаютъ не политическія и религіозныя убѣжденія и страсти народовъ, а ихъ повседневныя привычки и заботы; неоспоримо также требованіе Шеффера, чтобы „государство, политическое общество, тысячелѣтія остававшееся главнымъ, господствующимъ предметомъ историческихъ изслѣдованій и размышленій, и впредь имѣло преимущественное значеніе“ въ исторіи. Когда Шефферъ опредѣляетъ задачу историковъ, какъ „выясненіе государства, его происхожденія, будущаго, условій его существованія, его задачъ“, — то онъ указываетъ исторіи задачу, разрѣшенію которой исторія произвольно содѣйствуетъ, но къ которой она, однако, до сихъ поръ сознательно не приступала и которую, съ большими основаніями, можно отнести къ соціологіи. Именно, то обстоятельство, что исторія, какъ говоритъ самъ Шефферъ, преимущественно „изображаетъ дѣянія предковъ и современниковъ во славу своего народа“ (стр. 10), что „животворящій духъ, безъ котораго она была бы мертвымъ знаніемъ, заимствованъ ею изъ государственной или національной жизни“ (стр. 11), что она никогда не удаляется безъ вредныхъ послѣдствій съ „этой свойственной ей почвы“ (стр. 11), что „политическія возрѣнія увеличиваютъ ея значеніе“, что „историческій смыслъ собственно не что иное, какъ память народовъ“, короче, что каждое историческое сочиненіе должно быть въ своей основѣ національнымъ эпосомъ: обстоятельство это является

1) Dietrich Schäfer: Das eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte, Iena 1888.

наибольшею помѣхою для дѣйствительнаго познанія сущности государства, какъ такового. Если Шефферъ, съ одной стороны, требуетъ отъ исторіи, чтобы она не „избѣгала національныхъ, политическихъ, религиозныхъ импульсовъ“, то непослѣдовательно требуетъ отъ нея, съ другой стороны, чтобы она выясняла сущность государства. Национально - политическая точка зрѣнія и объективное, научное знаніе взаимно исключаютъ другъ друга. Необходимо выбирать между эпосомъ и наукою; совмѣстить ихъ невозможно.

Шефферъ самъ замѣчаетъ противорѣчіе, заключающееся въ представленномъ имъ къ исторіи требованіи, чтобы она одновременно была и эпосомъ, и наукою; но онъ не въ состояніи разрѣшить или устранить его. „Развѣ не будетъ исторія, при такомъ пониманіи, (какъ національный эпосъ) необходимо одностороннею, партійною, узконаціональною?“ спрашиваетъ Шефферъ, и чистосердечно же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Гораздо болѣе утѣшается онъ тѣмъ, что „никогда нельзя совершенно отречься отъ своей принадлежности къ народу и государству“ и что отдѣльная личность, „на какую точку зрѣнія стала она при спокойномъ (?) изученіи своей націи, съ той же точки зрѣнія судить и чужихъ (?)“ (стр. 31). Ясно, какъ глубоко проникъ Шефферъ съ одной стороны въ противорѣчіе эпоса и науки, съ другой, въ неясность послѣдняго понятія, когда онъ дѣлаетъ исторію то „наставленіемъ въ духѣ своей націи“, какъ она дается нашему разумѣнію, то „изображеніемъ и группировкою, не вносящими ничего въ матеріаль и его систематизированіе“ (стр. 30).

Шефферъ хотѣлъ соединить несоединимое: историческое повѣствованіе, какъ національный эпосъ, т. е. политически тенденціозное изложеніе, чѣмъ исторія постоянно остается, и объективную науку о государствѣ и обществѣ, чѣмъ исторія никогда не будетъ и чѣмъ должна быть социологія.

Шефферъ не воздалъ должнаго основаной идеѣ Дю Буа Реймона; пойми онъ его, онъ долженъ былъ бы прямо возразить на его заключенія: исторія искусство, а не наука; она должна художественно воспроизводить человѣческія дѣянія и поступки и достигнуть такого же дѣйствія, какъ и произведенія искусства; установленіе же общихъ законовъ государственной и соціальной жизни вовсе не дѣло исторіи¹⁾.

¹⁾ Совершенно вѣрно замѣтилъ Gotheim (Aufgaben der Kulturgeschichte, стр. 7): „выработка живого представленія прошедшаго и сообщеніе его читателю, словомъ, художественный моментъ... является для историка первымъ условіемъ и послѣднимъ“; но Готгейнъ ошибается, прибавляя, что этотъ художественный моментъ „составляетъ отличительную черту исторіи между всѣми прочими науками“, такъ какъ наука — не искусство и не нуждается въ „художественныхъ моментахъ“; нельзя поэтому сказать, что онѣ уступаютъ въ этомъ отношеніи исторіи. Между науками и исторіей подобныя сравненія ложны, такъ какъ цѣли исторіи отличны отъ цѣлей науки: первая имѣетъ цѣлью „живое представленіе“ событій, послѣдняя — общіе законы.

Выводы Шеффера, напротивъ, построены на мысли, что исторія культуры составляетъ лишь часть исторіи. Въ то время какъ „историческое изслѣдованіе слѣдитъ за развитіемъ человѣческихъ нравовъ и образованія, сосредоточивается вниманіе прежде всего на отношеніяхъ человѣка къ государству, исторія въ своихъ изслѣдованіяхъ рѣшаетъ задачу, которую такъ называемая исторія культуры никогда не сумѣла бы разумно поставить“ (стр. 26). На требованіе Дю Буа Реймона устранить ненаучную политическую исторію и замѣстить ее единственно научною исторіею культуры, Шефферъ отвѣчаетъ: правильно понимаемая національно-политическая исторія является, кромѣ того, лучшею исторіею культуры. Мы видимъ, что эти два направленія не понимаютъ другъ друга: Дю Буа Реймонъ приходитъ въ отчаяніе отъ исторіи, такъ какъ общій законъ онъ находитъ лишь въ развитіи наукъ и культуры; Шефферъ совершенно не понимаетъ возраженій Дю Буа Реймона, при случаѣ, бросаетъ по его адресу слово „абсурдъ“ (стр. 24) и отрицаетъ за исторіею культуры, какъ наукой, право на самостоятельное существованіе, такъ какъ ея важнѣйшее содержаніе входитъ также въ полицейскую исторію ¹⁾. Что при такомъ отношеніи къ вопросу, безъ обращенія къ принципамъ, безъ выясненія основныхъ понятій, безъ логической обосновки своихъ утвержденій, получается лишь расплывающійся въ ширину и безрезультатный споръ, доказываетъ сочиненіе Готгейна: „Задачи исторіи культуры, (Лейпцигъ, 1889), вышедшее, какъ отвѣтъ на рѣчь Шеффера. Противъ утвержденія Шеффера, что исторія культуры лишь часть исторіи, Готгейнъ полагаетъ, что исторія должна стать исторіею культуры (стр. 2). Шефферъ требуетъ подчиненія исторіи культуры національно-политической исторіи, Готгейнъ же полагаетъ, что „политическая исторія, въ силу ея необходимости и достоинствъ, останется существовать, но общая исторія, исторія культуры, требуетъ отъ нея подчиненія“ (стр. 3). Государственная жизнь лишь „часть человѣческихъ нравовъ“, никоимъ образомъ не главная ²⁾.

Готгейнъ стоитъ еще на дуалистической точкѣ зрѣнія, расторгающей естествознаніе и науки о духѣ; исторіи указывается ея мѣсто

¹⁾ Этого расширенія требуетъ для исторіи Bernheim, отводя ей какъ изображеніе первобытныхъ временъ, равно и такъ наз. доисторическихъ. *Lehrbuch der historischen Methode*, стр. 31, 32.

²⁾ Бернгеймъ, напротивъ, хочетъ уладить споръ между исторіею и исторіею культуры такимъ образомъ, что устанавливаетъ „обѣ какъ равноправныя вѣтви нашей науки (т. е. исторіи), раздѣленные въ интересахъ изслѣдованія, но остающіяся крѣпко связанными частями большого цѣлаго, не могущія поэтому существовать порознь и постоянно должны дополнять другъ друга“ (стр. 44). Такимъ образомъ, Бернгеймъ не признаетъ принципиальнаго различія между политическою исторіею и исторіею культуры, что является у него слѣдствіемъ выдержанности его опредѣленія исторіи, какъ „науки о развитіи людей въ ихъ дѣятельности, какъ социальныхъ существъ.“

среди послѣднихъ, такъ какъ государство и все, находящееся съ нимъ въ связи, съ этой точки зрѣнія является произведеніемъ человѣческаго духа. Готгеймъ послѣдовательно аргументируетъ далѣе: „Наука о человѣческомъ духѣ всего одна. Разсматривая ее со стороны ея неизмѣнныхъ основоположеній, мы называемъ ее философіей; стремясь познать измѣненія и развитіе ея предмета, называемъ ее исторіей культуры. Третьяго воззрѣнія нѣтъ“. Такъ выставилъ Готгеймъ тезисъ, прямо противоположный воззрѣніямъ Шефера и почти тождественный воззрѣніямъ Дю Буа Реймона. Но какъ Шеферъ, такъ и Готгеймъ пропустили то, что должно бы быть первымъ предметомъ ихъ вниманія, именно, ясное опредѣленіе понятія науки, которое должны предшествовать вопросу о научности исторіи, и въ изложеніи Готгейма встрѣчаемъ мы странное противорѣчіе, что онъ, несмотря на предъявляемыя къ исторіи эстетическія требованія, считаетъ ее наукою. Что сказали бы, если бы отъ астрономіи потребовали, чтобы она принимала во вниманіе, „художественный моментъ?“

Лишь строгое разграниченіе исторіи и соціологіи можетъ разрѣшить это противорѣчіе. „Живое представленіе событій“, „художественное“ воспроизведеніе политической жизни—дѣло исторіи; нахожденіе же общихъ законовъ историческаго процесса—дѣло соціологіи. Разъ достигнуто это знаніе, тотчасъ прекратится вѣчное смѣшиваніе исторіи, какъ искусства, и исторіи, какъ науки; тогда же опредѣлится граница между исторіей и исторіей культуры, такъ какъ послѣдняя—отрасль соціологіи, имѣющая своимъ предметомъ происхожденіе, сущность и развитіе культуры, какъ вторичнаго соціальнаго или, вѣрнѣе, соціально-психическаго явленія.

Этого разграниченія не достигъ еще и Бернгеймъ, который изслѣдуетъ, въ своемъ сочиненіи: „Историческія изслѣдованія и философія исторіи“ и въ уже цитированномъ выше учебникѣ историческаго метода, понятіе исторіи и ея задачи, и также говоритъ объ отношеніяхъ ея къ исторіи культуры и соціологіи.

Бернгеймъ облегчаетъ себѣ разрѣшеніе этого спорнаго вопроса путемъ различенія трехъ родовъ историческихъ сочиненій: повѣствовательнаго, учебнаго и эволюціоннаго (генетическаго). Всѣ заявленія относительно ненаучности исторіи пытается онъ разбить, признавая ихъ полными значеній для „повѣствовательной“ и, пожалуй, „учебной“, но никакъ не „эволюціонной“ исторіи; при чемъ за каждымъ изображеніемъ „развитія“ требуетъ признанія характера научности ¹⁾.

1) Правильный взглядъ на исторію изложенъ однако Бернгеймомъ въ его сочиненіи „Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie:“ „Стихи Гомера, саги, Нибелунги—сказано тамъ на 4-й стр.—что же это, какъ не исторія въ формѣ нѣсни?“ Изъ этого положенія логически слѣдуетъ, что всѣ историческія сочиненія—просто повѣствовательный эпосъ.

Другое же понятіе науки, по которому она изображаетъ не только развитіе, но формулируетъ также всеобщіе законы, онъ называетъ одно-стороннимъ перенесеніемъ понятія „естествознанія“ въ область науки о духѣ. Слѣдовательно, нельзя оспаривать и Бернгейма, или, скорѣе, споръ и съ нимъ долженъ бы итти прежде о понятіи науки. По крайней мѣрѣ Бернгеймъ говоритъ точно и ясно: „Историческая наука не хочетъ и не можетъ искать общихъ законовъ. Признать это — значитъ признать не что иное, какъ то, что исторія не отрасль естествознанія, не такъ назыв. точная наука; но утверждать на этомъ основаніи, что она вообще не наука — ошибочно, и эту ошибку дѣлаютъ тѣ, кто такъ же произвольно, какъ и односторонне, ограничиваетъ понятіе „науки“ естественными науками. Кто безпристрастно окинетъ однимъ взглядомъ всю область человѣческаго знанія, тотъ признаетъ за исторіей полный титулъ (?) науки, какъ бы строго ни опредѣлилъ онъ это понятіе, такъ какъ она даетъ намъ связанное, общее и точное знаніе особенной области міра явленій“. Конечно, когда понятіе науки понимается такъ, что она предлагаетъ намъ лишь „связанное знаніе особенной области міра явленій,“ тогда исторія дѣйствительно наука. Но такое опредѣленіе понятія науки слишкомъ широко; подъ него подходятъ также многія другія дисциплины, представляющія собою лишь нѣкоторую „сущность знаній“ и не принадлежащія къ числу наукъ. Уже въ 60-хъ годахъ Лацарусъ вполне вѣрно замѣтилъ: „Наука должна отыскивать общіе законы; она должна представить событія, слѣдовательно, процессъ историческаго развитія, въ его закономерности“.

Если Бернгеймъ такое опредѣленіе понятія науки называетъ „ограниченіемъ понятія науки естествознаніемъ“, то это можетъ быть и вѣрно, но, съ монистической точки зрѣнія, исторія лишь одна изъ сторонъ естественной исторіи человѣчества, почему споръ: научна ли исторія или нѣтъ, долженъ быть перенесенъ на иное поле, именно сведенъ къ спору между монизмомъ и дуализмомъ. Но туда мы не послѣдуемъ за Бернгеймомъ, который является въ данномъ случаѣ послѣдователемъ Дильтея; нечего спорить съ тѣмъ, кто признаетъ нѣкую особливую область „наукъ о духѣ“, гдѣ природа перестаетъ дѣйствовать и царитъ „свободный духъ человѣка.“

Мы никогда не подвинемся ни на шагъ впередъ, если будемъ постоянно признавать спорными старыя безспорныя истины; уже Гердеръ призналъ всю исторію человѣка „настоящею естественною исторією“, изъ чего слѣдуетъ, что исторія человѣчества можетъ служить матеріаломъ для нѣкоторой „естественной науки“. Дозволительны ли нынѣ пренія по этому вопросу?

Споръ будетъ крайне мелочень, если, какъ это дѣлаетъ Бернгеймъ,

словомъ наука будетъ обозначаться также нѣкоторая іерархическая ступень, если для исторіи будетъ требоваться полный титулъ (sic!) науки. Какъ будто исторія, какъ повѣствованіе, занимаетъ низшее мѣсто, чѣмъ исторія, какъ наука! Тутъ мы наблюдаемъ случай перенесенія нашихъ идей о классѣ и рангѣ въ область, гдѣ таковыхъ не имѣется. Дѣльный лейтенантъ имѣетъ во всякомъ случаѣ меньшее содержаніе и на воротникѣ одною, двумя звѣздочками менѣе, чѣмъ неспособный капитанъ, но такія понятія совершенно непримѣнимы въ области духовной дѣятельности. И если исторія—повѣствованіе о событіяхъ, а не наука, то дѣльный историкъ больше стоитъ, чѣмъ неспособный астрономъ и, во всякомъ случаѣ, равноцѣненъ лучшему астроному и физиологу. Смѣшенъ споръ объ „полномъ титулѣ“ науки: какъ будто въ немъ заключается большее отличіе. Однако эти ложныя іерархическія идеи до сихъ поръ сильно вредили ясной постановкѣ вопроса.

Безъ всякихъ ложныхъ побочныхъ идей и вполне объективно разсматриваетъ Бухгольцъ ¹⁾ вопросъ о сущности и задачахъ исторіи. „Задача историка, говоритъ онъ,—скромно итти по слѣдамъ развитія, невозмутимо выяснять его и передавать, по возможности, вѣрно и точно. Болѣе высокими цѣлями онъ задаваться не можетъ...“ Совершенно вѣрно указываетъ Бухгольцъ также на неизбѣжныя свойства каждаго историческаго сочиненія, неизбѣжно обуславливающія ненаучность. Тутъ мы прежде всего встрѣчаемъ историческую оцѣнку. Ни одинъ историкъ не пренебрегаетъ ею; ни одинъ не ограничивается простымъ пересказомъ происходившаго, но каждый присоединяетъ свое одобреніе или высказываетъ неудовольствіе, каждый раздаетъ похвалы или порицанія; ужъ этимъ однимъ исторія удаляется изъ круга наукъ. Эти послѣднія имѣютъ дѣло съ явленіями, совершающимися по строгимъ законамъ, подчиненными строгой причинности. Астрономъ, физиологъ, лингвистъ не дѣлаютъ оцѣнокъ; химикъ не высказываетъ ни похвалы, ни порицанія, когда описываетъ свойства элементовъ и ихъ взаимныя отношенія и сродство. Развѣ не показываетъ уже одно это обстоятельство глубокаго принципиальнаго различія между исторіей и всѣми другими науками? Если историки въ названіи „наука“ видятъ какой-то почетный титулъ, пожалуй, можно, изъ любезности, согласиться называть исторію наукой, дать ей этотъ „полный титулъ“, но тогда придется для астрономіи, математики, физики, химіи, соціологіи сыскать другое названіе. Безспорно одно: между дисциплинами, раздающими оцѣнку и дисциплинами, отыскивающими общіе законы (исключающими

¹⁾ Въ журналѣ *Quidde*, 1889, томъ II, стр. 32.

возможность оцѣнки), должно быть признано принципиальное различіе.

Поэтому мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о критеріи этой оцѣнки. Такой критерій не былъ найденъ историками и никогда не будетъ найденъ ¹⁾.

Тогда какъ настоящія науки легко огрекаются отъ подобной оцѣнки, такъ какъ она не находится въ числѣ ихъ цѣлей, исторія инстинктивно чувствуетъ, что „безъ этой оцѣнки она казалась бы народному сознанию бѣдною и пустою“ (Бухгольцъ), и постоянно сопровождаетъ свои изображенія такими оцѣнками, съ цѣлью удовлетворить этимъ путемъ добросердечной потребности историковъ и ихъ читателей. На протесты противъ подобной оцѣнки историковъ и сомнѣнія въ правильности примѣняемаго ими критерія, самый разсудительный и объективный изъ нихъ, Бухгольцъ, отвѣчаетъ крайне просто: мы судимъ по своему вкусу; пусть потомство насъ судить по своему! Это вполнѣ вѣрно относительно исторіи и совершенно достаточно для ея цѣли удовлетворенія духовной потребности; но это вовсе не такое дѣло, которое можно бы было поручить наукѣ, такъ какъ наука стремится къ познанію абсолютной истины, къ познанію законовъ явленій.

12. Исторія культуры и социологія.

Что и исторія культуры не можетъ претендовать на изученіе развитія человѣческаго „общества“, предполагаемаго предмета социологіи, и сдѣлать послѣднюю излишней, это можетъ быть доказано прежде всего отрицательнымъ путемъ, простою ссылкой на то, что культура лишь одно изъ общественныхъ явленій, но никакъ не само общество. Такъ какъ подъ собирательнымъ именемъ *культуры* разумѣются различнѣйшія стороны человѣческой жизни, и каждая изъ нихъ дѣлаетъ возможнымъ отдѣльное описаніе, или всѣ онѣ вмѣстѣ одно общее, то подъ именемъ исторіи культуры можно подразумѣвать крайне разнообразное содержаніе.

Дѣйствительно, одни понимаютъ подъ нею развитіе человѣческаго духа, какъ высшее выраженіе всякой культуры, и изображаютъ въ исторіи культуры развитіе литературы, наукъ и искусствъ; другіе причи-

¹⁾ О невозможности установленія такого критерія см. Лоренцъ, *Geschichtswissenschaft*,“ томъ I, стр. 70 и слѣд. На требованіе Зибеля, по которому исторія должна „добиваться нравственной оцѣнки фактовъ“, Лоренцъ замѣчаетъ: „Мы требуемъ нравственной оцѣнки и искусно крутимся на одномъ мѣстѣ, когда должны опредѣлить, что собственно это такое, эта нравственная оцѣнка“ (стр. 73). „Кто не хочетъ себя обманывать и учинять насиліе надъ дѣйствительностью, долженъ разъ навсегда въ этой наукѣ отказаться отъ абсолютной цѣнности“ (стр. 76). Поэтому Лоренцъ принужденъ искать „относительную цѣнность“, при чемъ раньше еще признано имъ, что въ этой „наукѣ“ французъ можетъ смѣшать съ грязью то, что русскій превознесетъ до небесъ.

сляютъ къ культурѣ также промышленность, ремесла и торговлю, почему вся экономическая жизнь включается въ исторію культуры. Понятіе это легко можно еще болѣе расширить — домашній комфортъ, орудія, съѣстные припасы, нравы и обычаи, богослуженіе, все это относится къ культурѣ, слѣдовательно, и къ исторіи культуры. Но все это, въ дѣйствительности, лишь произведенія человѣческаго общества, а не само общество.

Греческая философія не даетъ намъ ни непосредственнаго, ни яснаго и понятнаго представленія о структурѣ греческаго общества: можно превосходно знать всѣ греческія художественныя произведенія, не имѣя понятія о составѣ и составныхъ частяхъ греческаго общества. Короче, — если, какъ было сказано, но не доказано, это туманное понятіе общества — предметъ соціологіи, то, послѣ всего вышесказаннаго, исторія культуры еще менѣе исторіи можетъ претендовать на замѣщеніе соціологіи въ обработкѣ этого предмета.

Исторія культуры не только не имѣетъ надежды замѣнить соціологію, но она, вѣроятно, сама исчезнетъ когда-либо, какъ самостоятельная наука, по очень простымъ и естественнымъ причинамъ. То, что зовется культурой, есть сумма проявленій человѣческаго духа въ большемъ числѣ различныхъ областей, напр. въ искусствѣ, наукѣ, религіи, правѣ и т. д. Каждая изъ этихъ областей составляетъ предметъ особенной науки, такъ что исторія культуры можетъ быть лишь сводомъ результатовъ этихъ отдѣльныхъ наукъ. Когда эти послѣднія достигнутъ значительной степени развитія и проложатъ свои собственные пути, онѣ обособятся отъ общей „исторіи культуры“ и сдѣлаютъ ее, какъ науку, невозможною. Таково положеніе въ послѣднее время исторіи „матеріальной культуры“, т. е. экономической жизни, достигшей высокой степени развитія и ставшей особенной, очень почтенной наукой, отнявшей у исторіи культуры значительную часть ея былой почвы и составляющей непосредственный переходъ къ соціологіи. Еще раньше исторія культуры сама перестала касаться вопросовъ исторіи литературы. Каждая изъ этихъ исторій работаетъ по собственному методу и исходитъ изъ собственныхъ основоположеній — каждая стремится къ установленію собственныхъ законовъ развитія своего спеціальнаго предмета. Что же остается на долю исторіи культуры? Сводка результатовъ чужихъ изслѣдованій не можетъ быть оправданіемъ существованія самостоятельной науки.

Нѣмецкая исторія хозяйства.

Инама - Штернеггъ долженъ считаться основателемъ нѣмецкой „исторіи хозяйства“, хотя онъ и основывается на крайне цѣнныхъ

экономическихъ изслѣдованіяхъ Гансена, Мейцена и др. Вообще, какъ экономическія, такъ и статистическія работы Инама-Штернегга близко соприкасаются съ соціологіей, и цѣли, которыя онъ ставитъ и преслѣдуетъ, крайне близки цѣлямъ соціологіи, такъ же, какъ весь его взглядъ на соціальное развитіе, вполне соціологиченъ. Такъ напр., отъ результатовъ исторіи нѣмецкаго хозяйства онъ ожидаетъ также „непосредственныхъ заключеній объ общихъ законахъ развитія народовъ и ихъ экономическихъ и соціальныхъ учрежденій, потому что процессъ развитія человѣческой общественной жизни такъ глубоко заложенъ въ человѣческой природѣ, что при сходныхъ внѣшнихъ жизненныхъ условіяхъ возникаютъ постоянно сходныя стремленія и учрежденія“. По программѣ, предписываемой имъ своей исторіи хозяйства, „должны быть изслѣдованы и изображены всѣ стороны народной жизни, которыя или непосредственно относятся къ экономической жизни, или вліяютъ на послѣднюю въ производствѣ или распредѣленіи богатствъ, или оказываются результатами экономического строя, — слѣдовательно, въ особенности, явленія соціальной жизни, общественнаго слоенія, также союзы и организаціи, покоющіяся на экономическомъ основаніи или вызываемыя къ жизни экономическими условіями“. Программу эту обосновываетъ онъ тѣмъ, что „исторія хозяйства какого-либо народа можетъ быть понята лишь черезъ посредство исторіи его общественныхъ отношеній“. (Deutsche Wirtschaftsgeschichte, т. I, предисловіе).

Другой нѣмецкій историкъ экономическихъ отношеній, Лампрехтъ, рассматриваетъ исторію хозяйства, какъ часть исторіи культуры...“ Въ общемъ развитіи культуры, значитъ у него (томъ II, введеніе), легко можно противоположить сферу специфически-реальной или матеріальной культуры хозяйства и права специфически идеальному кругу вѣрованій, искусства, науки“, и возможно „развитіе каждой изъ этихъ областей, равно какъ и ихъ взаимныя отношенія, изслѣдовать порознь“.

Отъ Инама-Штернегга Лампрехтъ отличается отсутствіемъ соціологической точки зрѣнія. Лампрехтъ пытается свести всѣ явленія къ исключительно экономическимъ причинамъ, что не всегда достаточно. Когда онъ изслѣдуетъ, напр., различіе между подворною осѣдлостью и поселеніями, онъ далекъ отъ мысли поставить вопросъ, не зависитъ ли это различіе отъ столкновенія разнородныхъ этническихъ группъ; не могли ли, какъ это было въ другихъ мѣстахъ, завоеватели поселиться въ уединенныхъ дворахъ, тогда какъ побѣжденные туземцы остались въ своихъ поселкахъ. Эта соціологическая точка зрѣнія, никогда не опускаемая и всегда дающая себя знать въ исторіи хозяйства Инама-Штернегга, нигдѣ не замѣтна у Лампрехта.

13. Соціологія и статистика.

Рѣшительнѣйшій отпоръ и сопротивленіе встрѣчаетъ соціологія со стороны статистики, оспаривающей права на существованіе другой науки объ обществѣ, сверхъ себя самой¹⁾. „Соціологія—таково возраженіе статистиковъ — не имѣетъ дѣла съ числами; поэтому ея знанія не могутъ претендовать на вѣрность и точность. Статистика, напротивъ, изслѣдуетъ и исчисляетъ общественныя явленія, является, слѣдовательно, наиболее компетентной наукой объ обществѣ и вовсе не нуждается въ такомъ туманномъ, не знающемъ своихъ цѣлей и намѣреній спутникѣ, какъ соціологія“— Мы уже въ другомъ мѣстѣ показали недостаточность статистики, какъ общественной науки²⁾. Къ приведеннымъ тамъ доводамъ мы должны прибавить еще слѣдующее.

Прежде всего нужно замѣтить, что статистика раньше чѣмъ оспаривать права существованія какой-нибудь науки, должна была бы побѣдоносно разрѣшить старый споръ, наука ли она сама или лишь методъ. Послѣднее возрѣніе до сихъ поръ удерживается, какъ болѣе вѣрное, и имѣетъ на то полное право. Гдѣ же предметъ статистики, — вѣдь отъ каждой самостоятельной науки можно требовать, по меньшей мѣрѣ, самостоятельнаго предмета. Такого самостоятельнаго предмета изслѣдованій у статистики нѣтъ. Медицина пользуется статистикой для опредѣленія заразительности болѣзней, для обнаруженія вліянія положенія жилищъ на развитіе этихъ заразительныхъ болѣзней. Политическая экономія пользуется ею для опредѣленія силы давленія пара, какъ рычага благосостоянія; метеорологія и климатологія—для выясненія зависимости между атмосферическими осадками и плодородіемъ страны, и т. д. Развѣ все это обществознаніе? Быть можетъ, да, — въ неопредѣленномъ и расплывчатомъ смыслѣ, въ которомъ всякая наука, хоть какъ либо касающаяся „общества“, — а какая наука его не касается? — можетъ быть названа общественною наукою.

1) См. сочиненіе Neumann-Spollart „Sociologie und Statistik“ (въ вѣнскомъ „Statistischen Monats-Schrift“. 1878), гдѣ собраны всѣ доводы статистиковъ противъ соціологіи, преимущественно на основаніи сочиненія Энгеля (Zeitschrift des Königl. preussischen statist. Bureau, XI, 1871). Этотъ послѣдній ставитъ конечною цѣлью статистики демографію и требуетъ отъ статистики „наблюденія надъ жизнью народовъ и государствъ и ихъ составныхъ частей въ ея проявленіяхъ аналитическаго изображенія причинной связи между причинами и дѣйствіями“. Никто не будетъ оспаривать, что пониманіе Энгелемъ статистики очень возвышенно и что этому пониманію вполнѣ отвѣчаютъ труды Энгеля въ этой области. Но статистика Энгеля не дѣлаетъ ненужною соціологію, и Нейманъ, конечно, неправъ, утверждая, что „въ сравненіи съ Энгелемъ у Спенсера замѣчается шагъ назадъ, нѣкоторое помраченіе“. Статистика родъ соціальнаго микроскопическаго изслѣдованія, цѣнность котораго нельзя оцѣнить достаточно высоко, — соціологія же есть наблюденіе массъ не черезъ посредство микроскопа чисель, а помощью исторической перспективы; она — родъ соціальной астрономіи.

2) Grundris der Sociologie, стр. 6, 95—98.

Въ дѣйствительности же статистика вовсе не самостоятельная наука, — а методъ, примѣнимый и цѣлимый во всѣхъ наукахъ; мы говоримъ во всѣхъ, однако въ наименьшей мѣрѣ, быть можетъ, именно въ социологіи, по слѣдующимъ причинамъ. Статистическій методъ основывается на сопоставленіи въ большомъ количествѣ индивидуальных случаевъ, въ цѣляхъ выясненія численной закономерности ихъ возврата. Къ такому сопоставленію, ради выясненія законовъ, большихъ чиселъ годны лишь индивидуальные явленія, напр. рожденія, смерти, преступления, самоубійства, вѣнчанія, банкротства; или также суммы отдѣльныхъ предметовъ, напр. личностей (перепись населенія), жилищъ, фабрикъ, паровыхъ машинъ, школъ и т. д. Конечно, изъ такихъ сопоставленій могутъ быть получены извѣстныя заключенія о социальномъ положеніи; но возможность такихъ заключеній не превращаетъ статистику въ социологію. Эта послѣдняя, въ противоположность статистикѣ, не имѣетъ дѣла ни съ какими индивидуальными случаями, а исключительно съ социальными явленіями, строго отличными отъ массовыхъ явленій, въ которые легко можно суммировать статистическіе индивидуальные случаи.

Статистическое массовое явленіе — величина ариѳметическая, слагающаяся изъ нѣкотораго числа отдѣльныхъ случаевъ и могущая быть по произволу увеличена и уменьшена: социальное явленіе социологіи — явленіе общее, поскольку оно проявляется у нѣкоторой совокупности, слѣдовательно, въ высшемъ смыслѣ индивидуальное и съ тѣмъ вмѣстѣ общее явленіе, которое не можетъ быть по произволу составлено изъ индивидуальныхъ случаевъ или разложено на нихъ, ни уменьшено по произволу, ни увеличено. Таково напр. основаніе государства. Это вовсе не индивидуальный случай, какіе сопоставляются статистикой, и сущность основанія государства не можетъ быть выяснена путемъ сопоставленія въ большихъ рядахъ чиселъ. Далѣе, такимъ социальнымъ явленіемъ оказывается война. Пытались ли статистики, посредствомъ сопоставленія большаго числа случаевъ, найти законъ, которому подчинялись бы войны? Въ лучшемъ случаѣ могутъ они, посредствомъ своихъ таблицъ, выяснитъ большій или меньшій процентъ убитыхъ во время войны и сравнитъ далѣе большую или меньшую опасность смерти въ отдѣльныхъ войнахъ. Социальная сущность войны ускользаетъ отъ познанія ея средствами статистики — потому что война явленіе общее или социальное, сущность котораго открыта лишь той наукѣ, которая занимается, какъ мы это увидимъ далѣе, исключительно извѣстными социальными явленіями. Нельзя отрицать, что нѣкоторыя социальныя явленія, поскольку они обнимаютъ нѣкоторое количество индивидуальныхъ случаевъ, могутъ быть объяснены и установлены помощью

статистическихъ наблюдений, при чемъ статистика играетъ роль вспомогательнаго средства, въ родѣ микроскопическихъ изслѣдованій въ патологіи. Но никто не станетъ утверждать, что патологія, какъ наука, излишня, такъ какъ можетъ быть замѣнена микроскопическими изслѣдованіями.

Историческая статистика.

Инама-Штернеггъ готовъ принять рѣзко опредѣленную точку зрѣнія Энгеля и Неймана-Сполларта, враждебную всѣмъ не-статистическимъ изслѣдованіямъ общества, лишь постолько, поскольку статистика приметъ историческій характеръ, о чемъ не хотѣли слышать ни Энгель, ни Нейманъ, ни всѣ остальные статистики. Задачи, предписываемыя имъ этой „исторической статистикѣ“ во всякомъ случаѣ таковы, что разрѣшить ихъ помощью средствъ статистики Кеттле или Энгеля никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ онѣ лежатъ даже внѣ поля ея зрѣнія. Интересно познакомиться съ этимъ преобразованиемъ статистики, въ которомъ Инама Штернеггъ играетъ главную роль, по его же собственнымъ словамъ.

„Къ полученію статистическихъ рядовъ развитія, читаемъ мы у него¹⁾, насъ приводитъ то стремленіе, которое уже старой школою теоретически казалось необходимымъ въ извѣстной степени, но не было ею осуществлено на практикѣ: стремленіе проникнуть до причинъ явленій, отыскать причинную связь отдѣльныхъ явленій, чтобы, въ концѣ концовъ, выяснить постоянную величину массоваго дѣйствія соціальныхъ силъ въ формулированіи законовъ развитія общественной жизни“.

„Такимъ образомъ статистика необходимо оказывается историческою дисциплиною, не въ смыслѣ особливаго рода изображенія новѣйшей исторіи, какъ полагали прежде, а въ смыслѣ прагматическаго изображенія хода развитія, приведшаго къ современнымъ отношеніямъ и условіямъ общественной жизни, специфическими средствами количественныхъ опредѣленій и точныхъ, массовыхъ наблюдений, принимающихъ въ соображеніе полностью и въ равной мѣрѣ всѣ сопутствующія обстоятельства; въ ея высшемъ развитіи—ученіемъ о законахъ эволюціи общественнаго духа человѣчества, насколько онъ проявляется въ исчислимыхъ массовыхъ явленіяхъ“. Этой новѣйшей статистикѣ приписываетъ онъ задачу изслѣдованія „тенденцій развитія общества и лежащихъ въ ихъ основѣ законовъ“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ сочиненій²⁾ Инама-Штернеггъ дѣлаетъ

¹⁾ Geschichte und Statistik (Statist. M.-Schrift, 1882).

²⁾ Die Quellen der historischen Bevölkerungsstatistik (Statist. M. — Schrift 1886).

замѣчаніе, что статистика приобрѣтала тѣмъ больше значенія „чѣмъ больше историческое направленіе старалось понять общественныя явленія, какъ массовыя проявленія народной жизни, какъ общія проявленія народнаго духа и освободить ученіе объ обществѣ, въ особенности же политическую экономію, отъ атомистическихъ и узко эгоистическихъ воззрѣній на общественныя явленія. Въ научной статистикѣ съ самаго начала вниманіе изслѣдователей было направлено на общественныя отношенія массъ...“

„Научный принципъ статистики, примѣняемый ею въ изслѣдованіи общественно-сочлененныхъ массъ населенія, въ отношеніи ихъ собственнаго развитія и ихъ взаимныхъ отношеній, оказывается также принципомъ всякаго историческаго изслѣдованія въ широкой области общественнаго знанія“.

Удержится ли въ дѣйствительности эта „историческая статистика“, какъ самостоятельная отрасль знанія? Достигнетъ ли она высокаго развитія?—Нѣтъ данныхъ для отвѣта на эти вопросы. Достоинно замѣчанія, что эта „историческая статистика“ требуется основателемъ „исторіи хозяйства“. Кажется, Инама Штернеггъ пытался, какъ помощью первой, такъ и помощью второй, приблизиться въ сущности къ соціологической проблемѣ. Фактъ тотъ, что если „историческая статистика“ Инама Штернегга, такъ же какъ и его „исторія хозяйства“, недостаточно ясно и сознательно формулируютъ понятіе соціологіи, какъ науки, то все же занимаютъ существенными соціологическими задачами и, по меньшей мѣрѣ, расчищаютъ путь соціологіи.

14. Соціологія и этнологія.

Если соціологія, въ противоположность исторіи, исторіи культуры и статистикѣ, занимается преимущественно соціальными группами, то этимъ не доказывается еще ея право существованія на ряду съ этнографіей и этнологіей, предметъ которыхъ — тѣ же естественныя группы, изъ которыхъ состоитъ человѣчество.

Оставимъ пока въ сторонѣ этнографію, какъ дисциплину, ставящую себѣ задачею описаніе различныхъ человѣческихъ племенъ и расъ, и обратимъ вниманіе на „новѣйшую этнологію“ въ томъ состояніи, какого она достигла въ трудахъ Бастіона и новѣйшее развитіе которой было предметомъ монографіи Ахелиса¹⁾). Эта послѣдняя отличается отъ чисто описательной этнографіи ея „соціально-психологическими соображеніями“ (Ахелисъ) и стремится выдѣлить и объяснить — по Бастіону — „идею

¹⁾ Thomas Achelis: Die Entwicklung der modernen Ethnologie, Берлинъ 1889.

народа“ въ ея разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, помощью изученія ея различныхъ проявленій въ нравахъ, правѣ, обычаяхъ и т. д. Отъ исторіи культуры и изучающихъ историческое развитіе дисциплинъ она отличается сравнительнымъ методомъ. Эта этнологія Бастіона мало заботится объ исторической преемственности; она довольствуется приведеніемъ аналогій и извлекаетъ изъ нихъ свои заключенія; она собираетъ подходящіе камушки изъ всѣхъ странъ, чтобы собрать изъ нихъ мозаичную картину „идеи народа“; она мало заботится о соціальномъ происхожденіи отдѣльныхъ проявленій духовной жизни и видитъ центр тяжести въ психологическомъ объясненіи этихъ проявленій и во взаимной связи этихъ чисто человѣческихъ проявленій мысли. Она не спрашиваетъ, какимъ образомъ тотъ или иной обычай, тѣ или иные нравы возникли въ Африкѣ или Америкѣ, и вполне довольна, когда ея объясненіе констатированнаго въ Африкѣ обычая, какъ слѣдствія общечеловѣческаго процесса мышленія, находитъ свое психологическое подтвержденіе въ открытіи такого же обычая въ Америкѣ.

Этнологія пользуется ссылками на такія аналогіи крайне неумѣренно, особенно когда таковыя никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены заимствованіемъ.

Ахелисъ въ этомъ отношеніи вѣрнѣйшій истолкователь мысли, лежащей въ основѣ этнологіи Бастіона. „Развѣ можно найти какое-либо психологическое посредничество или этнографическое родство, наприм. между греками и полинезійцами, и все же пѣсни Гезіода согласуются даже въ деталяхъ съ цикломъ гавайскихъ сказаній, хотя, съ другой стороны, и позаимствованіе тутъ совершенно немыслимо. Или какъ объяснить полное согласіе ученія Платона о душѣ (относительно ея предсуществованія) съ ученіемъ западно-африканскихъ увееровъ, или между малайской системой наслѣдованія и родства и таковыми же отношеніями древнихъ ликійцевъ? Этихъ изумительныхъ параллелей можно бы набрать съ излишкомъ; во всякомъ случаѣ, изъ собраннаго матеріала слѣдуетъ достаточно ясно, что проявленія человѣческаго духа въ религіи, правѣ, нравахъ и т. д. часто (однако не всегда) берутъ верхъ надъ раздѣляющими топографическими и хронологическими моментами и даютъ поразительную картину психологическаго единства человѣческой организаціи“. Дѣйствительно, нельзя лучше выразить основную мысль „новѣйшей этнологіи“, чѣмъ это сдѣлано здѣсь, изъ чего слѣдуетъ также, что послѣдняя принадлежитъ скорѣе къ ученію о человѣческой психикѣ и собственно до соціальныхъ группъ не имѣетъ никакого дѣла¹⁾. Но когда Ахелисъ, слѣдуя примѣру Бастіона, называетъ этноло-

¹⁾ Поэтому Ахелисъ говоритъ совершенно вѣрно: „мы учимся (съ помощью этой этнологіи) понимать развитіе человѣческаго сознанія, проявляющагося въ этихъ раз-

тію „соціологическою наукою“, то, происходитъ это въ силу совершенно правильнаго взгляда, что „ни одинъ человекъ самъ по себѣ не можетъ стать тѣмъ, что онъ есть, помимо опредѣляющаго вліянія общества, въ которомъ онъ живетъ (стр. 32). Потому что — какъ это объясняетъ коллективная психологія (Лацарусъ, Штейнталь) — „духъ есть общественное произведеніе человѣческаго общества“, почему эта этнологія считаетъ свои ученія объ этомъ „духѣ“ „соціологическими“, чѣмъ признаетъ существованіе „соціологіи“ и ея право на существованіе, какъ „ученія о соціальныхъ формахъ человѣческаго общежитія на различныхъ ступеняхъ развитія“ (стр. 33 и 139).

Это признаніе со стороны этнологіи должно быть встрѣчено соціологами съ благодарностью, хотя сущность соціологіи все же остается не обозначенной точно; такъ какъ „соціальныя формы человѣческаго общежитія“ составляютъ также предметъ, если не исторіи и исторіи культуры, то исторіи права и учрежденій, вообще историческихъ дисциплинъ, чѣмъ соціологія никоимъ образомъ не должна быть. Во всякомъ случаѣ для соціологіи имѣетъ значеніе, что новѣйшая этнологія признаетъ рядомъ съ собою существованіе особой науки соціологіи.

15. Соціологія и политическая экономія.

Если противъ исторіи, исторіи культуры, статистики и этнологіи могло еще казаться нужнымъ защищать права соціологіи, какъ самостоятельной науки объ „обществѣ“, то необходимость эта исчезаетъ совершенно по отношенію къ другимъ наукамъ, называемымъ вообще „общественными науками“, которыя прямо берутъ своимъ исключительнымъ предметомъ лишь отдѣльныя стороны и направленія общественной жизни. Это справедливо прежде всего по отношенію къ политической экономіи. Она вовсе не претендуетъ на изученіе общества и довольствуется, въ лучшемъ случаѣ, экономическимъ обществомъ или даже экономическими явленіями (имущество, цѣна, стоимость, капиталъ и т. д.)

Сущность или жизнь „общества“ никоимъ образомъ не исчерпывается его экономической дѣятельностью. такъ же какъ отдѣльный человекъ — своими хозяйственными мѣропріятіями. Гораздо скорѣе соціологія могла бы претендовать считать политическую экономію своей частью на томъ основаніи, что въ политической экономіи рѣчь идетъ лишь объ одной сторонѣ и одномъ лишь направленіи дѣятельности общества; совокупность же этихъ сторонъ и направленій составляетъ предметъ соціологіи. Но правильный взглядъ на соціологію не допускаетъ такихъ

личныхъ „формахъ“, и отмѣчаетъ „психологическое значеніе этой науки“ (въ предисловіи).

претензій ни къ политической экономіи, ни къ какой-либо другой изъ многихъ вышеупомянутыхъ общественныхъ наукъ, потому что, какъ мы это увидимъ ниже, область соціологіи отграничивается отъ этихъ наукъ крайне точно и даже такъ, что взаимные захваты совершенно оказываются излишни. Что изученіе политической экономіи въ ея историческомъ развитіи или исторія хозяйства, какъ мы видѣли выше, очень близко подходитъ къ соціологіи, есть слѣдствіе того обстоятельства, что, при изображеніи измѣненій въ народномъ хозяйствѣ, историкъ хозяйства необходимо наталкивается на соціальныя причины этихъ измѣненій и заходитъ, такимъ образомъ, въ область соціологіи.

16. Соціологія и философія исторіи.

Отрицательное доказательство, что другія науки не имѣютъ дѣла съ обществомъ, предполагаемымъ предметомъ соціологіи, всего труднѣе привести по отношенію именно къ философіи исторіи. Потому что, если исторія имѣетъ дѣло во всякомъ случаѣ только съ отдѣльными частями общества, будь это подраздѣленія во времени или въ пространствѣ, то философія исторіи вполне резонно имѣетъ притязаніе возвыситься надъ отдѣльными конкретными явленіями исторіи и обнять своей теоріей все человѣчество, а слѣдовательно, и все „общество“. Итакъ, если не описательная исторія, то философія исторіи, конечно, могла бы сдѣлать излишней всякую соціологію?

Различіе между философіей исторіи и соціологіей мы излагали уже въ другомъ мѣстѣ; здѣсь мы должны отчасти вспомнить сказанное раньше, отчасти же дополнить его ¹⁾.

Каждая философія исторіи непременно ставитъ себѣ задачей отвѣтить на вопросы: откуда? и куда? относительно всего человѣчества. „Послѣдній и величайшій триумфъ философіи исторіи, справедливо замѣчаетъ Флинтъ, осуществится тогда, когда она представитъ ни болѣе ни менѣе какъ полное доказательство способности предвидѣнія; когда, посредствомъ строго научнаго метода, она раскроетъ божественный планъ, который приводитъ къ одному знаменателю кажущійся хаосъ человѣческихъ дѣйствій, составляющій содержаніе исторіи, вноситъ въ этотъ хаосъ гармонию и показываетъ въ немъ мірозданіе“ (Philosophy of history, введене, стр. 22). Эта мысль лежитъ въ основѣ каждой философіи исторіи, только съ тѣмъ различіемъ, что нетеологическая философія говоритъ объ открытіи высшаго закона, или объ управляющихъ исторіей законахъ, о царствующей въ ней закономерности, вмѣсто того, чтобы говорить о Богѣ, божественномъ намѣреніи и божественномъ планѣ.

¹⁾ Сравни мой „Grundriss der Sociologie“, стр. 213.

Теперь ясно, что философія исторіи или теорія исторіи, которая может сослаться на громадную литературу и которая изучаетъ человеческое общество, человечество во всѣхъ его историческихъ и политическихъ движеніяхъ, съ цѣлью разрѣшить поставленную себѣ задачу, можетъ считать себя поэтому единственной и высшей наукой объ обществѣ—рядомъ съ которой соціологія, какъ самостоятельная наука, не имѣетъ никакихъ правъ существованія.

Можно коротко возразить на это, что каждая философія исторіи предполагаетъ одно понятіе апріорно даннымъ, именно понятіе человечества“ какъ цѣлаго. Понятно, что философія исторіи не изслѣдуетъ его дальше, а напротивъ строить на немъ, какъ на заранѣе извѣстномъ, свои теоріи. Потому что, если бы она не предполагала этого понятія, „человѣчества (или также „человѣческаго общества“) извѣстнымъ и даннымъ, она не могла бы шагу сдѣлать далѣе и должна была сдаться, отчаяться въ исполненіи поставленной себѣ задачи.

Какъ теологическіе, такъ и нетеологическіе философы исторіи нуждаются именно въ этомъ понятіи человечества какъ цѣлаго, чтобы поставить свои главные вопросы *откуда и куда*. Нетеологическіе, а именно раціоналистическіе философы исторіи, въ большинствѣ случаевъ согласны въ томъ, что ходомъ развитія этого единого „человѣчества“ управляетъ законъ прогресса, и всѣ стремленія ихъ клонятся къ тому, чтобы указать эту красную нить прогресса во всемъ калейдоскопѣ историческихъ случайностей. Соціологія отличается отъ всей этой философіи исторіи тѣмъ, что не вноситъ въ свои изслѣдованія подразумеваемого и законченнаго понятія единого человечества, не говоря уже о томъ, что она не приписываетъ этой, прежде всего еще совершенно неизвѣстной ей, величинѣ „человѣчеству“ планомѣрнаго хода развитія или прогрессивнаго поступательнаго движенія, что было бы въ высшей степени ненаучно; но прежде всего изслѣдуетъ отдѣльныя общественныя явленія и событія, чтобы на основаніи выводовъ изъ этого изслѣдованія отвѣтить на вопросъ: что такое и какъ есть человечество и по какимъ законамъ совершаются отдѣльныя общественныя явленія?

Изъ этого видно уже сразу, что философія исторіи такъ же далека отъ соціологіи, какъ небо отъ земли. Первая не выдерживаетъ критики, такъ какъ исходитъ изъ апріорнаго, ничѣмъ не доказаннаго предположенія, именно, изъ готоваго понятія человечества и изъ убѣжденія, что историческія событія представляютъ собою не хаосъ, а мірозданіе, и даже болѣе—что содержаніемъ этого мірозданія является не что иное, какъ усовершенствованіе человечества, прогрессъ.

Обо всемъ этомъ соціологіи напередъ ничего неизвѣстно. Какъ всѣ науки, она исходитъ не изъ апріорно поставленныхъ догматовъ,

а изъ изслѣдованія данныхъ фактовъ, именно, изъ изслѣдованія соціаль-ныхъ фактовъ. Только эти изслѣдованія и добытыя изъ нихъ заклю-ченія могутъ открыть ей законъ или законы этихъ событій. До по-нятія человѣчества она можетъ дойти только въ концѣ своихъ изслѣ-дованій; но плана всего хода развитія, отвѣта на вопросы: куда и откуда, она, вѣроятно, никогда не добьется, потому что отвѣта на нихъ добьются всегда и очень легко только теологія и метафизика, а никакъ не позитивная наука.

17. Соціологія и философія права.

Соціологія сталкивается еще съ одной наукой, философіей права¹⁾, что вызываетъ необходимость ихъ разграниченія, путемъ опредѣленія ихъ областей. Коллизія возникаетъ по слѣдующимъ причинамъ. Право образуетъ форму общественной жизни, внѣшній порядокъ ея. Философія права, стремясь быть теоріей права, принуждена объяснять право изъ природы общества и приходитъ такимъ путемъ къ изслѣдованію общества, въ его право порождающихъ и праву подчиненныхъ проявленіяхъ жизни, и чрезъ это становится, по мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ права, истинной наукой объ обществѣ.

На эти претензіи слѣдуетъ замѣтить то же самое, что говорилось выше по поводу отдѣльныхъ „соціальныхъ наукъ“, именно, что пра-вовыя отношенія составляютъ только одну сторону общественной жизни, и если для пониманія ихъ должно быть привлечено изученіе жизни общества, то только какъ вспомогательное средство. Истиннымъ пред-метомъ философіи права остается все-таки право—какъ самостоятель-ное, соціально психическое явленіе, подобное языку, религіи, искусству и т. д. Философское разсмотрѣніе и изслѣдованіе внутреннихъ законовъ, закономернаго развитія этихъ явленій не въ силахъ схватить и исчер-пать самую сущность общества, изъ которой вытекаютъ всѣ эти частныя проявленія. Какъ-бы далеко ни проникала философія права для своихъ цѣлей въ эту сущность общества, это происходитъ лишь въ специаль-номъ направленіи, тогда какъ соціологія должна изслѣдовать обще-ственныя явленія во всемъ ихъ объемѣ и дать, такимъ образомъ, всѣмъ этимъ общественнымъ наукамъ, включая сюда и философію права, настоящую почву и основаніе.

18. Анализъ понятія „общество.“

Мы привели уже отрицательное доказательство, что ни одна изъ вышеупомянутыхъ наукъ не можетъ отнять у соціологіи предполагаемый

¹⁾ Ср. Icilio Vanni. Il problema della filosofia del diritto, Verona 1890.

предметъ ея изслѣдованій „общество“, теперь остается еще положительное доказательство, что ея дѣйствительный предметъ вовсе не такъ называемое „общество“,—уже потому, что это понятіе крайне неясно и туманно,—а рядъ общественныхъ явленій, на которыя до сихъ поръ не обратила вниманія ни одна изъ существующихъ наукъ, не говоря уже о научномъ изслѣдованіи ихъ. Предварительно нужно доказать еще полнѣйшую немыслимость понятія „общество“, указать противорѣчія, въ которыя впадаетъ мышленіе, пытаясь постичь это понятіе, однимъ словомъ, показать полную невозможность этого представленія, окончательную бессодержательность этого понятія.

Понятіе можетъ быть мыслимо тогда лишь, когда оно беретъ нѣкоторое количество общихъ признаковъ многихъ, въ дѣйствительности существующихъ предметовъ, чтобы выработать изъ нихъ нѣкоторый типъ, напр. столъ, домъ, человѣкъ и т. д. Это общее, родовое понятіе. Или же понятіе соотвѣтствуетъ отдѣльному предмету, существующему конкретно въ дѣйствительности; тогда оно индивидуальное, единичное понятіе, напр., Везувій, Европа и т. д.

Итакъ, мы можемъ мыслить общія понятія и индивидуальныя, третьяго рода конкретныхъ понятій нѣтъ. Все то, что ни общее, ни индивидуальное понятіе, просто немыслимо для насъ, есть ничто. Изслѣдуемъ теперь, что же это за понятіе „общество“, и какое понятіе общества должно соотвѣтствовать предполагаемому предмету социологіи?

Если бы общество было индивидуальнымъ понятіемъ, то мы должны бы были понимать подъ нимъ все человѣчество, и, дѣйствительно, многіе философы исторіи, какъ мы уже видѣли, такъ именно понимаютъ его. Человѣческое общество для нихъ просто человѣчество.

Мы уже отмѣтили, что „общество“ въ этомъ смыслѣ, какъ человѣчество, не есть предметъ социологіи, такъ какъ позитивная наука можетъ заниматься только такимъ предметомъ, который ей извѣстенъ, который она можетъ найти въ дѣйствительности. Какъ мы уже видѣли выше, этого нѣтъ по отношенію къ человѣчеству. Нельзя ничего сказать о человѣчествѣ, какъ о цѣломъ, на томъ основаніи, что оно необъемлемо во времени и въ пространствѣ; далѣе оно не такое тѣло, какъ минераль, напр., всѣ части котораго обладаютъ тѣми же свойствами, какъ и каждый его атомъ. Социологія, стремящаяся быть позитивной наукой, охотно предоставляетъ это человѣчество въ распоряженіе теологіи, философіи и исторіи. Онѣ могутъ говорить все, что угодно объ этомъ предметѣ, постичь который имъ, конечно, позволяютъ ихъ средства. Изслѣдовать вѣрность большей части сказаннаго объ этомъ, во всякомъ случаѣ, нельзя (по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ человѣческой жизни), поэтому господа теологи и философы исторіи могутъ не

бояться, что ихъ современники опровергнутъ ихъ. Соціологіи нечего дѣлать съ этимъ индивидуальнымъ понятіемъ человѣчества.

19. „Общество“, какъ родовое понятіе.

Слово „общество“ можетъ обозначать также родовое понятіе, подобно, напр., слову человѣкъ. Есть много обществъ, какъ есть много людей, и, по объединеніи ихъ общихъ признаковъ, по исключеніи ихъ особенностей, возникаетъ родовое понятіе „общество“.

Что это родовое понятіе „общество“ обозначаетъ предметъ соціологіи, это можно допустить, не опасаясь по этому поводу коллизіи между соціологіей и какой-нибудь изъ вышеупомянутыхъ наукъ. Задача, которую принимаетъ на себя черезъ это соціологія, совершенно отлична отъ задачъ всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ.

Если считать общество „родовымъ понятіемъ“, то задача той науки, которая дѣлаетъ предметомъ своихъ изслѣдованій общество, очевидно, состоитъ въ изслѣдованіи и научной обработкѣ какъ общаго, такъ и особенностей всѣхъ въ этомъ родѣ существующихъ видовъ и индивидуальностей.

Этого не сдѣлала до сихъ поръ ни одна наука. Ни одна наука не задавалась до сихъ поръ вопросомъ, какіе различные виды и индивидуальныя формы общества существуютъ въ человѣческомъ мірѣ? Что такое кланы, племена, сословія и классы, что такое народы, націи? Какія существуютъ другія соціальныя подраздѣленія? Что такое сущность этихъ „обществъ“, ихъ видовъ и индивидуальностей? Какъ относятся они другъ къ другу? Какъ воздѣйствуютъ они на своихъ сочленовъ и собратьевъ? Какъ возникаютъ они, какъ развиваются? Вѣчны ли они или могутъ погибнуть? И какіе законы управляютъ ихъ возникновеніемъ и гибелью? Если-бы соціологія избрала своимъ предметомъ не что другое, какъ „общество“ въ вышеупомянутомъ смыслѣ, она, во всякомъ случаѣ, была-бы признана самостоятельной наукой, потому что, какъ показано выше, ни одна изъ прочихъ наукъ не занимается этимъ предметомъ въ данномъ направленіи и означенномъ объемѣ.

Можно было-бы возразить, что изслѣдованіе „общества“ въ данномъ направленіи легко могло-бы войти въ область другихъ наукъ: исторіи, исторіи культуры, философіи права, и если этого до сихъ поръ не случилось, то только благодаря ихъ недостаточной полнотѣ, — упущеніе, которое исчезнетъ само собою съ прогрессивнымъ развитіемъ этихъ наукъ; необходимость восполненія, только въ ходѣ развитія наукъ обнаружившагося и замѣченнаго пробѣла, все же еще не оправ-

дываетъ возникновенія новой и не даетъ достаточныхъ основаній для существованія самостоятельной науки.

Согласимся и съ этимъ возраженіемъ. Принципіально вѣдь нечего возразить на то, что, какъ это дѣйствительно бываетъ (Липпертъ: Исторія культуры; Исторія духовенства; Исторія семьи), развивающаяся исторія культуры овладѣваетъ этимъ предметомъ и научно изслѣдуетъ и обрабатываетъ общественныя формы, возникающія одна за другой въ процессѣ исторіи, что она изображаетъ эти различныя „общества“ въ ихъ развитіи, рассматриваетъ ихъ сущность, ихъ значеніе и ихъ взаимныя связи. Откажемся также отъ возраженія, что подобная „исторія культуры“ собственно и есть соціологія,—это было-бы празднымъ споромъ; пойдѣмъ дальше въ нашихъ выводахъ: если бы дѣйствительно у соціологіи не было никакого другого, исключительно ей принадлежащаго предмета, который она могла-бы принципіально обособить отъ вышеупомянутыхъ наукъ, что помогло-бы ей выступить самостоятельной наукой? Дѣйствительно, не слѣдуетъ безъ нужды расширять кругъ наукъ, такъ какъ это происходитъ всегда на счетъ ихъ живой связи, между тѣмъ, въ интересахъ всѣхъ наукъ охранять и поддерживать эту связь, какъ можно долѣе.

Отдѣленіе особой вѣтви отъ общаго ствола наукъ, новое специализированіе должно наступить лишь тогда, когда съ новой вѣтвью пріобрѣтаетъ значеніе особый самостоятельный принципъ, которому связь съ общимъ стволомъ грозила-бы опасностью захирѣть, тогда какъ въ самостоятельномъ развитіи онъ обѣщаетъ пышный ростъ и расцвѣтъ. Теперь мы прямо докажемъ, что таково именно положеніе соціологіи, что она обладаетъ такимъ самостоятельнымъ, отъ всѣхъ другихъ наукъ отличающимся ее принципомъ, проникающимъ ее и одухотворяющимъ.

20. Соціологическое міросозерцаніе.

Соціологію вызываютъ къ жизни не только открытіе, сдѣланное въ серединѣ нашего столѣтія, что рядомъ съ „политическимъ обществомъ“ существуетъ „общество гражданское“; не только связанныя съ этой идеей изслѣдованія, много разъ приводившія къ подобнымъ же соціологическимъ открытіямъ; не только соціологическій матеріалъ, собранный лишь въ послѣднее время, отчасти при содѣйствіи исторіи культуры, исторіи древняго міра, науки о доисторическихъ временахъ и т. д.,—но и слѣдующая мысль, вытекающая изъ отношенія различныхъ соціальныхъ группъ другъ къ другу и къ заключающимся въ нихъ индивидамъ.

Изслѣдованіе этихъ отношеній, если оно сдѣлано достаточно безпристрастно и серьезно, должно привести къ поразительному выводу,

что эти социальныя группы, какъ сложныя цѣлыя, образуютъ единицы, участвующія въ ходѣ событій, какъ родъ высшихъ индивидуальностей (собирательныхъ), и что гораздо легче рассчитать участь этихъ группъ и ихъ дѣйствія, чѣмъ участь и дѣйствіе отдѣльныхъ индивидовъ¹⁾).

Если мы послѣдуемъ за этою мыслью, всѣ человѣческія событія и дѣйствія, составляющія содержаніе человѣческой исторіи, развернутся передъ нами въ совершенно новой перспективѣ. Передъ нами раскроется новый кругозоръ и, вмѣсто неправильной непонятной путаницы индивидуальных стремленій и дѣйствій, мы увидимъ социальныя группы, движенія и дѣйствія которыхъ управляются удобопонятными, до очевидности ясными, простыми мотивами. Такимъ образомъ мы получаемъ возможность подвести ихъ поведеніе подъ извѣстные высшіе законы и найти въ немъ извѣстную закономерность. Эта закономерность такъ рѣзко обнаруживается въ этихъ изслѣдованіяхъ, что мы можемъ съ большою вѣроятностью, даже съ увѣренностью, опредѣлить дѣйствіе каждой социальной группы при любыхъ данныхъ обстоятельствахъ, слѣдовательно, достигнемъ цѣли всякой точной естественной науки: предвидѣнія будущихъ событій.

Достиженіе этой цѣли требуетъ жертвы, принести которую до сихъ поръ отказывались другія науки, тяжелой жертвы, по крайней мѣрѣ по мнѣнію всѣхъ историковъ, историковъ культуры и философовъ права. На алтарь своего познанія социологія приноситъ въ жертву человѣческую личность. Этотъ—по мнѣнію историковъ—вѣнецъ творенія, виновникъ историческихъ событій, въ положеніи монарха или министра управляющій по своей волѣ судьбами народовъ, долженствующій нести передъ судомъ исторіи полную отвѣтственность за свои дѣянія и получающій со стороны историковъ похвалы или порицаніе, смотря по обстоятельствамъ,—этотъ индивидуумъ спускается въ социологіи до положенія ничего не значащаго нуля. Въ разрѣзъ съ изображеніемъ историка, съ точки зрѣнія социолога, даже самый могущественный государственный дѣятель есть лишь слѣпое орудіе въ невидимыхъ, но всемогущихъ рукахъ его социальной группы, которая, въ свою очередь, повинуетъ непреодолимымъ социальнымъ законамъ природы.

Принципіальное различіе между социологіей и родственными ей науками, требующее и обосновывающее ея самостоятельность, заключается въ томъ, что она рисуетъ намъ съ своей точки зрѣнія историческія событія и случайности въ совершенно иномъ свѣтѣ. Здѣсь пра-

1) Такъ на примѣръ Шеффе говоритъ совершенно вѣрно: „Въ большинствѣ случаевъ можно совершенно вѣрно предсказать, какъ отнесутся извѣстныя общественныя группы къ извѣстнымъ вопросамъ и событіямъ народнаго хозяйства, политики, искусства, религіи. *Vau und Leben des gesellschaftlichen Körpers*, т. I, стр. 308.

вить и творить добро или зло не индивидуальная свободная воля, по своимъ склонностямъ и разумѣнію, какъ это рисуютъ намъ историки: мы видимъ здѣсь, напротивъ, господство вѣчныхъ силъ, приводящихъ въ движеніе, по незыблемымъ законамъ соціальной группы, и соціальныя элементы. Итакъ не личность, творящая соціальныя „условія“ себѣ на радость и пользу, по своей свободной волѣ и хорошо обдуманному плану,— предметъ соціологіи; напротивъ, предметъ соціологіи составляетъ система движеній соціальныхъ группъ, повинующихся столь же вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ, какъ солнце и планеты, которыхъ движенія, взаимныя отношенія, обоюдная борьба и единеніе, столкновеніе и разобщеніе могутъ быть объяснены и даже заранѣе опредѣлены путемъ познанія этого высшаго закона, господствующаго надъ соціальной системой міра.

При этомъ соціологія отказывается отъ всякой оцѣнки. Такъ какъ нормальная личность опредѣляется ея группою, ненормальная же — ненормальна, то для нравственной оцѣнки въ соціологіи нѣтъ мѣста. Напротивъ, она можетъ отличить нормальное дѣйствіе отъ ненормальнаго и обозначаетъ первое какъ сообразное природѣ, второе какъ противное ей, противорѣчивое естественному ходу развитія. Въ этомъ обозначеніи заключается вся оцѣнка соціологіи.

Этой соціологической оцѣнки вполне достаточно, чтобы построить на ней мораль и этику. Только онѣ должны черпать свои основные принципы не изъ апріорно установленнаго „назначенія человѣка“ или иныхъ подобныхъ идей, а просто изъ высшихъ интересовъ общественныхъ группъ, къ которымъ принадлежитъ отдѣльная личность. Изъ этихъ интересовъ вытекаютъ для личности соблюдаемые ею этическія правила, и въ случаѣ столкновенія между интересами многихъ общественныхъ группъ, рѣшающими всегда окажутся интересы высшей и наиболѣе обширной; поэтому образъ дѣйствій человѣка опредѣляется въ концѣ-концовъ интересами высшей и самой обширной группы, т.-е. государства, къ которому онъ принадлежитъ. Конечно, люди часто думаютъ, что они находятся въ такомъ положеніи, въ которомъ можно служить интересамъ болѣе высокаго порядка, чѣмъ интересы государственные; но эти предположенія безъ сомнѣнія ложны, потому что всякое соціальное развитіе пользуется государствомъ какъ высшимъ факторомъ для достиженія своихъ цѣлей, и нѣтъ такихъ идеальныхъ цѣлей, которыя-бы не были достижимы съ помощью государства. Но что недостижимо съ его помощью, недостижимо и вообще, это уже утопія.

Въ этомъ полномъ исключеніи личной воли изъ разсмотрѣнія общественныхъ событій оправдываетъ соціологію также и тотъ фактъ, познанный во всемъ его объемѣ и значеніи только новѣйшими психо-

логами, именно: большая часть такъ называемой духовной жизни индивидуума происходитъ независимо отъ его воли и не достигая его сознанія. Первый толчокъ къ открытію этой инстинктивной духовной жизни дала идея Шопенгауэра, что живущая въ насъ воля есть первичное и субстанціональное нашей души, тогда какъ интеллектъ — вторичное и случайное.

Это ученіе, развитое дальше и усовершенствованное, выступаетъ передъ нами въ Гартмановской философіи бессознательнаго, такъ какъ бессознательное Гартмана, всегда угадывающее истинное, есть не что иное какъ „воля“ Шопенгауэра. Эти Шопенгауэро-Гартмановскія идеи были многократно обоснованы и развиты новѣйшей психо-физикой и физиологической психологіей (Фехнеръ и Вундтъ) и, наконецъ, въ работахъ Альберта Поста явились ключомъ къ объясненію сравнительной („этнологической“) юриспруденціи. „На какую бы область соціальной жизни мы ни взглянули, всюду мы видимъ дѣйствіе соціальныхъ законовъ, всюду находимъ мы процессъ развитія, стремящійся къ послѣдовательно опредѣленнымъ цѣлямъ, распространяющійся на столѣтія и тысячелѣтія, о цѣляхъ котораго не догадываются сами индивидуы, участвующіе въ этомъ процессѣ... Индивидуумъ повинуется смутнымъ инстинктамъ и принудительнымъ соціальнымъ отношеніямъ и безконечно часто хочетъ противоположнаго тому, что созидается его дѣятельностью; все, что создается неприспособленнымъ къ органическому ходу развитія, разрушается въ короткій срокъ. Что индивидуумъ соціальной жизнью живетъ, въ сущности, инстинктивно, легко констатировать какъ путемъ самонаблюденія, такъ и путемъ наблюденія другихъ индивидуумовъ. Человѣкъ, говоря съ другими, пользуется рѣчью совершенно инстинктивно; вообще, она является у него безъ размышленій. Онъ можетъ вовсе не знать грамматики языка и все-таки говорить на немъ съ наибольшою возможною легкостью... Стихъ, мелодія, картина, статуя вдругъ встаютъ передъ духовнымъ окомъ художника: его осянуетъ что-то... Даже каждая продуктивная мысль въ наукѣ рождается какъ молнія изъ бессознательнаго *Einleitung in das Studium der ethnologischen Jurisprudenz*, стр. 15—17).

Де Гревъ также придаетъ значеніе „однообразной игрѣ бессознательнаго“ въ жизни общества. „Въ коллективной жизни, какъ и въ индивидуальномъ существованіи, методъ и сознательное размышленіе крайне рѣдкія исключенія; скорѣе бессознательное, рефлексивное дѣйствіе, инстинктъ управляютъ нашимъ частнымъ поведеніемъ и соціальной политикой, чѣмъ память, разумъ, воля—эти бесплодные островки, наполовину затопленные необъятнымъ моремъ, волны котораго, постоянно опускаясь и подымаясь, изображаютъ своимъ ритмомъ монотонную

игру пространнаго и глубокаго бессознательнаго, въ которомъ прозябаетъ соціальный организмъ“ (Introduction à la Sociologie, Брюссель, 1886, томъ I, стр. 113).

Если-бы было иначе, если-бы соціальныя движенія были проявленіями рефлектирующаго и хотящаго индивидуума, тогда, въ лучшемъ случаѣ, они могли-бы быть предметомъ описательной исторіи, какъ искусства, но никакъ не науки, такъ какъ, говоря опредѣленно, необходимымъ условіемъ всякой науки безъ исключенія является система дѣйствій, въ которыхъ можно обнаружить закономерность. Гдѣ вовсе нѣтъ такой системы, тамъ нѣтъ науки. Описание не есть наука. Изображеніе дѣйствій и поступковъ отдѣльныхъ личностей можетъ быть величайшимъ произведеніемъ искусства, но никакъ не наукой. Только то обстоятельство, что въ соціальныхъ движеніяхъ можетъ быть обнаружена такая закономерность, дѣлаетъ соціологію наукой. Еслибы это доказательство нельзя было привести, то простое описание обществъ, даже ихъ исторія и исторія ихъ развитія не оправдывали-бы еще созданія особой науки.

Если индивидуумъ не отдаетъ себѣ отчета въ значительной части своихъ стремленій, то является законный вопросъ: откуда они у него? Постъ, быть можетъ, отвѣтилъ-бы на это: ихъ далъ ему „человѣчскій духъ“, такъ какъ онъ, исходя изъ того обстоятельства, что часть нашей духовной жизни неизвѣстна намъ, считаетъ себя въ правѣ заключить, что „мѣсто я... долженъ заступитъ человѣчскій духъ“. Однако этотъ отвѣтъ былъ-бы неясенъ и неточенъ. Намъ кажется, что истиннымъ отвѣтомъ скорѣе былъ-бы тотъ, что человѣкъ, какъ стадное животное, получаетъ отъ своей орды или группы не только физическія свойства, но и инстинкты, и что бессознательныя его стремленія, составляющія основу его духовной жизни, столь же мало являются его индивидуальнымъ достояніемъ, какъ и его индивидуальнымъ твореніемъ; что эти бессознательныя стремленія составляютъ скорѣе духовное достояніе его соціальной группы, въ которой они возникаютъ и развиваются, въ которой они находятся въ непрерывномъ круговращеніи и которая надѣляетъ cadaго индивидуума приходящейся на его долю частью этого достоянія.

21. Противники соціологическаго міросозерцанія.

Немыслимо болѣе полное различіе между способами изученія соціальныхъ явленій, чѣмъ констатированное здѣсь между соціологіей, съ одной стороны, и всѣми другими историческими и политическими науками, съ другой; оно даетъ болѣе чѣмъ достаточное основаніе для отдѣленія первой отъ всѣхъ другихъ наукъ, какъ особой по своимъ основнымъ положеніямъ, существу, методу и цѣлямъ.

Такое отдѣленіе и такое обоснованіе новой самостоятельной отрасли знанія само собою возникаетъ вполне законно, какъ только передъ духовнымъ взоромъ человѣка открывается новая область явленій, которыхъ онъ прежде не видѣлъ; дѣйствительности, подозрѣвать существованіе которой ему и въ голову не приходило; силъ, которыхъ онъ не понималъ; однимъ словомъ, цѣлый міръ закономѣрныхъ движеній, имъ не замѣченный, для него не существовавшій.

Какъ только подобное открытіе сдѣлано, оно встрѣчаетъ самое рѣшительное сопротивленіе со стороны всѣхъ тѣхъ, которые согласны съ до сихъ поръ господствовавшими ученіями, погрузились въ нихъ всѣми своими помыслами и окончательно слѣпы для вновь открывшейся теперь области. Чтобъ что-нибудь увидѣть въ ней, они должны были пріучить къ ней свои глаза. Но это тѣмъ труднѣе, что они заранѣе убѣждены, что тамъ нечего видѣть, такъ какъ до сихъ поръ они ничего не замѣтили въ этомъ направленіи. Отсюда происходитъ то, что даже самыя свѣтлыя и разсудительныя головы и какъ разъ старѣйшіе представители и корифеи прочихъ наукъ вовсе не желаютъ вступить въ эти новыя области, заранѣе смотрятъ на нихъ, какъ на чистѣйшій вздоръ. Это умственное настроеніе легко понять. Съ какимъ негодованіемъ отвергнули нѣкогда приверженцы прежней, господствовавшей тысячелѣтія, астрономической системы новое ученіе Коперника! Подумать только, что кто-то тамъ утверждаетъ, что земля вертится, тогда какъ она недвижима подъ нашими ногами. Величайшіе умы всѣхъ народовъ крѣпко держались этого взгляда; самыя священныя свидѣтельства человѣчества давали ему свою санкцію; зрѣніе и здравый смыслъ подтверждали его всегда и всюду. Развѣ не было, дѣйствительно, величайшимъ еретичествомъ утверждать противное? Потребовалось нѣсколько поколѣній, чтобъ сдѣлать новое ученіе общимъ достояніемъ человѣчества.

А развѣ мы также не живемъ теперь въ такое время, когда въ другой области естествознанія, въ области медицины, открывается новый міръ—міръ бактерій? Развѣ великіе авторитеты медицинской науки, въ родѣ Рокитанскаго, не качали съ сомнѣніемъ головой, когда впервые начали утверждать, что туберкулезъ вызывается туберкулезной бациллой; тогда какъ теперь это ученіе общепризнано, и медицина, чтобъ исцѣлять туберкулезъ, ищетъ только средства уничтожить эти бациллы?

Соціологія точно въ такомъ же положеніи. Сопротивленіе ей великихъ дарованій и интеллигентнѣйшихъ труженниковъ историческихъ и политическихъ наукъ основывается на воспитанномъ въ нихъ и дисциплинированномъ умственномъ дальтонизмѣ, который сказывается тѣмъ интензивнѣе по отношенію ко вновь открывавшемуся горизонту, чѣмъ

сильнѣе развита острота ихъ зрѣнія въ предѣлахъ, свойственнаго имъ, привычнаго кругозора.

Новѣйшее развитіе соціологической идеи.

Вскорѣ послѣ появленія философіи Конта съ заключающеюся въ ней соціологіей, Дж. Ст. Милль, (въ Системѣ Логики) между прочимъ доказывающій возможность „придать научный характеръ изученію политики и общественныхъ явленій“, констатировалъ, что „общественное мнѣніе“ готово признать, что „всякая попытка установить общія истины по вопросамъ политики и общественности есть шарлатанство; что въ этихъ вопросахъ недостижимы всеобщность и достовѣрность“. „Эту ошибку извиняетъ отчасти, продолжаетъ Милль, то, что она въ извѣстномъ смыслѣ не безосновательна“, и справедливо указываетъ на то, что многіе „философы-политики“, подъ предлогомъ занятія наукой, занимаются практической политикой. Въ эту ошибку впалъ также Огюсть Контъ.

Ту же самую ошибку, смѣшеніе практической политики съ соціологіей, повторяетъ, уже спустя полстолѣтіе, такой вообще свѣтлый умъ и выдающійся ученый, какъ Морисъ Блокъ, который отказывается вслѣдствіе этого соціологіи во всякомъ правѣ существованія. „Эта фантазія Конта, полагаетъ онъ, никогда не получитъ характера науки; по мнѣнію Конта, она обнимаетъ всѣ такъ называемыя моральныя и политическія науки, и каждый соціальный фактъ долженъ быть изслѣдованъ въ этой наукѣ единовременно со всѣхъ точекъ зрѣнія; исторія, право, мораль, политическая экономія должны быть опрошены единовременно, когда хотятъ выяснитъ причины и слѣдствія соціальныхъ явленій. Изслѣдователь долженъ отгадать скрытыя въ соціальномъ движеніи основныя причины, чтобы умѣть предвидѣть результатъ. Много ученыхъ пробовало достигнуть этого, но общественное мнѣніе присовокупляетъ: безуспѣшно. И однако этотъ синтезъ—повседневное дѣло государственнаго человѣка!.. Поэтому соціологія не что иное, какъ искусство до мельчайшихъ подробностей похожее на политику. Мы должны заключить отсюда, что никакой науки политики не существуетъ и не можетъ существовать, потому что самыя выдающіяся человѣческія способности недостаточны для того, чтобы разгадать основныя причины соціальной жизни и открыть ея законы¹⁾).

Блока укрѣпляетъ въ его отрицательномъ отношеніи къ соціологіи еще то обстоятельство, что „Спенсеръ и Шеффле не имѣли успѣха“,

1) Block, Progrès de l'Economie politique, стр. 15.

въ чемъ онъ ссылается на Дилтея. Не мы первые указываемъ на ошибку Блока: это сдѣлано уже Д. С. Миллемъ.

Между политикой, какъ искусствомъ, т. е. политическими, дѣйствіями, дѣятельностью государственнаго человѣка, и соціологіей, какъ наукой, существуетъ то же самое отношеніе, какъ между анатоміей или фізіологіей и терапіей. Станетъ-ли кто утверждать, что фізіологія не можетъ быть наукой, такъ какъ врачъ ежедневно пользуется терапіей?

Наука служитъ сама себѣ цѣлью; практическое искусство имѣетъ постороннія цѣли. Однако, для лучшаго достиженія этихъ практическихъ цѣлей искусства, конечно, нужно знать соотвѣтствующую науку; поэтому и государственному человѣку не повредитъ ознакомленіе съ соціологіей. Конечно, были и до сихъ поръ великіе государственные люди, хотя не было соціологіи. Но это не аргументъ противъ соціологіи. Вѣдь были и великіе художники, не изучавшіе никакой эстетики.

Французскій философъ и академикъ Каро не признаетъ позитивизма и соціологіи на другомъ основаніи: онъ не находитъ въ нихъ ничего новаго; онъ не видитъ причинъ для построенія новой системы, новаго ученія, такъ какъ все это есть уже въ существующихъ, старѣйшихъ системахъ и наукахъ. „Къ чему же сводится эта соціологія, полная великолѣпныхъ обѣщаній? Къ теоріи земного прогресса, прогресса человѣческаго. Но надежды этого рода не составляютъ монополіи позитивизма. Тюрго, Гердеръ, Кантъ, Гегель, всѣ новѣйшіе философы постигли эту идею, каждый по-своему, и я сомнѣваюсь, чтобы позитивизмъ разъяснилъ этотъ вопросъ рядомъ разсужденій, подобныхъ слѣдующимъ: и цѣль прогресса организовать соціальную жизнь человѣка, слѣдуя позитивному міропониманію; прогрессъ вовсе не зависитъ отъ королей и народовъ, а совершается, помимо ихъ и непрерывно, единственно эволюціонной силой исторіи; человѣческое искусство состоитъ исключительно въ сохраненіи гармоніи съ этой силой; эти положенія сводятъ эту эволюцію только къ одной изъ формъ всеобщей необходимости. Единственная ясная мысль, вытекающая отсюда, это комбинированное представленіе прогресса и необходимости, самое обычное дѣйствіе котораго состоитъ въ облегченіи нравственной отвѣтственности индивидовъ и коллективной отвѣтственности народовъ.“

Съ точки зрѣнія морали, приводится рядъ другихъ, существенно отличныхъ, но столь же неосновательныхъ возраженій. Послѣ того какъ философы моралисты, чтобы обосновать нашу общепринятую мораль, привели ее въ тѣсную и, повидимому, неразрывную связь съ господствующими философскими воззрѣніями, они думаютъ, что можно отразить и прекратить всякія нападки на эти господствующія философскія воззрѣнія или даже малѣйшее уклоненіе отъ нихъ простою

ссылкою на то, что это угрожаетъ морали. Если же соціологія выставляетъ положеніе, что у соціальныхъ группъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, нѣтъ другой руководящей нити кромѣ эгоизма, противники соціологіи начинаютъ вопить: „соціологія проповѣдуетъ эгоизмъ, а потому достойна проклятія“. Ясно, на какомъ смѣшеніи научнаго констатированія соціальныхъ фактовъ и этическихъ постулатовъ личности основывается это возраженіе. Въ немъ виновны однако и выдающіеся ученые. Примѣромъ здѣсь можетъ служить опять Wan der Rest. Въ противоположность „наблюденію фактовъ“, на чемъ особенно настаиваетъ соціологія и чего она требуетъ, онъ считаетъ себя въ правѣ придавать дѣйствительное значеніе „чувству идеала, глубоко вкоренившемуся въ нашихъ сердцахъ“.

„Это чувство идеала, восклицаетъ онъ патетически, котораго никогда не одолѣютъ накопленныя исторіей и нашей соціальной организаціей несправедливости, всегда будетъ нашей силой въ борьбѣ за прогрессъ. Пусть міровая исторія соберетъ еще столько же свидѣтельствъ, начиная съ самого отдаленнаго прошлаго до высшихъ ступеней цивилизаціи, пусть накопитъ еще столько же точныхъ и кропотливыхъ наблюденій и еще полнѣе освѣтитъ все прошлое чело-вѣческаго рода, — она никогда не извлечетъ оттуда отвѣта на вопросъ, что должно быть? Его можно получить, лишь посоветовавшись съ чистымъ разумомъ и совѣстью. Если наука, спустившись до чистаго эмпиризма, даетъ намъ ученіе Спенсера, что жизнь — только борьба, гдѣ слабый долженъ быть уничтоженъ сильнымъ; если она восклицаетъ: горе побѣжденнымъ; — то противопоставимъ наукѣ гуманность. Но все-таки мы не вѣримъ въ это противорѣчіе науки и гуманности; оно возникаетъ только тамъ, гдѣ наука построена на слишкомъ узкомъ основаніи. Что касается насъ, то мы твердо вѣримъ въ конечную совмѣстимость науки, справедливости и любви, въ тотъ тройственный принципъ, на которомъ будетъ основано общество будущаго.“

Развѣ не изумительно это смѣшеніе фактовъ и желаній, науки и вѣрованій, объективизма и субъективизма, въ которое впадаетъ Wan der Rest въ своей академической рѣчи, „чтобы опровергнуть права соціологіи на существованіе?“

Сюда вкрадывается двойная ошибка. Во-первыхъ, если бы даже соціологіи пришлось констатировать, что соціальныя группы ведутъ неумолимую борьбу за существованіе, развѣ слѣдуетъ отсюда, что соціологія повелѣваетъ отдѣльному чело-вѣку вести эгоистическую борьбу за существованіе? Это то же самое, какъ если бы врачу, констатировавшему, у больного неизлѣчимую болѣзнь, приписывали желаніе смерти пациента. Какое дѣло объективному констатированію фактовъ до субъективныхъ вѣрованій и надеждъ?

Гдѣ смѣшиваютъ эти двѣ области, или гдѣ царитъ мнѣніе, что научныя познанія не должны уклоняться отъ направленія нашихъ вѣрованій и надеждъ, а обязаны итти параллельно имъ, тамъ вообще невозможно объективное научное познаніе, потому что оно заранѣе приковано къ нашимъ вѣрованіямъ и надеждамъ, чѣмъ возобновляются средне-вѣковыя условія, когда философія считалась служанкою теологіи. Эта ошибка покоится на томъ положеніи, что наша мораль построена на нашихъ нынѣшнихъ знаніяхъ и что, съ утвержденіемъ новыхъ, хотя бы и лучшихъ и болѣе правильныхъ, она должна рушиться. Однако связь нашей морали съ нашимъ знаніемъ только кажущаяся, установленная поверхностной философіей, которая не знаетъ истиннаго источника нашей нравственности и думаетъ, что должна основывать ее на нашемъ современномъ знаніи міра, на фактахъ, усвоенныхъ нами изъ современныхъ наукъ. Но наша мораль основывается не на нашемъ знаніи, она есть продуктъ бессознательной, инстинктивной жизни соціальныхъ группъ, и прогрессъ другой науки никакимъ образомъ не можетъ ей повредить.

Такъ какъ мы привели нашу мораль въ гармонію съ нашими современными знаніями, то у насъ легко является опасеніе, что устраненіе послѣднихъ угрожаетъ прочности первой. Соціологія не раздѣляетъ этого опасенія. Ей слѣдуетъ взять за образецъ новѣйшее искусство постройки мостовъ. Старый мостъ оставляютъ стоять и проходъ черезъ него не прекращаютъ, только подъ нимъ вбиваютъ новыя сваи, и когда онѣ достигаютъ до постилки стараго моста, лишнія старыя сваи и опоры удаляются, и въ одинъ прекрасный день люди идутъ по привычному имъ мосту, покоющемуся уже на новыхъ сваяхъ. Итакъ, пусть успокоятся трусы: проходъ по старому мосту нашей морали не прекратится ни на минуту; она получитъ только болѣе прочныя подпорки, вмѣсто подгнившихъ.

Моралисты такъ волнуются, какъ будто бы они создали мораль и теперь призваны защищать свое находящееся въ опасности дѣтище. Но мораль возникла безъ содѣйствія философіи, и ея прочность не зависитъ отъ соціологическихъ теорій. Напротивъ, очевидно, въ интересахъ морали, въ ту минуту, когда ея мнимыя философскія основы начнутъ колебаться, замѣнить ихъ такими, которыя лучше противостоятъ нападкамъ критики. Соціологія въ этомъ отношеніи, поскольку она устанавливаетъ факты, прежде невѣрно понятыя, и приводитъ ихъ въ согласіе съ господствующей моралью, не только не опасна, но даже становится новой и лучшей опорой морали.

22. Причины борьбы противъ социологіи.

Только подумать, какія, дѣйствительно, непомерныя требованія предъявляетъ социологія къ сторонникамъ политическихъ и историческихъ наукъ. Изъ описанія и объясненія социальныхъ и политическихъ событій должна быть устранена всякая индивидуальная инициатива, ихъ пониманіе должно происходить помощью „естественныхъ“ стремленій и движеній социальныхъ группъ, вытекающихъ изъ высшаго социального закона, управляющаго всѣми этими движеніями. Всѣ личные моменты, всегда привлекавшіеся къ объясненію историческихъ фактовъ, теперь должны быть признаны неимѣющими значенія—даже сами они должны быть объяснены интересами социальныхъ группъ. Личное отношеніе Ксеркса къ афинянамъ не должно болѣе играть никакой роли въ числѣ причинъ наводненія Греціи персидскими войсками; для похода Александра Великаго въ Азію совершенно безразлично, читалъ ли онъ когда Гомера; ненависть Аннибала къ Риму сама должна быть результатомъ опасности со стороны Рима для торговыхъ интересовъ финикійцевъ на берегахъ Средиземнаго моря, а никакъ не клятвы, данной мальчикомъ Аннибаломъ своему отцу, и т. д., и т. д.; всюду мѣсто индивидуальныхъ причинъ историческихъ фактовъ должны заступитъ интересы социальныхъ группъ. Герои, повелители и государственные люди не могутъ больше дѣлать исторію: ими, какъ маріонетками, двигаютъ и управляютъ нити интересовъ социальныхъ группъ.

Развѣ это не еретическая мысль, невыносимая для историковъ, тратящихъ такъ много труда и прилежанія на характеристики „руководящихъ“ историческихъ личностей?

Есть еще одно обстоятельство, говорящее противъ социологіи. Въ природѣ человѣка лежитъ глубокая склонность къ идолопоклонству; періодъ фетишизма не изжитъ еще даже цивилизованнымъ человѣчествомъ. Только оно дѣлаетъ своихъ фетишей не изъ глины, дерева или камня, а беретъ любого государственнаго человѣка, попавшагося ему на глаза и случайно бывшаго у власти въ моментъ историческаго событія, и объявляетъ его своимъ идоломъ, падаетъ передъ нимъ ницъ, какъ передъ произведшимъ силой своего генія это событіе. Этотъ историческій фетишизмъ очаровываетъ массу, преданную такому культу, и этотъ восторгъ толпы льститъ историкамъ. Достаточно вспомнить наполеоновскій культъ во Франціи и его первосвященника, историка Тьера.

Націи также дѣлаютъ изъ своихъ великихъ людей для себя нѣчто пріятное; ихъ самолюбію льститъ приписывать великія для нихъ, славныя событія своимъ великимъ государственнымъ дѣятелямъ. Сколько хвалебныхъ

гимнозъ пѣлось Кавуру, основателю и создателю итальянскаго единства, и передъ прославленіемъ этого, приписываемаго ему индивидуальнаго дѣйствія, совершенно померкла совмѣстная дѣятельность соціальныхъ силъ и стремленій, столѣтіями подготовлявшихъ единство Италіи, упавшее, какъ спѣлый плодъ, къ ногамъ Кавура.

Но это нельзя поставить въ упрекъ описательной исторіи, потому что и ея способъ изображенія событій, покоющійся всюду на индивидуальной инициативѣ и культѣ героевъ, имѣетъ большое этическое и эстетическое значеніе; не слѣдуетъ только забывать о большихъ научныхъ правахъ соціологіи.

Оттокаръ Лоренцъ.

Примѣромъ историка, съ ужасомъ возстающаго противъ всѣхъ такихъ соціологическихъ требованій, ничего не желающаго слышать объ естественныхъ законахъ исторіи, ни на іоту не позволяющаго себя убѣдить въ ненаучности характера описательной исторіи и горячо протестующаго противъ причисленія его къ „художникамъ“, можетъ служить Оттокаръ Лоренцъ. Онъ аргументируетъ противъ естественныхъ законовъ исторіи слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ индивидуализмъ, существующій въ исторической личности, понимаетъ ли его просто количественно или качественно, производитъ въ своей дѣятельности совершенно иного рода продукты, чѣмъ всякое другое существо природы, то отсюда вытекаетъ нелѣпость требованія придать историческимъ законамъ и единообразіямъ совершенно такую же форму и значеніе, какъ законамъ и единообразіямъ естественныхъ наукъ“ (*Geschichtswissenschaft*, II, стр. 355). „Нелѣпость“ вытекаетъ здѣсь изъ посылки, истинность которой слѣдовало бы сперва доказать. Она заключается въ оспариваемомъ соціологіей положеніи, что историческія событія „продуктъ дѣйствій индивидуализма, существующаго въ историческомъ человѣкѣ“, что историкъ и долженъ былъ бы доказать, прежде чѣмъ называть противное мнѣніе „нелѣпостью“. Лоренцъ, дѣлая послѣднее, доказываетъ этимъ лишь то, что авторъ „теоріи генераций“ даже и не догадывается объ истинной проблемѣ, кроющейся въ этомъ различіи воззрѣній. Но соціологія отвергаетъ посылку Лоренца. Для соціолога единство Германіи, напримѣръ, отнюдь не „продуктъ дѣйствія индивидуализма, проявившагося въ исторической личности“ Бисмарка, а просто слѣдствіе стремленія культурно-объединенной страны, развивавшагося и росшаго болѣе столѣтія; и Бисмаркъ оказался однимъ изъ основателей германскаго единства потому лишь, что, по вѣрному инстинкту, сталъ во главѣ движенія, направленнаго къ объе-

диненію Германіи. Историческое величіе личности заключается въ ея способности отдаться великому соціальному теченію. Объясненіе германскаго объединенія заключается во всѣхъ тѣхъ факторахъ, которые породили это стремленіе массъ, а никакъ не въ геніи Бисмарка. Какъ можно было бы, въ противномъ случаѣ, объяснить тотъ фактъ, что у столь могущественнаго чловѣка, объединившаго Германію, не хватило силъ удержать свой министерскій портфель? Паденіе Бисмарка соціологія объяснить опять-таки не индивидуальной волею короля Вильгельма, а тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ могущественный государственный чловѣкъ попалъ на ложный путь и, слѣдуя личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, хотѣлъ связать Германію съ Россіей, тогда какъ естественное стремленіе нѣмецкаго народа противъ союза съ Россіей, въ которой Германія основательно видитъ своего величайшаго врага. Въ тотъ моментъ, когда этотъ, прежде могущественный герой, сталъ противъ естественнаго и законмѣрнаго соціальнаго теченія, геній исторіи бросилъ его въ сторону, какъ изломанную игрушку. Но все это „нелѣпости“ соціологовъ; историки же будутъ продолжать обоготворять „основателя нѣмецкаго единства“ и описывать въ подробностяхъ придворныя интриги, жертвой которыхъ онъ палъ; впрочемъ, ихъ нельзя въ этомъ упрекнуть, таково ихъ призваніе—еслибъ они не дѣлали этого, они были бы скучны и однообразны.

Поэтому, съ точки зрѣнія историка, Лоренцъ вполнѣ правъ, когда говоритъ, что „если бы историческое преданіе приняло такую форму, которая не позволяла бы познавать и изображать индивидуальности, то было бы вообще глупо говорить объ исторіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Мы имѣли бы тогда лишь широко раскинувшееся внѣ времени море идей, волны котораго тѣснятся въ вѣчной смѣнѣ отъ одного края къ другому; единственное, что оставалось бы тогда философу, это наблюдать законмѣрность, съ которой совершается движеніе.“

Этимъ Лоренцъ, быть можетъ, бессознательно формулировалъ программу соціологіи, такъ какъ она не предлагаетъ ничего другого, кромѣ формулы „законсообразности“ въ „вѣчныхъ измѣненіяхъ“ соціальныхъ развитій. Конечно, историкомъ овладѣваетъ священный ужасъ, при видѣ столь скучной матеріи, гдѣ нѣтъ повода „постигать и изображать индивидуальности.“

Но что удивительно, почти неостижимо у Лоренца, при его совершенно правильномъ пониманіи различія между описательной исторіей и „философіей“, такъ это его горячіе протесты противъ зачисленія его въ ряды „художниковъ.“ Страстный „изобразитель индивидуальностей“ отказывается съ раздражительною вспыльчивостью, нерѣдкой у него впрочемъ, отъ „поднесенія ему съ кисло-сладкой миной прекраснаго

титула художника“ со стороны банальной методологіи. „Этотъ способъ формулированія того, что рядомъ съ критикой должно быть эстетикой, историческимъ искусствомъ, долженъ показаться каждому, кто хоть разъ созналъ свое историческое творчество, столь большой наивностью, что для него становится прямо невозможнымъ (?) болѣе глубокое изслѣдованіе этихъ исторіографо-методологическихъ недоразумѣній“, восклицаетъ Лоренцъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ ему помочь. Если онъ собираетъ матеріалы,—онъ собиратель матеріаловъ; если онъ „описываетъ индивидуальности“, онъ прагматическій историкъ, слѣдовательно, художникъ; пока онъ отступаетъ съ ужасомъ передъ „наблюденіемъ закономерности“ „вѣчной смѣны“ историческихъ событій, онъ занимается не наукой. Напротивъ, мы охотно признаемъ, что своей теоріей генераций онъ сдѣлалъ попытку научнаго объясненія исторіи и что, если бы она удалась, онъ былъ бы Гельмгольцемъ, Дю Буа Реймономъ, Кирхгофомъ исторіи, но только если-бы она удалась! Что, если въ одинъ прекрасный день, отчего упаси Боже, другой профессоръ исторіи такъ же вѣжливо назоветъ „нелѣпостью“ „теорію генераций“ Лоренца, какъ тотъ—„естественные законы исторіи?“ Онъ могъ бы обойтись безъ обосновки своего сужденія, совершенно подобно Лоренцу съ его „нелѣпостью“. Впрочемъ, этотъ приговоръ Лоренца, открыто обрушившійся на все боклевское направленіе, напоминаетъ мнѣ, какъ другой дѣльный историкъ и, во всякомъ случаѣ, выдающійся человѣкъ, Іосифъ Чуйскій, назвалъ боклевскую идею „естественныхъ законовъ исторіи“ также „капитальной глупостью“.

Таковы они, воспѣватели и „изобразители индивидуальностей“. Имъ мало дѣла до того, чему хотѣли насъ научить Шопенгауэры, Бокли и многіе другіе ослы! „Исторія дѣлается индивидуальностями“—этого съ нихъ достаточно.

Въ виду такихъ вкоренившихся предразсудковъ соціологическому познанію безконечно трудно проложить себѣ путь. Потому что, въ то время, какъ, съ одной стороны, соціологія наталкивается на излюбленныя житейскія воззрѣнія, содержаніе которыхъ входитъ въ духовную личность каждаго человѣка, съ другой стороны, ей недостаетъ самаго дѣйствительнаго средства другихъ экспериментальныхъ наукъ, возможности доказывать свои положенія опытами.

Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ удивляться, что не только историки и поэты, но и значительное большинство людей считаетъ себя оскорбленными взглядами и утвержденіями соціологіи въ своихъ самыхъ „святыхъ“ и „исконныхъ“ чувствахъ, и поэтому съ негодованіемъ вооружаются противъ нея. Вѣдь соціологія предпринимаетъ ни болѣе, ни

менѣе какъ коренное измѣненіе возрѣній челоуѣка на свое собственное духовное „я“. Вѣроятно, нѣтъ болѣе неблагодарной научной задачи. Полное отрицаніе роли личности въ ходѣ соціального развитія есть тезисъ, не особенно пріятный для челоуѣка, который все же чувствуетъ себя „господиномъ и вѣнцомъ творенія“. И все-таки это полное отрицаніе роли личности вмѣстѣ съ ея свободной волей составляетъ основу соціологіи. Отсюда уже вытекаетъ ея глубокое противорѣчіе съ исторической наукой, которая, по утвержденіямъ историковъ, есть „наука о челоуѣкѣ какъ политическомъ существѣ“¹⁾.

Соціологія же наука не о челоуѣкѣ, а только о челоуѣческихъ обществахъ; она учитъ, что отдѣльный челоуѣкъ поступаетъ и мыслитъ обыкновенно въ духѣ своей группы, но что группа живетъ своей собственной, независимой отъ отдѣльной личности жизнью. Эта жизнь и движеніе, это стремленіе и дѣйствіе соціальныхъ группъ и составляетъ предметъ соціологіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторія, какъ естественный процессъ.

И однакожь, въ этомъ мірѣ необходимо бороться, чтобы жить. Сила — все, какъ въ природѣ, такъ и среди людей. Всѣ созданія, теряющія умѣнье и энергію самообороны, становятся добычей тѣмъ болѣе вѣрной, чѣмъ болѣе ихъ блескъ, неосторожность и даже изящность дѣлаютъ ихъ замѣтными грубымъ хищникамъ, бродящимъ окрестъ.

Taine, L'ancien régime, стр. 215.

23. Содержаніе и раздѣленіе соціологіи.

Изъ до сихъ поръ сказаннаго о сущности соціологіи выясняется уже ея приблизительное содержаніе. Это содержаніе, естественно, дѣлится на двѣ части, которыя можно, если правятся физическія аналогіи и техническія выраженія, назвать — по примѣру Конта — статикою и динамикою общества. Первая содержитъ описаніе наличныхъ или прежде существовавшихъ соціальныхъ группъ, или сообществъ, ихъ взаимныя и, если можно такъ выразиться, пространственныя отношенія. Эти отношенія могутъ быть взаимно-исключающія, напр., отношенія государствъ, или концентрически включающія, когда одна группа заключается

¹⁾ Фримонъ. Методы изученія исторіи. Переводъ П. Николаева, Москва 1893.

въ другой. Таковы отношенія сословіи или классовъ населенія одного государства, или частично-скрещивающіяся, въ какихъ состоятъ, напр., общественныя соединенія, образовавшіяся въ силу опредѣленнаго занятія или принадлежности къ опредѣленной церкви или званію.

Эта соціальная статика изслѣдуетъ причины расчлененія общества на отдѣльныя группы, отношенія отдѣльныхъ группъ къ входящимъ въ ихъ составъ личностямъ, большую или меньшую степень сдѣпленія внутри этихъ группъ или, что то же самое, большую или меньшую степень ограниченія отдѣльной воли, общую тенденцію общественнаго соединенія, большую или меньшую степень вліянія послѣдняго на добрую волю сочленовъ и т. д.

Динамическая соціологія имѣетъ дѣло съ законами эволюціи соціальныхъ группъ, ихъ естественными стремленіями и вытекающими отсюда взаимодействіями группъ, изъ каковыхъ получается „соціальная эволюція“, т. е. эволюція каждой отдѣльной группы и данной ихъ совокупности. Эта эволюція никоимъ образомъ не должна быть смѣшиваема съ прогрессомъ, такъ какъ она не можетъ бытъ прогрессомъ каждой отдѣльной группы, потому что прогрессъ одной группы легко можетъ обозначать паденіе другой. Эволюція, понимая это слово широко, приводитъ къ взаимному проникновенію многихъ группъ, къ ихъ амальгамическому смѣшенію, къ различнѣйшимъ формамъ ихъ сочетанія, равноправнаго и подчиненнаго, также къ паденію отдѣльныхъ группъ и росту другихъ. Во всякомъ случаѣ, эта эволюція совершается закономѣрно, сообразно съ законами природы, и есть ни что иное, какъ результатъ дѣйствія, присущихъ отдѣльнымъ группамъ, стремленій, болѣе или менѣе вѣрное измѣреніе и оцѣнка которыхъ позволяетъ, болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить ходъ развитія въ будущемъ, съ большею или меньшею точностью.

Въ результатѣ этой „эволюціи“ получается постоянно растущій аггломератъ, который до сихъ поръ достигъ высшей формы развитія въ большихъ національныхъ государствахъ. Этотъ эволюціонный процессъ, приводящій все къ большимъ аггломератамъ, можно, пожалуй, назвать прогрессомъ; только прогрессъ этотъ никоимъ образомъ не идетъ тѣмъ идиллическимъ путемъ, какой рисовали себѣ оптимисты прогресса. На этомъ пути гораздо большее значеніе имѣетъ непрерывная борьба, регулируемая высшимъ закономъ приспособленія, при чемъ выживаютъ элементы, приспособившіеся къ аггломерату, тогда какъ оказывающіе сопротивленіе и неприспособившіеся удаляются болѣе или менѣе насильственнымъ образомъ. Поэтому прогрессъ этотъ ведетъ къ паденію многихъ группъ и ихъ полному уничтоженію.

Законъ роста аггломерата.

Этимъ путемъ и въ силу этихъ причинъ исторія человѣчества всегда и вездѣ переходитъ отъ борьбы безчисленнаго множества мелкихъ группъ къ образованію большихъ, путемъ поработченія сильнѣйшими слабѣйшихъ.

Подъ тысячью разныхъ формъ и образовъ даетъ намъ всемірная исторія одно и то же содержаніе. Образуютъ ли отдѣльныя племена государство, путемъ союза или военного превосходства сильнѣйшаго, какъ это часто бывало на востокѣ; вырастаютъ ли изъ отдѣльныхъ филъ греческіе города — государства, присоединенныя впоследствии побѣдоносною монархіею къ своимъ завоеваніямъ; возникаетъ ли изъ отдѣльныхъ пастушескихъ племенъ Римъ, покоряющій впоследствии безчисленное множество мелкихъ народовъ, чтобы, достигнувъ степени государства, слить во единую всемірную монархію безчисленное множество государствъ; будутъ ли то нѣсколько германскихъ племенъ, идущихъ обычнымъ путемъ всякаго племени, и изъ нѣкотораго числа небольшихъ государствъ превращающіяся въ большое государство, или будутъ то нѣсколько русскихъ, татарскихъ, монгольскихъ княжествъ, путемъ побѣды сильнѣйшаго превращающіяся въ царство, съ такою страшною силою ведущее борьбу съ сосѣдями, въ цѣляхъ расширенія своихъ границъ и увеличенія своего могущества: вездѣ мы видимъ одинъ и тотъ же простой и естественно необходимый процессъ, удачно-схваченный поэтомъ — „большой пожираетъ малаго, а наибольшій — большаго.“ Это „пожирание“ ничуть не свободный волевой актъ, — вообще не индивидуальный волевой актъ. Это естественное, неизбѣжное поглощеніе слабѣйшихъ соціальныхъ группъ болѣе могущественными соціальными организаціями, процессъ, вездѣ и всегда совершающійся, при столкновеніяхъ этихъ группъ и организацій, съ такою же закономѣрностью и неизбѣжностью, съ какою упавшая въ воду губка впитываетъ воду или загораются брошенные въ огонь дрова.

Что происхожденіе этихъ сообществъ, какъ и ихъ развитіе и взаимныя отношенія управляются опредѣленными законами, видно хотя бы изъ того, что вся эта общественная жизнь является лишь одною изъ сторонъ естественно-исторической жизни человѣчества. Исключительно этою стороною общественной жизни человѣчества занимается соціологія и пытается найти эти въ точномъ смыслѣ слова соціальные законы. Однако, нѣсколько другихъ наукъ также изслѣдуютъ эту сторону жизни человѣчества или сдѣлали отдѣльные моменты ея развитія предметомъ соціальныхъ изслѣдованій; но развитіе соціальныхъ группъ, какъ такое, оставалось неразсмотрѣннымъ, по крайней мѣрѣ ни разу не приз-

нано предметомъ отдѣльной науки. Исслѣдователи останавливались, напримѣръ, на отдѣльныхъ моментахъ, являющихся результатомъ соціального развитія—т.-е. образованія, развитія и борьбы соціальныхъ группъ между собою, однако эти моменты всегда разсматривались независимо отъ ихъ естественныхъ соціальныхъ основаній и становились предметомъ отдѣльныхъ отраслей знанія въ своемъ отвлеченномъ существованіи, а не какъ соціальные продукты, объяснимые изъ глубоко лежащихъ и широко развѣтвляющихся соціальныхъ корней.

Такъ, напр., юриспруденція изучаетъ право въ его отвлеченномъ существованіи, независимо отъ его соціальныхъ основъ. Исторія права также занимается лишь развитіемъ отвлеченныхъ законоположеній въ ихъ преемственности во времени, хотя и сравниваетъ формы права у различныхъ народовъ. Но то, какъ, именно, каждое право происходитъ изъ соціальной борьбы человѣческихъ сообществъ, рѣдко и мимоходомъ затрогивается въ изслѣдованіяхъ. Между тѣмъ, это—главное.

Такъ же точно языковѣдѣ занимается абстрактнымъ „организмомъ“ языка, его формами и ихъ измѣненіями, отношеніями различныхъ нарѣчій одного языка и различныхъ языковъ между собою; языковѣдѣ классифицируетъ и группируетъ языки, изслѣдуетъ законы ихъ развитія и т. д. Но какія соціальныя явленія допустили развитіе этихъ языковъ, въ какой мѣрѣ это развитіе является результатомъ общественныхъ группообразованій, далѣе, что различіе нарѣчій зиждется на различіи образующихъ народъ этническихъ группъ, — объ этомъ лингвистика заботится мало.

Конечно, болѣе всего къ соціологіи приближается исторія культуры и, въ послѣднее время, политическая экономія, поскольку онѣ не довольствуются отдѣльными моментами, выхваченными изъ общаго развитія „общества“ или „человѣчества“, а пытаются охватить развитіе всѣхъ соціальныхъ явленій во всей ихъ взаимной зависимости: но и исторія культуры занимается такими отдѣльными моментами, хотя и во всей ихъ цѣлостности (искусство, религія, право, литература, нравы, экономическія отношенія и т. д.). Таковыя разсматриваются независимо отъ ихъ соціальныхъ основъ или, по меньшей мѣрѣ, безотносительно къ ихъ причинной зависимости отъ измѣненій въ этой соціальной основѣ.

Что составляетъ отличительную черту соціологіи и характеризуетъ ее, какъ особенную и самостоятельную науку, это то, что всѣ эти явленія она разсматриваетъ не какъ проявленія человѣческаго духа, какъ то дѣлаютъ прочія спеціальныя науки, но какъ необходимыя слѣдствія аггломераци и развитія человѣческихъ обществъ.

Такъ какъ соціологія въ этихъ человѣческихъ сообществахъ, или, что одно и то же, въ этихъ соціальныхъ группахъ и ихъ взаимныхъ

дѣйствіяхъ и противодѣйствіяхъ видить основную причину и единственный источникъ всѣхъ соціальныхъ явленій и производитъ изъ нихъ также „человѣческій духъ“, который другія науки дѣлають отвѣтственнымъ за все и который, подобно мастеру на всѣ руки, долженъ создать право, религію, экономическія отношенія и т. д.: то очевидно, что главное вниманіе соціологіи должно быть обращено на эти соціальныя группы, на изслѣдованіе ихъ происхожденія, развитія, ихъ свойствъ и природы, ихъ дѣятельности и взаимныхъ отношеній. Далѣе, соціологіи предстоитъ выяснитъ спеціальнѣйшій вопросъ, какъ изъ сношеній различныхъ соціальныхъ группъ, изъ ихъ столкновеній и взаимодѣйствій развивается цѣлый рядъ тѣхъ соціально-психическихъ явленій, которыя мы приписываемъ обыкновенно свободному творчеству „человѣческаго духа“, какъ-то: языкъ, религія, право, государство со всѣми его организаціями и т. д.

24. Соціальныя группы.

Соціальная группа есть основной элементъ соціальной эволюціи и простѣйшій факторъ историческаго процесса. Группа эта создается и обусловливается общимъ главнымъ жизненнымъ интересомъ.

Сколько главныхъ интересовъ, столько же соотвѣтственныхъ соціальныхъ группъ; и такъ же, какъ нѣсколько стремленій могутъ принадлежать одной личности, такъ и личность можетъ принадлежать къ нѣсколькимъ группамъ, периферіи которыхъ поэтому взаимно-пересѣкаются или же включены одна въ другую.

Отъ простаго сборища индивидовъ группа или сообщество отличается своею организаціею. Собравшаяся на фейерверкъ или какое-нибудь зрѣлище толпа не образуетъ ни соціальной группы, ни сообщества, это просто неорганизованная масса. Однако какое-либо событіе можетъ внести въ эту неорганизованную толпу какой-либо общій интересъ и моментально превратить эту толпу въ группу; такъ, напр. когда вмѣсто возвѣщенной классической трагедіи, посмотрѣть которую собралась публика, поставятъ на сцену какую-нибудь вульгарную комедію, тотчасъ общее недовольство директоромъ группы объединяетъ неорганизованную массу и дѣлаетъ ее, какъ организованную группу, способную на нѣкоторыя коллективные поступки, хотя бы на требованіе обратно уплаченныхъ за входъ денегъ.

Оставляя въ сторонѣ такія исключительныя явленія, которыя часто могутъ имѣть огромное мѣстное значеніе (бунты, возстанія, даже революціи могутъ быть подняты такимъ мгновеннымъ объединеніемъ неорганизованныхъ массъ), соціологія изучаетъ исключительно лишь дѣющіяся

организованныя сообщества. У всѣхъ этихъ сообществъ есть одинъ общій признакъ, заключающійся уже въ самомъ понятіи „организація“: они состоятъ изъ вождя и подвластной ему толпы. — Сообщество не можетъ состоять исключительно изъ равныхъ личностей, -- орда имѣетъ вождя, первое время лишь во время военныхъ походовъ и самозащиты, впоследствии также и въ мирное время. Племя, образовавшееся изъ многихъ ордъ, въ которое вошли покоренныя и поглощенныя орды, имѣетъ уже, какъ слѣдствіе своихъ военныхъ предпріятій и вытекающей отсюда организаціи, въ цѣляхъ закрѣпленія результатовъ побѣдъ, хорошо организованную власть, состоящую изъ короля и окружающихъ его вождей и сподвижниковъ.

То же самое мы находимъ во всѣхъ другихъ соціальныхъ группахъ, на основаніи какихъ бы интересовъ они ни образовались — экономическихъ ли, нравственныхъ или политическихъ. Экономическія группы выступаютъ передъ нами въ видѣ цеховъ съ ихъ старшинами и сочленами; религіозныя подъ руководствомъ своихъ священниковъ; политическія — монарховъ, наследственныхъ или выборныхъ, будутъ ли то въ послѣднемъ случаѣ пожизненные (при избирательной монархіи) или временные, краткосрочные (президенты).

Что соціальная группа не является тождественной простой суммѣ индивидовъ, ее составляющихъ, что фактъ организаціи прибавляетъ нѣкоторое количество силы, необъяснимое изъ суммы индивидуальныхъ силъ, эту трудно усвояемую вообще мысль Гревъ выражаетъ такимъ образомъ: „Сношенія извѣстной массы лицъ между собою и съ другою массою создаютъ отношенія, которыя, находясь въ полной зависимости отъ фізіологическихъ и психическихъ свойствъ составляющихъ единицъ, заключаютъ нѣкоторый остатокъ, необъяснимый одними законами наукъ, предшествующихъ соціологіи. Коллективная сила соціальнаго надъ-организма не эквивалентна суммѣ коллективныхъ силъ, присущихъ индивидуальнымъ организмамъ, такъ же точно, какъ послѣднія не эквивалентны суммѣ ихъ сложныхъ фізіологическихъ единствъ.“ (Introduction a la Sociologie, I, 180).

25. Общество и государство.

То обстоятельство, что различныя сообщества или соціальныя группы или подчиняются опредѣленному общественно-правовому порядку, или стоятъ внѣ такового, рѣзко дѣлитъ ихъ на два разряда. Къ послѣднему принадлежатъ всѣ государства, къ первому — всѣ общества и соціальныя группы внутри отдѣльнаго государства.

Этимъ отличается государство отъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ сообществъ, какъ особое, своеобразное, вмѣстѣ съ тѣмъ пре-

восходящее по значенію всѣ остальные, хотя это значеніе создается могуществомъ господства, коренящагося въ верховной власти государства. Изъ всѣхъ человѣческихъ сообществъ одно лишь государство присвоило себѣ, ради упроченія своей власти, право надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ. Обстоятельство это дѣлаетъ государственный союзъ превосходящимъ всѣ остальные по крѣпости, продолжительности, дѣлаетъ его независимымъ отъ воли принадлежащихъ къ нему индивидуальностей. Благодаря этому, союзъ этотъ можетъ быть разрушенъ лишь путемъ крови и желѣза, тогда какъ всѣ остальные человѣческіе общественные союзы подвластны его силѣ, могутъ быть имъ притѣсняемы, раздроблены и уничтожены.

Отсюда вытекаетъ правило, что всѣ человѣческія сообщества должны жить въ ладу и согласіи съ государствомъ; какъ всегда и вездѣ бываетъ, сообщества не только не противодѣйствуютъ намѣреніямъ государства, но даже способствуютъ ихъ осуществленію.

Одно время было въ обычаѣ не замѣчать эту отличительную черту государства и стараться увѣрить другихъ въ томъ, что, въ ряду человѣческихъ сообществъ, государство существуетъ и функционируетъ, какъ равный среди равныхъ. „Община, коммуна, государство“, — такъ гласила формула. Быть можетъ благія намѣренія побуждали къ такому сопоставленію; такова, на примѣръ, попытка построить государство на принципѣ „самоуправленія“ и „самоопредѣленія“ его „согражданъ“, какъ то мы видимъ въ общинѣ и коммунѣ. На самомъ же дѣлѣ, община и коммуна должны защищаться отъ государства, тогда какъ государству некого бояться; верховная власть — отличительная черта государства, признакъ, полагающій безконечное различіе между нимъ и остальными человѣческими сообществами.

Ни на волосъ не вѣрнѣе оказывается новѣйшая теорія (Гуго Преисъ) ступеней развитія: община, государство и имперія. Совершенно ясно принципиальное различіе между общиной и государствомъ: послѣднему принадлежитъ верховная власть надъ первою. Тогда какъ это различіе ясно и несомнѣнно, отношеніе между государствомъ и имперіей (мимоходомъ сказать, явленіемъ вполне индивидуальнымъ не заключающимъ ничего типичнаго) является чѣмъ-то незаконченнымъ, отношеніемъ, схваченнымъ въ процессѣ развитія, и о будущей формѣ котораго наука можетъ строить различныя предположенія: нынче нѣмецкія государства перестали быть совершенными государствами, и имперія не представляетъ еще собою государства. Легко возможно, что такое положеніе будетъ длиться еще столѣтія, но должна же, наконецъ, или имперія стать государствомъ, или государство пріобрѣсти былую самостоятельность; словомъ, мы имѣемъ дѣло съ мѣстнымъ процессомъ превраще-

нія, и опрометчиво признавать элементы этого процесса законченными типами, окрѣпшими ступенями развитія человѣческихъ обществъ. Моментальная фотографія не должна насъ вводить въ обманъ относительно направленія историческаго развитія (ср. мое „Oesterreichisches Staatsrecht“, Вѣна 1890 стр. 50).

26. Государство.

Во всякомъ случаѣ, государство — самостоятельный типъ, форма общежитія своего рода и, если можно такъ выразиться, высшая ступень, вѣнецъ всѣхъ формъ общежитія. Только государству принадлежитъ выдающееся значеніе въ историческомъ развитіи, во всемірно-исторической жизни народовъ; только государство является факторомъ всемірно-историческаго процесса. Поэтому ученіе о государствѣ является нераздѣльною, постоянною частью соціологіи; источникъ же всѣхъ ошибокъ и заблужденій по вопросу о государствѣ въ томъ, что ученіе о немъ постоянно пытались построить вполнѣ самостоятельно, тогда какъ лишь соціологическое изслѣдованіе можетъ выяснитъ, что такое государство, и ученіе о государствѣ можетъ получить правильную постановку и освѣщеніе только отъ соціологіи.

Историческое значеніе выпадаетъ на долю государства, какъ вѣчно движущагося механизма, жизнь котораго никогда не замираетъ. По внутренней своей природѣ, оно должно воздѣйствовать на всѣ сосѣднія государства, лежація въ сферѣ его вліянія; послѣднія же, опять таки въ силу своихъ внутреннихъ свойствъ, соприкасаясь съ нимъ, оказываютъ на него такое же дѣйствіе. Вотъ причина вѣчныхъ воздѣйствій и противодѣйствій государствъ и происходящаго отсюда процесса историческаго развитія, совершающагося съ такою же необходимостью, съ какою въ вольтовомъ столбѣ, въ силу соединенія электроположительныхъ и электроотрицательныхъ пластинокъ, возникаетъ гальваническій токъ.

Не было бы никакой внѣшней исторіи государствъ, если бы они были раздѣлены непроницаемою китайскою стѣною или непреодолимыми естественными препятствіями. Но такъ какъ этого нѣтъ, такъ какъ государства оказываютъ значительныя воздѣйствія другъ на друга и, въ силу присущихъ имъ, какъ соціальнымъ группамъ, внутреннихъ стремленій, должны оказывать эти воздѣйствія, то мы имѣемъ внѣшнюю исторію государствъ. Также и внутри государства былъ бы вѣчный покой и застой, если бы между соціальными группами царили безразличныя отношенія, если бы не было взаимныхъ воздѣйствій. Но этого нѣтъ; эти группы, какъ и государства, соразмѣрно присущимъ имъ естественнымъ стремленіямъ, реагируютъ другъ на друга, въ результатѣ

же получается внутренняя исторія государства, т. е. итогъ соціальной борьбы и проистекающихъ изъ нея перемѣнъ въ равновѣсіи соціальныхъ силъ со всѣми сопутствующими явленіями.

Принципіальное различіе между всѣми соціальными группами и формами общежитія, съ одной стороны, и государствомъ—съ другой, обуславливаетъ двойственность задачъ соціологіи, смотря по тому, разсматриваетъ ли она систему дѣйствій государствъ, или же заключающихся въ немъ формъ общежитія и соціальныхъ группъ.

Послѣдняго рода наблюденія ведутъ къ познанію законовъ внутри государственной соціальной жизни, другими словами—теоріи внутренней политики; наблюденія перваго рода—къ познанію законовъ международныхъ отношеній, къ научной теоріи внѣшней политики. Тутъ подошли мы къ узлу, въ которомъ сплетаются соціологія и политика, при чемъ послѣдняя, какъ это будетъ изъяснено ниже, становится нераздѣльною частью первой.

Соціальные элементы государства.

Соціальные элементы государства, взаимодействіе которыхъ опредѣляетъ внутреннее развитіе послѣдняго, создаются экономической организаціею государства, организаціею труда.

Число ихъ, въ сущности, ограничено, и виды ихъ во всѣхъ государствахъ болѣе или менѣе одинаковы. Происходитъ это оттого, что организація труда обусловлена потребностями человѣка, какъ тѣлесными, такъ и, какъ говорятъ, духовными. Этимъ всюду одинаковымъ потребностямъ противостоятъ вездѣ, въ сущности, одинаковые дары природы, долженствующіе итти на удовлетвореніе этихъ потребностей.

Вездѣ человѣку необходимы съѣстные припасы, которые должны быть или непосредственно взяты изъ окружающей природы, или добыты искусственно. Эта работа наиболѣе тяжелая физически и требуетъ наибольшаго количества человѣческихъ силъ. Поэтому вездѣ должно существовать большое число сельскихъ хозяевъ, хлѣбопашцевъ или пастуховъ. Этой массѣ противостоятъ вездѣ небольшое число господствующихъ, такъ какъ господство, по самой природѣ своей предполагаетъ небольшое число пользующихся имъ. Масса, съ одной стороны, неспособна господствовать, съ другой стороны—нуждается въ вождяхъ, въ управленіи кѣмъ-либо. Эти составныя части государства мы находимъ вездѣ, гдѣ только встрѣчаемъ государственное устройство, такъ какъ части эти неразрывно съ нимъ связаны, являются его существенными элементами.

Впослѣдствіи возникаетъ третья составная часть, не занимающаяся тяжелымъ трудомъ производства грубыхъ продуктовъ и не захватываю-

щая непосредственно въ свою пользу большой части плодовъ этого труда, но умѣющая, путемъ промышленности и торговли, исподволь за-получить изъ рукъ господствующихъ значительную часть продуктовъ чернаго труда, умѣющая собирать деньги.

Таковы три существенныя части cadaго государства, вездѣ и всегда создаваемыя характеромъ человѣческихъ потребностей и характеромъ находящейся въ его распоряженіи, для ихъ удовлетворенія, природы. Эти составныя части государства могутъ быть болѣе или менѣе развиты, могутъ находиться на болѣе или менѣе высокой степени культуры, могутъ быть болѣе или менѣе видоизмѣнены, въ своихъ жизненныхъ формахъ, условіями внѣшней природы, могутъ быть соединены тѣмъ или инымъ, не имѣющимъ большого значенія, способомъ: но что вездѣ и всегда должно оставаться въ общемъ неизмѣннымъ, это отношеніе ихъ между собою, вытекающее изъ того высшаго соціального закона, что каждое сообщество, каждая соціальная группа стремится содержать себя на счетъ всѣхъ остальныхъ и, предусмотрительно заботясь о будущемъ, старается умножить свои силы (ср. Grundriss der Sociologie, III, § 6 — 13).

27. Высшій законъ соціального развитія.

Какому же высшему закону подчиняются всѣ соціальныя группы въ своихъ движеніяхъ? Какая это сила играетъ, въ вѣчномъ движеніи соціальныхъ группъ, роль силы притяженія въ солнечной системѣ, не позволяя этимъ группамъ идти своимъ независимымъ путемъ во все-ленной исторіи, ставитъ ихъ во взаимную зависимость, связываетъ во-едино, доводитъ до взаимной борьбы и соединяетъ въ разнообразнѣйшія политическія комбинаціи, при чемъ, конечно, нѣкоторыя часто идутъ ко дну и исчезаютъ, чтобы очистить другимъ дорогу?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ никоимъ образомъ не можетъ претендовать на интересъ новизны, такъ какъ онъ очень простъ, почти тривиаленъ; такъ какъ этотъ высшій законъ — законъ самосохраненія, то самосохраненіе та сила, которая производитъ всѣ эти чудеса соціальной эволюціи. Каждая соціальная группа проникнута стремленіемъ самосохраненія, предусмотрительность же заставляетъ заботиться о постоянномъ повышеніи своего благосостоянія. Какъ самосохраненіе, такъ и ростъ благосостоянія требуютъ приобрѣтенія все большей и большей суммы внѣшнихъ благъ, одинаково необходимыхъ какъ для того, такъ и для другого.

Къ этимъ внѣшнимъ благамъ принадлежатъ также услуги другихъ людей, безъ которыхъ чловѣкъ, по своей природѣ, не можетъ обезпе-

чить свое самосохраненіе и благосостояніе. Такимъ образомъ, стремленіе соціальныхъ группъ къ самосохраненію и обезпеченію своего благосостоянія приводитъ къ стремленію властвовать надъ другими соціальными группами и ихъ поработченію, слѣдовательно, къ стремленію къ власти, которое, при столкновеніи съ подобными же стремленіями другихъ группъ, приводитъ къ борьбѣ, за власть надъ другими соціальными группами. Но всѣ эти движенія соціальныхъ группъ совершаются подъ давленіемъ принудительнаго закона природы; въ этомъ источникъ необходимости и закономерности всѣхъ историческихъ явленій.

Подъ давленіемъ нужды первобытные народы совершаютъ грабежи и предпринимаютъ хищническіе набѣги, мѣрятся силою съ другими племенами.

Когда грабежи и набѣги перестаютъ удовлетворять нуждамъ сильнѣйшаго племени, оно должно прибѣгнуть къ покоренію сосѣднихъ (или заморскихъ) народностей и принудить ихъ къ болѣе интенсивному хозяйству на покоренныхъ земляхъ. Этимъ кладется начало образованію государства и дальнѣйшему расширенію его владѣній, кладется начало образованію большихъ государствъ.

Примѣры эти типичны. Мы находимъ этотъ процессъ во всѣ времена и во всѣхъ частяхъ свѣта, такъ какъ онъ съ естественною необходимостью вытекаетъ изъ естественнаго положенія дѣлъ. Одно простое и естественное обстоятельство неизбѣжно приводитъ каждое государство, раньше или позже, къ переходу своихъ границъ и нападенію на другія общества, съ цѣлью ихъ эксплуатаціи—событію, безъ котораго не было бы всемірной исторіи. Это обстоятельство — плодovitость племенъ. Ростъ населенія понуждаетъ каждое общество подумать объ умноженіи наличныхъ средствъ существованія, и такъ какъ ростъ производительности съ имѣющей въ распоряженіи общества земли имѣетъ свои границы, то остается прибѣгнуть къ эксплуатаціи сосѣднихъ или—для обществъ, живущихъ на берегу моря—заморскихъ народностей. Поэтому простѣйшею схемою историческаго процесса будетъ столкновеніе двухъ разнородныхъ группъ, изъ которыхъ каждая старается извлечь возможно больше для себя выгоды изъ другой. Эта простая схема лишь нѣсколько затемняется сложнымъ соціальнымъ строеніемъ государства, но отнюдь не измѣняется въ своей сущности.

Изъ высшаго закона государственнаго развитія, стремленія къ развитію своего могущества, вытекаетъ вторичный законъ—каждое государство препятствуетъ развитію могущества сосѣда, заботится о сохраненіи „политическаго равновѣсія“ и всѣми силами противодѣйствуетъ такимъ нарушеніямъ этого „равновѣсія“, которыя клонятся въ ущербъ ему.

Другой вторичный законъ состоитъ въ томъ, что каждое государ-

ство стремится въ направленіи наивыгоднѣйшихъ приобрѣтеній и наименьшаго сопротивленія, такъ что каждое континентальное государство тяготѣетъ къ морю, какъ средству приобрѣтенія морского могущества и всего съ нимъ связаннаго. Въ этомъ стремленіи къ морю ему будутъ всѣми силами мѣшать соперничающія государства, которыя боятся развитія его могущества.

Каждое государство заботится также о достиженіи естественныхъ границъ, и, чтобы не быть отъ нихъ отрѣзаннымъ, предпринимаетъ войны противъ отрѣзывающихъ его отъ этихъ естественныхъ границъ сосѣдей. Также неизбежна постоянная борьба между сосѣдними государствами изъ-за естественной пограничной линіи.

И въ сферѣ внутренней жизни каждое государство, по необходимости, должно заботиться объ увеличеніи своихъ силъ, значить о ростѣ военной силы и потому о развитіи богатства и производительныхъ силъ страны, обусловливающихъ возможность военныхъ издержекъ. Ни одно государство не можетъ удерживаться отъ всѣхъ этихъ стремленій, не можетъ, по произволу, ихъ ограничить. Въ общей давкѣ оно должно пробиться впередъ, иначе окажется оттѣсненнымъ назадъ, будетъ затерто. Поэтому нѣтъ выбора также и для могущественнѣйшихъ монарховъ, такъ какъ государства ихъ принимаютъ участіе въ этой всемірной свалкѣ. Этотъ категорическій императивъ руководитъ также каждымъ соціальнымъ развитіемъ во внутренней жизни государства.

Когда мы отвергаемъ ложную атомически-индивидуалистическую теорію государственнаго устройства, по которой государство является суммою заключающихся въ немъ (равныхъ и свободныхъ!) индивидовъ, нетрудно будетъ обнаружить подлинныя соціальныя составныя части государства въ немногихъ сословіяхъ, классахъ или сообществахъ, вообще въ соціальныхъ группахъ, вѣчно реагирующихъ другъ на друга, такъ сказать, по одному и тому же методу, по одному и тому же принципу. Принципъ, лежащій въ основѣ ихъ взаимодействій, есть не что иное какъ выраженіе высшаго закона всякаго соціального развитія: принципъ борьбы за преобладаніе въ государствѣ.

Какое бы государство ни выбрали мы предметомъ своихъ наблюденій, въ древнее и новое время, въ Европѣ, Азій, Америкѣ или Африкѣ, вездѣ мы находимъ антагонизмъ, взаимодействіе, по меньшей мѣрѣ, двухъ соціальныхъ группъ: господствующихъ и управляемыхъ. Судьба, развитіе каждаго такого государства, зависитъ отъ отношеній этихъ группъ между собою и отъ перемѣнъ въ этихъ отношеніяхъ. Эти послѣднія однако неизбежны. Какъ и во всей природѣ, въ мірѣ соціальныхъ явленій движеніе, измѣненіе неизбежны. Въ отношеніяхъ соціальныхъ группъ между собою нѣтъ застоя, неизмѣнности. Упомя-

нутая выше тенденція всякой группы — заботиться о поднятїи своего благосостоянїя, вытекающее отсюда дальнѣйшее стремленіе расширить, съ одной стороны, сферу своего господства и освободиться, съ другой стороны, отъ порабощенїя, постоянно колеблуть и измѣняютъ это соотношеніе, мѣшаютъ ему прїйти въ состоянїе покоя, являются постоянною пружиною соціального процесса и постоянно толкають соціальное развитіе все впередъ и впередъ.

Закономѣрность этого развитїя обусловливается тѣмъ, что эти стремленїя соціальныхъ группъ, покоющїяся на указанномъ выше законѣ самосохраненїя и погони за увеличеніемъ благосостоянїя, въ сущности, остаются безъ измѣненїй, измѣняется только форма ихъ проявленїй, въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ, отъ различїй въ окружающей средѣ и условїяхъ существованїя¹⁾.

Въ общемъ внутреннее развитіе государства опредѣляется развитіемъ его внѣшнихъ силъ: на долю перваго выпадаетъ служебная роль по отношенїю къ послѣднему.

Это положенїе, или скорѣе судьба, внутренняго соціального развитїя государства, избѣжать каковой она не можетъ, объясняется очень просто. Та соціальная группа во внутренней жизни государства оказывается наиболѣе вліятельной, которой больше всего на руку внѣшнее, международное положенїе государства.

Главный интересъ господствующей въ государствѣ группы заключается въ сохраненїи своего привилегированнаго положенїя, вѣрнѣйшимъ же средствомъ къ тому является сохраненїе государственнаго строя. Вотъ причина хорошо всѣмъ знакомаго явленїя, что напряженность государственнаго патріотизма соціальныхъ составныхъ частей государства находится въ прямой зависимости отъ ихъ вліянїя на внутреннїя дѣла. Руководящая внутренними дѣлами соціальная группа проявляетъ живѣйшїй интересъ къ сохраненїю цѣлости государства: если ея власть и вліяніе, во внутренней борьбѣ съ другими соціальными частями государства, терпятъ ущербъ, патріотизмъ ея получаетъ опасную брешь, и улучшенїя своего положенїя она ждетъ извнѣ. Все это также естественно и необходимо, какъ восходъ и заходъ солнца.

Такъ какъ все, что совершается въ государствѣ государственною властью, дѣлается либо по инициативѣ господствующаго класса, либо съ его согласїя, поэтому во всѣхъ явленїяхъ въ области законодательства, администраціи, промышленности, политической науки и искусства, съ одной стороны, на ряду съ государственно-консервативными стремленїями видна рука господствующихъ классовъ съ ихъ интересами, съ

¹⁾ Примѣры, иллюстрирующїе это положенїе, можно найти въ „Grundriss der Sociologie“, стр. 120, 121.

другой стороны — забота обь обеспеченіи международнаго положенія государства.

Такова связь между внутреннимъ развитіемъ государства и его внѣшнею международною исторіей; въ этомъ причина того, что внутренняя исторія является простымъ привѣскомъ внѣшней, обусловливается послѣднею; въ этомъ, наконецъ, причина большаго значенія и большаго интереса внѣшней исторіи, сравнительно съ внутренней — такъ какъ лишь внѣшняя исторія дѣлаетъ понятной и ясной исторію внутренней жизни государства.

28. Соціальная эксплоатація.

Главное различіе въ формахъ извлеченія выгодъ, или эксплоатаціи одной группы другою, зависитъ отъ того, происходитъ ли она посредствомъ принужденія и силы, или путемъ хитрости и мирнаго обмана. Послѣдняя форма эксплоатаціи соотвѣтствуетъ высокой степени культуры по крайней мѣрѣ эксплоатирующей группы, — вообще же, обѣ формы многообразно соприкасаются и взаимно поддерживаютъ одна другую. Напр., когда Англія принудила свои заморскія колоніи покупать исключительно лишь англійскіе товары и запретила иностраннымъ кораблямъ доступъ въ эти колоніи, то было это частью насиліе, частью мирная эксплоатація. Эта послѣдняя составляетъ главную цѣль такъ называемой торговой политики. Исторія торговыхъ договоровъ — не болѣе, какъ перечень попытокъ націй взаимно эксплоатировать другъ друга или, иначе говоря, исторія мирной борьбы изъ-за извлекаемой изъ взаимныхъ общественныхъ отношеній прибыли. На томъ же принципѣ основывается экономическая борьба соціальныхъ группъ внутри государства. Тутъ мы находимъ отдѣльныя соціальныя группы, созданныя единствомъ матеріальныхъ интересовъ и стремящіяся сдѣлать выгоду экономическихъ сношеній съ другими группами своимъ исключительнымъ правомъ (монополіей).

То же явленіе наблюдается по отношенію къ торговымъ націямъ Европы, какъ то Голландіи и Англіи, монополизировавшихъ торговлю опиумомъ въ Восточной Азіи и на островахъ Южнаго океана.

Никакая иная точка зрѣнія не примѣнима къ группѣ сельскихъ хозяевъ, когда они хлопчутъ о хлѣбныхъ пошлинахъ и проводятъ ихъ законодательнымъ порядкомъ, чтобы получать со всѣхъ другихъ соціальныхъ группъ выгоды монополистовъ, или къ промышленникамъ, когда они требуютъ и добиваются покровительственныхъ пошлинъ. Вся эта междугрупповая эксплоатація облечена въ форму права, производится безъ всякаго насилія. Но это не мѣняетъ сути дѣла.

Если съ этой точки зрѣнія разсматривать весь механизмъ внѣшней и внутренней государственной жизни, то мы придемъ къ убѣжденію, что душа этой жизни, главная пружина всей внѣшней и внутренней политики—борьба соціальныхъ группъ за существованіе и развитіе благосостоянія путемъ эксплуатаціи, осуществляемой легче всего посредствомъ власти, почему борьба эта вездѣ и всегда принимаетъ форму борьбы за власть.

Эти простыя и удобопонятныя стремленія и побудительныя причины производятъ, въ силу большого разнообразія и несходства соціальныхъ группъ по величинѣ и силѣ, по духовнымъ свойствамъ и способностямъ, все то изобиліе соціальныхъ явленій и ту цѣпь соціальныхъ событій, которыхъ изображеніе искони было задачей исторіи, осуществленіе—дѣломъ практической политики, но научное объясненіе которыхъ принадлежитъ соціологіи и составной части ея, наукѣ о политикѣ.

Соціологическая схема.

Конечно, разработка этой однообразной соціологической схемы никогда не замѣнитъ намъ историческаго изображенія событій, увлекательное своимъ разнообразіемъ: но этого вовсе не нужно. Философское обобщеніе не должно быть увлекательно (въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть увлекательна исторія); соціологія же вовсе не заявляетъ претензіи замѣнить собою историческія описанія.

Съ другой стороны, ошибочно думать, что установленіе этой простой схемы исчерпываетъ соціологію, какъ науку, что все ея содержаніе можно передать двумя словами „общественная эксплуатація“. Соціологія разсматриваетъ войну и мирную эксплуатацію, только какъ средства, примѣненіе которыхъ необходимо и незамѣтно для соціальныхъ группъ приводитъ къ достиженію высшихъ цѣлей природы, къ достиженію опредѣленныхъ результатовъ. Но въ каждомъ дѣйствіи и наблюденіи такового, средства являются подчиненнымъ моментомъ, цѣли и результаты—главнымъ и существеннымъ. Поэтому соціологія имѣетъ гораздо менѣе дѣла съ констатированіемъ этихъ средствъ процесса соціальнаго развитія, и гораздо болѣе—съ разьясненіемъ, какимъ образомъ примѣненіе этихъ средствъ приводитъ къ достиженію цѣлей или результатовъ этого процесса.

Вообще каждое соціологическое изслѣдованіе должно начинать съ обще-распространенныхъ явленій—наличности множества разнородныхъ соціальныхъ элементовъ и обусловленной ими борьбы; главное-же вниманіе должно быть сосредоточено на другомъ вопросѣ, какимъ образомъ и посредствомъ какихъ соціально-психическихъ факторовъ, изъ этой

вѣчной и постоянно распространяющейся на всѣ болѣе обширныя области борьбы, возникаютъ тѣ великія цивилизаціи, передъ которыми мы преклоняемся, какъ передъ послѣднимъ словомъ процесса социальнаго развитія. Въ этихъ изслѣдованіяхъ мы не имѣемъ уже дѣла съ однообразной схемой, мы встрѣчаемъ тутъ наибольшее разнообразіе: эти цивилизаціи уже сами по себѣ представляютъ крайнее разнообразіе.

Въ концѣ-концовъ, задача социологіи—изученіе того, какъ возникаютъ различныя цивилизаціи изъ вездѣ существующихъ многочисленныхъ разнородныхъ социальныхъ группъ, подчиненныхъ, въ своихъ естественно необходимыхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, высшему социальному закону, въ силу участія различныхъ социально-психическихъ факторовъ, измѣняющихся въ зависимости отъ мѣста и времени;—цивилизациі, вступающія опять въ тѣ-же отношенія, въ какихъ находятся разнородные социальные элементы, при началѣ процесса развитія, такъ что процессъ этотъ никогда не останавливается, постоянно достигаетъ болѣе высокихъ формъ, постоянно совершенствуется, благодаря содѣйствію растущихъ качественно и количественно социально психическихъ факторовъ, или переходитъ въ процессъ социальнаго разложенія, закончившись въ данномъ мѣстѣ и въ данное время.

29. Стремленія сообществъ.

Стремленіе къ развитію своей силы, о которомъ рѣчь шла выше, присуще каждому государству, какъ существующему въ природѣ обществу (отличному отъ „организаціи“), какъ исторически сложившемуся единству; стремленіе это вполне независимо отъ чувствъ, мнѣній, наклонностей и стремленій индивидовъ, не только играющихъ въ обществѣ подчиненную роль, но и стоящихъ во главѣ его.

Труднѣйшую задачу социологіи можно выразить такъ: независимость групповыхъ стремленій отъ воли отдѣльныхъ лицъ. Это кажется непонятнымъ, парадоксальнымъ ¹⁾. Можно возразить, что сообщество,

1) Я поддерживаю этотъ тезисъ противъ крайне серьезныхъ возраженій, сдѣланныхъ по адресу моей социологіи съ одной стороны Dürkheim'омъ (Revue philosophique 1885, Т. II, стр. 632), съ другой Simmel'емъ (Sociale Differenzierung“, см. ниже главу IV), что концепція сообществъ, созданнымъ однимъ общимъ стремленіемъ, заключаетъ въ себѣ что-то мистическое или даже „чудное“ (Зиммель). Я думаю, однако, что упрекъ этотъ неоснователенъ и вытекаетъ изъ недоразумѣнія. Возраженіе Дюркгейма гласитъ: „Развѣ не значитъ это признавать Богъ знаетъ какой социальный принципъ, крайне схожій съ отвергнутымъ уже жизненнымъ принципомъ, но еще менѣе научный? Развѣ не значитъ это строить всю социологію на одной изъ тѣхъ смутныхъ, сбивчивыхъ идей, которыя Гумиловичъ иногда такъ сурово отмѣчаетъ у своихъ противниковъ? Конечно, общество есть существо, индивидуальность (?!). Но въ этомъ существѣ нѣтъ ничего метафизическаго. Это не субстанція, болѣе или менѣе трансцендентальная; это цѣлое, состоящее изъ частей. Не будетъ-ли тогда первою задачею социолога—разложить это цѣлое, исчислить его части, описать ихъ и классифицировать, узнать, какъ онѣ соединены и размѣщены? Именно такова была задача Шеффле....

группа состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ, не является организмомъ, не имѣетъ воли. Что совершаетъ группа, это можетъ быть объяснено лишь путемъ выясненія воли составляющихъ ее частей, воли отдѣльныхъ индивидовъ. И все же происходитъ именно обратное.

Достаточно обратиться къ наблюденію дѣйствительности и опыту. Отдѣльная личность, по крайней мѣрѣ нормальная, заботится только о своемъ личномъ благосостояніи и благосостояніи своихъ ближнихъ. Что-же гонить ее въ предпріятія, бесполезныя для ея счастья и благосостоянія,—что гнало постоянно германскихъ императоровъ въ Италію, Наполеона I въ Москву, что постоянно увлекаетъ европейскихъ, цивилизованныхъ, миролюбивыхъ монарховъ въ военныя предпріятія, противорѣчащія ихъ личнымъ чувствамъ и бесполезныя для ихъ личного счастья? Если это честолюбіе и славолубіе—они были бы преступны. Кто смотритъ на вещи безпристрастно и объективно, долженъ признать, что тутъ играютъ роль непреодолимыя стремленія сообществъ, которыя, торжествуя надъ чувствами, склонностями и волею личности, бросаютъ отдѣльную личность въ водоворотъ событій; это—соціальныя теченія, увлекающія индивидовъ. Теченія эти можемъ мы выяснить лишь путемъ ознакомленія съ тенденціями сообществъ, которыя всегда

Такъ какъ только индивиды составляютъ общество, они и только они являются факторами общественной жизни“.

Насколько мнѣ извѣстно, я нигдѣ не опредѣлялъ соціальную группу, сообщество какъ самостоятельное, независимое существованіе, какъ организмъ—я указывалъ лишь на то обстоятельство, что въ процессѣ соціального развитія соціальныя группы и сообщества проявляютъ такъ много внутренняго единства, что уподобляются имѣющимъ волю существамъ. Когда я пользуюсь уподобленіемъ, какъ необходимымъ средствомъ пониманія, тутъ-же дѣлая оговорку, что ни группа, ни сообщество не суть организмы самостоятельныя существованія, я долженъ-бы былъ быть свободнымъ отъ упрековъ въ метафизикѣ или „мистикѣ“, одинаково неумѣстныхъ. Ежедневно и ежеминутно мы наблюдаемъ общую дѣятельность сообществъ, какъ-то: партій, государствъ; развѣ выраженіе: „они дѣйствуютъ какъ самостоятельныя существа“ не можетъ быть употребляемо, не подвергаясь упреку въ метафизикѣ? Однако отъ указанія на эту самостоятельную дѣятельность сообществъ, не равновеликую суммѣ волевыхъ дѣятельностей отдѣльныхъ индивидовъ, далеко еще до объясненія, какимъ образомъ возникаетъ эта объединенная дѣятельность; здѣсь есть мѣсто для соціологическихъ столкновеній, которыя будутъ когда-либо даны; но недостаточность объясненія, во всякомъ случаѣ, вполне естественнаго событія не заключаетъ въ себѣ ничего мистическаго.

Эти соображенія служатъ отвѣтомъ и на замѣчаніе Зиммеля („Soziale Differenzierung“ стр. 85 съ ссылкой на стр. 149 моей „Sociologie“), нашедшаго „странную соціологическую идею“ въ моемъ утвержденіи, что группы въ своихъ дѣйствіяхъ „слѣдуютъ влеченію своихъ интересовъ“ и вытекающей отсюда идеи законмѣрнаго движенія. Зиммель согласенъ съ самыми фактами; но онъ оспариваетъ, что они вытекаютъ изъ закона природы, и считаетъ ихъ результатомъ строенія группы въ противоположность индивиду. Я вполне согласенъ съ его объясненіемъ фактовъ, но не думаю, чтобы оно находилось въ противорѣчьи съ утвержденіемъ, что „движенія массъ опредѣлены законами природы“. Спорный пунктъ между мною и Зиммелемъ лежитъ вовсе не въ пониманіи эволюціи группы, а въ понятіи „законъ природы“. Но это уже совершенно другой вопросъ, который пространно изложенъ въ моей „Соціологіи“, стр. 53 и слѣдующ.

и вездѣ остаются неизмѣнны, — тенденціей самосохраненія, развитія своей силы и власти надъ чуждыми, сосѣдными или съ большими или меньшими усилями доступными сообществами. Поэтому высшій законъ исторіи легко можно выразить въ слѣдующей простой формѣ: „сильнѣйшій побѣждаетъ слабаго, — равносильные соединяются, чтобы въ союзѣ оказаться сильнѣе третьяго, равносильнаго имъ порознь“. Это законъ не только исторіи, но и всей жизни, онъ одинаково сохраняетъ свою силу какъ надъ жизненными побужденіями въ каплѣ воды, разсматриваемой подъ микроскопомъ, такъ и надъ побужденіями сословій, народовъ, націй, занесенныхъ на листы исторіи. Если мы не будемъ упускать изъ виду этотъ простой законъ, повидимому, неразрѣшимая загадка политической исторіи становится ясной и простою; эта единственная пружина даетъ ключъ ко всему пестрому колѣйдоскопу, для разьясненія котораго историки ссылались на такое безконечное множество индивидуально-психическихъ мотивовъ, ничего не объясняющихъ.

П е с с и м и з м ъ.

Изложенный здѣсь взглядъ на ходъ исторіи получаетъ съ разныхъ сторонъ упрекъ въ „пессимизмѣ“. Слово это звучитъ нехорошо и считается, во всякомъ случаѣ, порицаніемъ. Надъ значеніемъ его много не думаютъ, ограничиваются указаннымъ пониманіемъ; между тѣмъ слово это во всякомъ случаѣ имѣетъ различныя значенія и никакъ не можетъ во всѣхъ своихъ смыслахъ заключать порицаніе. Рѣшительно отклоняя упрекъ въ пессимизмѣ, въ какомъ-либо общеупотребительномъ смыслѣ, я не имѣю ни малѣйшаго повода отвергать такую квалификацію моихъ воззрѣній въ какомъ-либо иномъ смыслѣ. Необходимо, слѣдовательно, прежде всего разобратъ въ различныхъ смыслахъ этого слова.

Пессимизмомъ прежде всего называется философія Шопенгауэра и Гартмана, и такое пониманіе слова крайне распространено; терминомъ этимъ обозначается тотъ взглядъ, что жизнь въ этомъ наихудшемъ изъ міровъ такъ жалка, что жить рѣшительно не стоитъ; наивысшая же мудрость заключается въ уничтоженіи желанія жить. Этотъ смыслъ термина — причины неодобрительнаго къ нему отношенія. Тутъ просматриваютъ то обстоятельство, что пессимистическое воззрѣніе Шопенгауэра-Гартмана состоитъ изъ послышки („нашъ міръ — наихудшій изъ возможныхъ“) и извлеченнаго изъ нея заключенія („не стоитъ жить“). Независимо отъ того, что указанное сужденіе о негодности этого міра крайне растяжимо, что уже само по себѣ приводитъ къ такъ сказать различнымъ градаціямъ пессимизма, выводъ Шопенгауэра-Гартмана ни-

коимъ образомъ не неизбежно слѣдуетъ изъ основнаго положенія. Можно сдѣлать совершенно иное заключеніе, напр.: хотя нашъ міръ не изъ лучшихъ, быть можетъ наихудшій, но мы не имѣемъ возможности создать себѣ лучшій, и такъ какъ мы живемъ лишь одинъ разъ, то приходится дорожить и этимъ ¹⁾).

Какъ изъ разнообразія пессимистическихъ оцѣнокъ нашего міра, такъ и отъ возможности прямо противоположныхъ выводовъ изъ этой оцѣнки слѣдуетъ, что возможны разнообразнѣйшіе пессимисты, непохожіе другъ на друга какъ свѣтъ на тьму, такъ какъ относительно главнаго вопроса—отношенія къ жизни—они стоятъ на противоположныхъ точкахъ зрѣнія.

Изъ этого прежде всего слѣдуетъ, что слово *пессимизмъ*, такъ охотно употребляемое всюду, гдѣ только находятъ частицу взглядовъ Шопенгауэра, ничего еще не опредѣляетъ, и что во многихъ видахъ пессимизма совершенно отсутствуетъ тотъ дурной смыслъ, который обыкновенно подразумѣется подъ этимъ словомъ. Очевидно, того, кто мало цѣнитъ жизнь въ этомъ мірѣ, но относится къ ней съ полнымъ уваженіемъ, какъ временной жизни, нельзя назвать пессимистомъ, въ общеупотребительномъ смыслѣ слова. Этотъ пессимизмъ, въ сущности, оказывается величайшимъ оптимизмомъ, и его слѣдуетъ назвать „оптимистическимъ пессимизмомъ“ при научномъ классифицированіи различныхъ оттѣнковъ пессимизма—при чемъ самъ собою пропадаетъ дурной смыслъ слова *пессимизмъ*, и даже получаютъ солидныя основанія употреблять его въ смыслѣ прямо противоположномъ.

Явно не научно представленіе о ходѣ развитія человѣчества, какъ о чемъ то идиллическомъ, какъ о торжествѣ добродѣтели и наказаніи порока. Эта схема, въ томъ смыслѣ, какой мы приписываемъ этому слову, въ отношеніи къ индивидуальной жизни, совершенно не похо-

1) Пессимизмъ Шопенгауэра и Гартмана, какъ извѣстно, философская перифраза байронизма:

Сосчитай радости, испытанныя тобою въ жизни,
Сосчитай дни, свободные отъ печали,
И пойми, что не стоитъ жить для того,
Чтобы быть тѣмъ, чѣмъ ты былъ.

Если поэту можно простить такое ошибочное опредѣленіе жизненнаго баланса, то по отношенію къ философамъ не должно быть снисхожденія, когда они дѣлаютъ грубую математическую ошибку, подсчитывая въ жизненномъ балансѣ неизмѣримыя величины (страданіе и удовольствіе) и, на основаніи полученныхъ данныхъ, подводятъ итогъ неблагоприятный для жизни. Страданіе и удовольствіе, по самому существу своему, несоизмѣримы, такъ какъ воспоминаніе объ удовольствіи доставляетъ удовольствіе, тогда какъ страданіе не только преходяще, но и приноситъ удовольствіе своимъ исчезновеніемъ. Однако это положеніе отвѣчаетъ только нормальной человѣческой жизни, а никакъ не необыкновенно несчастной судьбѣ, что приписываніе жизни положительной цѣнности и при этихъ условіяхъ—результатъ опредѣленнаго душевнаго состоянія, показали намъ второстепенный поэтъ пессимизма, несчастный Леопарди.

И кораблекрушеніе пріятно въ этомъ морѣ.

дять на путь соціального развитія челоуѣчества, на исторію. Людей, маскирующихъ дѣйствительность и навязывающихъ ей эту схему, называютъ вообще оптимистами. Съ научной точки зрѣнія, въ подобной похвалѣ скрывается горчайшее осужденіе. Прихорашиваніе—ложь, и какъ таковая подлежитъ осужденію. Пусть считаютъ пессимистическимъ строго реальное изображеніе историческаго процесса, помимо научнаго значенія, оно, какъ истина, имѣетъ неоцѣнимое практическое значеніе, порождая то филозофское спокойствіе и довольство, которое вытекаетъ изъ познанія истины. Въ то время какъ оптимистическій взглядъ на ходъ исторіи порождаетъ въ жизни на каждомъ шагу только разочарованіе, недовольство, огорченіе, отчаяніе и преступленіе, такъ называемый пессимистическій взглядъ, въ сущности, только реалистическое изображеніе историческаго процесса, обезпечиваетъ правильное пониманіе жизни, примиряетъ челоуѣка съ дѣйствительностью.

Слѣдовательно, въ то время какъ „оптимистическія“ воззрѣнія, какъ ошибочныя, приводятъ къ заблужденію и гибели, пессимистическое, въ сущности, только реалистическое міросозерцаніе, обезпечиваетъ награду всякой истины, внутреннюю гармонію челоуѣка и природы.

30. Опредѣленіе личности группою.

Вообще не невозможно выяснить, какимъ образомъ общество и его стремленія поглощаютъ личность. Ключъ къ загадкѣ въ томъ, что поведеніе личности опредѣляется не ея психическимъ содержаніемъ, а соціальнымъ положеніемъ, т.-е. въ любомъ положеніи дѣйствіями челоуѣка руководятъ мнѣнія окружающихъ. На это обстоятельство слишкомъ мало обращалось вниманія. Что принуждаетъ обанкротившагося купца прибѣгнуть къ самоубійству? Прежде всего онъ не хочетъ быть банкротомъ въ глазахъ „свѣта“, т.-е. тѣхъ людей, въ сношеніяхъ съ которыми онъ состоитъ. Примѣръ этотъ весьма ясно показываетъ, какъ соціальные мотивы торжествуютъ надъ сильнѣйшими индивидуальными побужденіями. Эти мотивы дѣйствуютъ въ общественной жизни на каждого, даже на наиболѣе съ виду независимаго. Причина въ томъ, что челоуѣкъ не можетъ вести уединенной жизни, что онъ общежителевъ; это свойство его натуры никогда не исчезаетъ и подчиняетъ его поведеніе общественному мнѣнію.

Что заставляетъ европейца въ горячій солнечный день переносить солнечный зной въ одѣяніи, вовсе не отвѣчающемъ его личнымъ нуждамъ, зато удовлетворяющемъ требованіямъ „свѣта“? Что заставляетъ насъ слѣдовать модѣ? — Соціальныя причины. Это справедливо какъ относительно незначительныхъ мелочей, такъ и важнѣйшихъ, трудно исполнимыхъ вещей.

Провинціальъ обращается къ „общественному мнѣнію“ окружающихъ,—могущественный монархъ имѣетъ въ виду „приговоръ исторіи“, т.-е. мнѣніе, выработанное его средою и опредѣляющее, какъ ему необходимо поступить въ данномъ положеніи.

Это общественное мнѣніе—продуктъ общественной жизни, т.-е. не личныхъ соображеній, а сношеній другъ съ другомъ многихъ людей,—и имъ руководятъ интересы группы.

Послѣднее обстоятельство объясняетъ, почему общественное мнѣніе всегда возстаетъ противъ ослабленія своей силы и ратуетъ за ея увеличеніе. Общественное мнѣніе подобно тому хозяину, который расширяетъ свои владѣнія и мало и низко цѣнитъ сосѣда, лишаящагося своихъ богатствъ. И большіе и малые несутъ ярмо общественнаго мнѣнія. Его дѣйствительность, начиная съ рабочихъ массъ общества, распространяется на всю соціальную лѣстницу и достигаетъ, становясь все могущественнѣе, стоящихъ наверху. Подчиняясь ему, полководецъ даетъ битву, хотя обстоятельства не благопріятствуютъ его арміи,—какимъ путемъ дѣйствуетъ на него общественное мнѣніе? Оно возникаетъ въ сношеніяхъ солдатъ между собою, разрастается въ средѣ офицеровъ и черезъ посредство штаба добирается до вождя, принимающаго въ соображеніе мнѣніе войска.

Если прослѣдить развитіе общественнаго мнѣнія въ массахъ еще глубже, въ концѣ-концовъ, мы наталкиваемся на эгоистическіе, личные мотивы. Побѣда надъ врагомъ обѣщаетъ отдѣльнымъ личностямъ выгоды—добычу или отличія. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе достигаетъ повиновенія только соціальнымъ путемъ, потому что отдѣльная личность, которую болѣе сильныя индивидуальныя мотивы могли-бы заставить отказаться отъ ожидаемыхъ выгодъ, несетъ ярмо общественнаго мнѣнія, руководимаго общими интересами. Такимъ же образомъ возникаетъ мнѣніе каждой группы, каждаго сообщества, которое, пробираясь такимъ путемъ, непреодолимо увлекаетъ вверхъ по соціальной лѣстницѣ за собою индивидовъ, стоящихъ на верхнихъ ступеніяхъ соціальной іерархіи. Въ этомъ причина несвободы воли отдѣльныхъ личностей, при столкновеніи съ стремленіями общества; лишь послѣднія опредѣляютъ движенія соціальныхъ группъ и всѣ политическія дѣла и событія.

31. Естественныя основанія историческаго процесса.

Два обстоятельства обусловливаютъ образъ дѣйствія и способъ осуществленія въ жизни этого простого и великаго естественнаго закона, управляющаго отношеніями соціальныхъ группъ: большое количество разноплеменныхъ группъ, образуемыхъ человѣчествомъ, и расселеніе ихъ.

по землѣ. Нужно замѣтить слѣдующее. Распредѣленіе человѣческихъ ордъ по землѣ никогда не было равномерно, равно какъ не однородно и плодородіе почвы. На земномъ шарѣ мы находимъ только отдѣльныя плодородныя мѣстности, раздѣленныя бесплодными горными хребтами и морями; распредѣленіе человѣческаго рода оказывается тѣмъ скученнѣе, въ населенныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ дальше углубляемся мы въ исторію.

Въ плодородныхъ странахъ мы находимъ нѣсколько племенъ, отдѣленныхъ пустынями, горными хребтами и океанами отъ далеко лежащихъ населенныхъ мѣстностей, гдѣ опять копошится нѣсколько племенъ.

Эти населенныя мѣстности стали въ послѣдствіи культурными центрами, ареною исторіи человѣчества. Какъ таковыя, они равноцѣнны, хотя-бы между ними не было ничего общаго. Культурный центръ между Тигромъ и Ефратомъ ни на одну іоту не имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ центръ между Миссисипи и Огіо или Тихимъ океаномъ и Кордильерами.

Европейскіе историки любятъ выставлять европейскую исторію прекраснѣйшимъ цвѣткомъ и зрѣлымъ плодомъ исторіи человѣчества; они большею частью не замѣчаютъ, что исторія человѣчества постоянно давала и постоянно будетъ давать такіе цвѣты и плоды во всѣхъ частяхъ населеннаго міра. Но въ оправданіе европейскихъ историковъ должно сказать, что ту-же ошибку дѣлаютъ индусы и китайцы.

Наблюдая всѣ эти историческія населенія на земномъ шарѣ, мы замѣтимъ, что нашъ естественный законъ дѣйствуетъ вначалѣ внутри отдѣльныхъ населенныхъ мѣстностей, далѣе между отдѣльными культурными центрами.

Въ каждомъ центрѣ исторической жизни наблюдается одинъ и тотъ же процессъ; надъ множествомъ племенъ сильнѣйшіе поднимаются до высоты господствующихъ классовъ, создаютъ въ своихъ цѣляхъ и интересахъ общественную организацію, доводятъ развитіе культуры, путемъ принудительнаго раздѣленія труда, до возможной высоты. Во время этого процесса сглаживаются постепенно первоначальныя племенные различія и остаются лишь различія классовыя и сословныя. До сихъ поръ развитіе шло подъ непрерывнымъ давленіемъ сверху, со стороны господствующаго меньшинства; нынѣ же возникаетъ обратный процессъ.

Массы требуютъ свою долю въ жизненныхъ благахъ, въ приобрѣтеніяхъ культуры: движеніе это потрясаетъ всю общественную организацію; во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы наблюдаемъ дѣйствіе одного и того же простаго закона природы.

32. Соціально-психическія явленія.

Тутъ возникаетъ вопросъ, достаточенъ ли этотъ соціологическій законъ эгоизма отдѣльныхъ группъ и ихъ взаимнаго антагонизма въ

своёмъ развитіи для объясненія всѣхъ разнообразныхъ соціальныхъ явленій, вызываемыхъ на свѣтъ Божій ходомъ исторіи, и могутъ ли объясненія этихъ явленій, путемъ примѣненія вышеуказаннаго закона, составить содержаніе самостоятельной науки. Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ обосновки.

Физическимъ столкновеніемъ двухъ разнородныхъ группъ и покореніемъ одной другою, благодаря чему возникаетъ примитивная государственная организація, вышеуказанный основной соціологическій законъ только приведенъ въ дѣйствіе, но не исполненъ во всей своей дѣйствительности. Теперь только возникаетъ настоящее соціальное развитіе; дѣлающееся взаимодѣйствіе соединенныхъ такимъ образомъ соціальныхъ составныхъ частей государства освобождаетъ постепенно нѣкоторое количество скрытыхъ соціальныхъ силъ, способствующихъ всестороннему соціальному развитію, приводящихъ къ прогрессивному развитію культуры. Частью внѣшніе, частью внутренніе факторы способствуютъ этому развитію и имѣютъ на него вліяніе. Къ внѣшнимъ факторамъ относимъ мы, помимо естественныхъ условій существованія, каковы: почва, климатъ, географическое положеніе, плодородіе страны, антропологическія особенности народа, еще приростъ населенія извнѣ, посредствомъ иммиграцій другихъ соціальныхъ группъ, посредствомъ соединенія съ сосѣдными племенами и народами и т. под.

Ко внутреннимъ моментамъ относимъ мы свойственныя каждой отдѣльной соціальной группѣ психическія особенности: языкъ, религію, особенные нравы, обычаи, способности, наклонности, и т. под.

Благодаря вступленію различныхъ внутреннихъ факторовъ въ самыя разнообразныя комбинаціи съ упомянутыми внѣшними факторами и несмотря на простоту закона, лежащаго въ основѣ всѣхъ соціальныхъ измѣненій, возникаетъ такое разнообразіе соціальныхъ и социально-психическихъ формъ, что, подобно тому какъ ихъ изображеніе, съ индивидуалистической точки зрѣнія, даетъ безконечный матеріаль для историковъ, ихъ объясненіе помощію лежащаго въ ихъ основѣ соціологическаго закона является почти безконечнымъ матеріаломъ для соціологическихъ изслѣдованій.

33. Вліяніе соціально-психическихъ факторовъ на общественное развитіе.

Для объясненія только что сказаннаго должны мы поближе познакомиться со всѣми соціально-психическими факторами, принимающими участіе въ процессѣ соціального развитія. Это прежде всего тѣ факторы, на которыхъ основывается разнородность различныхъ соціаль-

ныхъ группъ, которыя въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія частью будутъ побѣждены и доведены до исчезновенія, частью достигнутъ полного расцвѣта и развитія. Къ этимъ соціально-психическимъ факторамъ принадлежитъ прежде всего языкъ, естественный продуктъ каждой отдѣльной этнической группы, связующей ея сочленовъ воедино, отдѣляя ихъ въ то же время отъ членовъ другихъ группъ, понимать которыхъ они не въ состояніи.

При враждебномъ столкновеніи разнородныхъ группъ и при истекающей отсюда организаціи власти, различіе языковъ создаетъ препятствіе для мирныхъ сношеній, препятствіе, постепенно разрушаемое дѣйствіемъ соціального закона, подобнаго закону приспособленія. Путь, какимъ удаляется это препятствіе, можетъ быть различенъ; можетъ выработаться смѣшанный языкъ, одинъ языкъ можетъ совершенно вытѣснить другой; процессъ этотъ можетъ совершиться различными путями, но результатъ необходимо получается одинъ: выработка одного общаго языка (ср. „Der Rossenkampf“, стр. 87—137).

Одною изъ многочисленныхъ и трудныхъ задачъ соціологіи является изслѣдованіе вліянія языка, какъ соціально-психическаго фактора, на соціальное развитіе и обратнаго дѣйствія послѣдняго на языкъ, и законмѣрности этихъ воздѣйствій.

Таково же отношеніе соціологіи къ другимъ соціально-психическимъ явленіямъ: къ религіи, нравамъ, привычкамъ и обычаямъ, праву, искусству, ремесламъ и т. д. Каждая этническая группа вноситъ съ собою въ государственный союзъ цѣлое приданое различныхъ соціально-психическихъ благъ, которыми ее снабдила природа, и уже въ государствѣ возникаетъ процессъ соціального перераспредѣленія ихъ.

Каждое изъ этихъ благъ — продуктъ взаимодействія индивида и его группы; каждое это благо возникло на соціальной почвѣ, это осадокъ общественной жизни въ группѣ и результатъ разносторонняго приспособленія къ ней индивида. Съ вступленіемъ группы въ большую соціальную организацію, начинается тотъ же соціальный процессъ съ большею лишь силою и приводитъ къ такимъ же результатамъ, производитъ тѣ же продукты въ иной лишь формѣ. Изъ столкновеній и борьбы, изъ перераспредѣленія и взаимныхъ сношеній возникаютъ наконецъ, какъ новый результатъ приспособленія, высшія соціально-психическія явленія, высшія формы культуры, новыя цивилизаціи, новые государственные и національные аггломераты.

Дальнѣйшая задача соціологіи заключается въ объясненіи, какъ и какимъ образомъ происходятъ эти различные процессы развитія, исключительно въ силу соціальныхъ дѣйствій и противодѣйствій; независимо отъ инициативы и воли индивидовъ, наперекоръ ихъ идеямъ и жела-

ніямъ, наперекоръ ихъ идеальнымъ стремленіямъ, идущимъ вѣчно въ разрѣзъ съ соціальною необходимостью.

34. Дарвинизмъ въ соціологіи.

Просто поразительно, что при такомъ, повидимому простомъ, положеніи дѣлъ, при такой простотѣ управляющихъ соціальнымъ міромъ законовъ и при такомъ большомъ числѣ политическихъ сочиненій, начиная съ древней Греціи, соціологія является новою наукою, а соціологическая литература возникла лишь въ новое время.

Послѣднее, однако, можно утверждать лишь въ ограниченномъ смыслѣ, потому что отдѣльныя, разбросанныя соціологическія наблюденія и познанія встрѣчаемъ мы съ древнѣйшихъ временъ въ области политической и исторической литературы, особенно въ древней литературѣ Востока. Эта древнѣйшая и послѣдующая соціологическая литература состоитъ изъ случайныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ у выдающихся политическихъ писателей классической древности и среднихъ вѣковъ въ большомъ числѣ и имѣющихъ въ общемъ большую цѣнность. Къ соціологической литературѣ принадлежитъ также все, что писалось о государствахъ и народахъ.

Конечно, слово соціологія составлено лишь тогда, когда жизнь государства была подчинена естественному закону, когда въ ней перестали видѣть что-то случайное, — это сдѣлали энциклопедисты XVIII столѣтія во Франціи, безъ сомнѣнія, имѣвшіе предшественниковъ въ древности. Огюсть Контъ опять былъ первымъ, указавшимъ вмѣстѣ съ именемъ новой науки и почву для ея самостоятельнаго построенія. Но для содержанія соціологіи Контъ не сдѣлалъ почти ничего. При немъ соціологія покоилась еще въ лонѣ философіи исторіи; она не обособилась еще отъ послѣдней, не отрѣшилась отъ нея¹⁾. Процессъ этого раздѣленія и дифференцированія совершилъ Гербертъ Спенсеръ. У него мы находимъ уже все разнообразіе дѣйствительныхъ, существующихъ въ области человѣчества, соціальныхъ группъ, ихъ свойства и закономерное развитіе. Спенсеръ первый сломалъ ледъ и открылъ дорогу нынѣ уже значительному числу писателей — соціологовъ важнѣйшихъ европейскихъ націй.

Какъ въ изслѣдованіяхъ Спенсера живетъ и достигаетъ дальнѣйшаго развитія идея, Конта, что въ основѣ соціологіи лежатъ законы біологіи, что соціологія — не болѣе, какъ біологія сложной индивидуальности, общества, ведущаго, какъ надъорганизмъ, органическую жизнь;

¹⁾ „Задача исторіи или соціологіи, говоритъ Контъ, изучить строеніе и дѣятельность человѣческаго общества“. Discours sur l'ensemble du positivisme, стр. 170.

такъ и у послѣдователей Спенсера эта идея остается до сихъ поръ господствующей. Какъ въ Германіи (Шеффле, Лиліенфельдъ), такъ и въ Италіи лучшія соціологическія изслѣдованія основываются на примѣненіи біологическихъ аналогій къ „органической жизни надъ-органической сложной индивидуальности“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ другая естественно-историческая идея побудила взглянуть на соціальное развитіе съ нѣсколько иной точки зрѣнія, для соціологіи болѣе плодотворной. Это была теорія Дарвина, обязанная своимъ существованіемъ соціологическимъ изслѣдованіямъ Мальтуса.

Если уже разъ примѣнена была біологическая точка зрѣнія въ изслѣдованіяхъ жизни общества, то должны были быть сдѣланы попытки, при большомъ вліяніи теоріи Дарвина на естественныя науки и біологію, примѣнить эту теорію борьбы за существованіе къ процессу соціального развитія.

Эти попытки должны были быть для соціологіи тѣмъ плодотворнѣе, что привели къ ознакомленію съ антагонизмомъ и противорѣчіемъ интересовъ націй и пытались, по крайней мѣрѣ, въ этой международной области постичь и объяснить взаимныя отношенія и взаимодействія народовъ, путемъ примѣненія всеобщаго, управляющаго этими отношеніями естественнаго закона. Отсюда одинъ лишь шагъ до распространенія этого принципа не только на государство, но и на соціальныя группы и сообщества. Историческія изслѣдованія пользуются соціологическими обобщеніями, чтобы показать намъ различныя соціальныя группобразованія въ прошломъ, соціальная статика знакомитъ насъ со всѣми существующими столь сложными и измѣнчивыми соціальными группобразованіями въ настоящемъ, — богатѣйшій матеріаль, позволяющій съ помощью частью исторіи, частью статистики, доказать господство соціологическихъ законовъ.

35. Война и международное право.

Изъ высшаго соціального закона, соціальной эксплоатаціи постороннихъ, въ связи съ обстоятельствомъ, что государства не подчиняются никакому опредѣленному правовому порядку, слѣдуетъ, что въ международныхъ сношеніяхъ государствъ невозможны другія отношенія, кромѣ войны, или вооруженнаго мира, или, наконецъ, союза, въ цѣляхъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ третьяго государства. Поэтому Реттихъ вполнѣ правильно называетъ войну актомъ международныхъ сношеній, который является, какъ и любое сношеніе, „слѣдствіемъ человѣческой потребности“, и цѣль котораго удовлетвореніе этой потребности ¹⁾. Послѣд-

¹⁾ Heinrich Rettich, Zur Theorie und Geschichte des Rechts zum Kriege: Völkerrechtliche Untersuchungen, 1888.—Подробное изложеніе этой книги авторъ помѣстилъ въ Grünhutschen Zeitschrift für Privat-und öffentliches Recht. Вѣна, 1889.

ная заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ стремленіи увеличить собственное благосостояніе на чужой счетъ. И такъ какъ стремленіе это вполнѣ естественно и необходимо, глубоко заложено въ сущности каждой соціальной группы, то Одиссей Барро не совсѣмъ неправъ, утверждая, что человѣку прирождена идея войны, почему состояніе антагонизма и войны нормальны для соціальныхъ группъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ¹⁾.

Въ то время какъ историческія сочиненія съ пристрастіемъ изображаютъ войны, какъ результатъ индивидуальныхъ стремленій и наклонностей, индивидуальныхъ причинъ, описываютъ ихъ теченіе, въ зависимости отъ участія отдѣльныхъ личностей, для соціологіи ни личное участіе индивидуальностей, ни изображеніе хода событій не имѣетъ интереса; для нея интересны тѣ цѣли, для достиженія которыхъ войны служатъ только средствомъ. Ходъ исторіи показываетъ, что войны служатъ лишь средствомъ для образованія все большихъ соціальныхъ аггломератовъ, слѣдовательно, только подчиненныя, хотя и неизбежно-естественныя, проявленія великаго процесса соціальнаго развитія, конечной цѣли котораго мы не знаемъ.

Легче указать возможность для этого прогрессирующаго процесса развитія прійти къ всемірному государству, чѣмъ научно обосновать эту надежду. Часто былъ провозглашаемъ идеаль всемірнаго государства—его находимъ мы и въ недавно вышедшей книги Гуго Прейса: „Община, государство и имперія“. Все дѣло въ томъ, можетъ ли процессъ соціальнаго развитія, до сихъ поръ приводившій къ образованію большихъ государствъ, когда-либо преодолѣть всѣ препятствія пространства и расовыхъ отличій и привести къ образованію настоящаго всемірнаго государства. Споръ по этому вопросу совершенно праздненъ. Человѣкъ, на основаніи научныхъ данныхъ, не вѣрящій въ такой прекрасный конецъ процесса соціальнаго развитія всего человѣчества, не можетъ находить нисколько удовольствія въ разрушеніи прекрасной грезы оптимистовъ,—такъ какъ эта греза, во всякомъ случаѣ, имѣетъ положительную нравственную цѣнность.

Недавно Гуго Прейсъ въ сочиненіи „Das Völkerrecht im Dienste des Wirtschaftslebens“ сдѣлалъ попытку дальнѣйшаго обоснованія своихъ идеальныхъ воззрѣній, путемъ ссылки на развитіе международнаго права. Его аргументація безупречна со стороны логичности. Наблюдая (такъ говоритъ онъ) большіе успѣхи, сдѣланные международнымъ правомъ, международнымъ правовымъ порядкомъ цивилизованныхъ государствъ

¹⁾ „Быть можетъ, изъ всѣхъ идей лишь идея войны прирождена человѣку.. Антагонизмъ настолько дѣйствительно нормальное состояніе обществъ, что мы находимъ его во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка, даже наиболѣе безобидныхъ...“ Odysse Barrot, Philosophie de l'histoire, стр. 32.

за двѣсти лѣтъ, и помня, что высшій законъ природы гласитъ: „безконечно малыя измѣненія въ продолженіе безконечно большихъ періодовъ времени“—должны мы, заключить, на основаніи сдѣланныхъ понынѣ успѣховъ международнаго права (на которые должно смотрѣть какъ на необходимыя слѣдствія международныхъ экономическихъ сношеній), что процессъ этотъ приведетъ когда-либо къ міровому хозяйству и всемірному международному праву, благодаря которому войны станутъ невозможны. Какъ замѣчено выше, эта аргументація неоспорима. Конечно, удовольствія отъ этого идеальнаго положенія вещей въ будущемъ, черезъ милліоны лѣтъ, отравляются мыслью о болѣе близкомъ,— о томъ, что человѣчество должно будетъ пролить еще много крови, прежде чѣмъ почва для всемірнаго международного права будетъ достаточно подготовлена. Такое, исключаящее войну, международное право можетъ быть осуществлено вообще лишь въ системахъ государствъ одной культуры. Нужно, слѣдовательно, не только міровое хозяйство, но и распространеніе вызванной имъ приблизительной общей культуры на всемъ земномъ шарѣ. До тѣхъ же поръ представители отдѣльныхъ разнородныхъ цивилизацій будутъ относиться другъ къ другу не какъ люди, но какъ дикіе звѣри. Безпрерывно причиняемая людямъ чуждыхъ цивилизацій гнусности являются доказательствомъ, что люди разныхъ культуръ не могутъ считать себя ближними. Какъ же иначе можно объяснить рѣзню, въ которой англичане были жертвами манипуровъ? Такихъ мерзостей не совершаетъ даже первобытный человѣкъ надъ существами, которыя считаетъ себѣ подобными.

Жестокости, совершенныя въ послѣднее время европейцами въ Австраліи и Азіи надъ туземцами этихъ странъ могутъ быть объяснены только тѣмъ, что европейцы не видятъ въ представителяхъ этихъ расъ себѣ подобныхъ. Конечно, мыслимо постепенное сліяніе множества покрывающихъ землю цивилизацій, и мы охотно соглашаемся съ Прейсомъ, что все это должно произойти преимущественно вслѣдствіе всемірныхъ экономическихъ сношеній,—но не можемъ себѣ представить всѣ эти успѣхи мирно достигнутыми, такъ какъ и понынѣ добыты достигнуты путемъ войнъ и насилій. Гдѣ цивилизаціи противопоставляютъ другъ другу одинаковую силу, тамъ нечего и думать объ ихъ мирномъ сліяніи; потому что каждая отстаиваетъ свое существованіе всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами, и пока эта самозащита имѣетъ мѣсто, нечего и думать о всемірномъ международномъ правѣ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса объ осуществленіи всемірнаго международного права и водвореніи всеобщаго мира зависитъ отъ отвѣта на вопросъ: когда окажемся мы на всей землѣ въ кругу близкихъ намъ людей, т. е. когда на всемъ земномъ шарѣ останутся лишь приходя-

щієся намъ по вкусу люди? Побѣдимъ на минуту ужасъ отъ мысли о моряхъ крови, неизбежно отдѣляющихъ насъ отъ этого момента, такъ какъ попытка убѣдить себя и другихъ въ возможности мирнаго сліянiя съ американскими краснокожими была бы грубымъ лицемѣріемъ; взглянемъ на безчисленныя народности Азіи и Аѳрики, у которыхъ одинъ видъ разрубленнаго на куски европейца вызываетъ величайшую сердечную радость, и спросимъ: возможно ли съ ними мирное сліянiе? Исторiя учитъ насъ, что мы гораздо скорѣе должны ждать насильственнаго уничтоженiя слабѣйшихъ, чѣмъ мирнаго сліянiя враждебныхъ элементовъ. Если мы представимъ себѣ будущую, покрывающую весь земной шаръ однородную цивилизацію, достигнутую путемъ насильственнаго уничтоженiя неприспособившихся, то и эту мечту грубо разрушаетъ наблюденiе, что рядомъ съ насильственнымъ уничтоженiемъ первобытныхъ противорѣчій, съ процессомъ „европейской и христіанской цивилизаціи“ постоянно возникаютъ новыя, дробящія цивилизованное человечество, и приводящія, съ теченiемъ времени, къ не менѣе злокачественнымъ расколамъ, чѣмъ первобытныя и первичныя, которыхъ мы до сихъ поръ не преодолѣли. Стоитъ подумать только о развитiи контраста между американцами и европейцами, возникающемъ только нынѣ, когда—какъ это вѣроятно будетъ—противоположныя экономическіе и политическіе интересы приведутъ со временемъ къ полному обособленiю Америки. Черезъ тысячу лѣтъ Америка будетъ стоять передъ нами подобно второму Китаю. Такимъ образомъ тѣневая сторона перспективы, построенной на будущемъ, обезпеченномъ международнымъ правомъ, всеобщемъ мирѣ состоитъ въ томъ, что указанный естественный законъ „безконечно малыя измѣненiя въ теченiе безконечно большаго періода времени“ дѣйствуетъ не только при удаленiи существующихъ общественныхъ противорѣчій, но, къ сожалѣнію, и при эволюціонномъ возникновенiи новыхъ, донныѣ не существовавшихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политика, какъ прикладная соціологія.

....ибо родъ этотъ не единъ и не изолированъ... Cicero, de republica, I, 25.

Человѣчество надобно разсматривать состоящимъ изъ группъ, такъ какъ онѣ всегда существуютъ.

Fergusson: History of civil society. Базель 1789. стр. 6.

36. Соціологія и практическая политика.

Выяснивъ себѣ сущность, содержаніе и задачи соціологіи, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о ея значеніи и возможной полезности.

Конечно, во всякой наукѣ должно быть принимаемо во вниманіе только ея научное значеніе, свойственное всякой наукѣ (которая вездѣ является сама для себя цѣлью!) какъ таковой, но тѣмъ не менѣе соціологія нуждается въ доказательствахъ ея полезности и того, что она не должна отстраняться отъ практической политики.

Какъ ученіе о законмѣрныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ соціальныхъ группъ и сообществъ, соціологія имѣетъ то значеніе для практической политики, что устанавливаетъ законмѣрное, а потому неизбежное направленіе соціальнаго развитія и тѣмъ самымъ указываетъ государственному человѣку и политическому дѣятелю, ровно какъ и всякому частному человѣку, путь, по которому онъ долженъ слѣдовать, чтобы не прійти къ столкновенію съ законмѣрными стремленіями.

Конечно, всегда были мудрые государственные люди и политики, ровно какъ и большинство людей идетъ настоящей дорогой, безъ помощи изученія соціологіи, потому что какъ въ массахъ, такъ и въ большинствѣ и въ отдѣльныхъ личностяхъ, господствуетъ правильный соціальный инстинктъ. Все же въ соціальной жизни встрѣчается много излишнихъ отклоненій, и хотя соціальное развитіе подчинено строго

опредѣленнымъ законамъ и въ цѣломъ не можетъ уклониться въ сторону, своихъ цѣлей достигаетъ оно, въ большинствѣ случаевъ, окольными путями, на которые его толкаютъ помѣхи, выставлемыя на его пути „свободною человѣческою дѣятельностью“. Если часто говорятъ, о борьбѣ человѣка съ природою, то это справедливо, только потому что свободная, т. е. рефлексивная человѣческая дѣятельность неправильно понимаетъ закономерный ходъ соціального развитія и вступаетъ съ нимъ въ бесполезную борьбу, при чемъ, конечно, ничего не достигается и бесполезно растрачиваются человѣческія силы (съ которыми природа обходится далеко не экономно).

Соціальное развитіе представляетъ намъ, въ большинствѣ случаевъ, безотрадное зрѣлище бесполезныхъ человѣческихъ дѣйствій, остающихся безплодными, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ порядку природы. Тутъ, можетъ, конечно, возникнуть вопросъ, почему всемогущій естественный законъ допускаетъ такую трату силъ? Но на него мы не находимъ нигдѣ отвѣта. Мы знаемъ только, что таковъ порядокъ природы. Какъ милліоны зародышей бесполезно погибаютъ въ природѣ, такъ же точно милліоны „свободныхъ“ человѣческихъ поступковъ пропадаютъ безслѣдно для соціального развитія, потому что не отвѣчаютъ его направленію, не способствуютъ его ускоренію и бесполезно гибнутъ, раздавленные прогрессомъ, не имѣя силъ его затормозить.

Въ томъ то и заключается великая выгода соціологическаго знанія, что оно уменьшаетъ сумму такихъ бесполезныхъ поступковъ и сопутствующую имъ сумму соціальныхъ неурядицъ—но только въ той мѣрѣ, въ какой знаніе можетъ вліять на наши поступки; потому что, какъ извѣстно, человѣческіе поступки въ самой незначительной степени вытекаютъ изъ разумныхъ соображеній, на которыя только и можетъ имѣть вліяніе знанія. Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія практической политики, выгода соціологическихъ знаній представляется не малоцѣнной.

Къ тому, что сказано выше (параграфы 29—30) объ инстинктивной жизни человѣка, здѣсь можно добавить еще слѣдующее. Отношеніе обдуманыхъ поступковъ къ суммѣ тѣхъ побужденій, которыя не переходятъ черезъ „порогъ сознанія“, составляетъ, безспорно, одну изъ интереснѣйшихъ задачъ психологіи. Выяснить это отношеніе совершенно невозможно для индивидуальной психологіи, безъ помощи соціологіи, потому что рядомъ съ побужденіями, являющимися результатомъ физической природы человѣка и, до нѣкоторой степени, наследственными, значительную роль играютъ побужденія, свойственныя человѣку, какъ члену одной или нѣсколькихъ соціальныхъ группъ. Эти послѣднія являются, такъ сказать, только отношеніемъ естественныхъ стремленій сообществъ; они дѣйствуютъ въ индивидуумѣ, насколько онъ связанъ

соціальними узами съ своею группою. Что эти побужденія остаются несознанными, объясняется, конечно, тѣмъ, что они, въ силу соціального вліянія среды, возникаютъ въ индивидуумѣ въ то время его жизни, когда его сознание еще не дѣятельно, т. е. съ ранняго дѣтства до начала возмужалости.

37. Политика, какъ наука.

Относительно явленій неорганической и органической природы, какъ и относительно физическихъ явленій, вполне справедливо различаютъ научный споръ отъ пустой болтовни. Въ чемъ же заключается разница? Въ томъ, основывается ли сужденіе на точномъ знаніи соответственнаго предмета или нѣтъ. Когда суевѣрный народъ ломаетъ голову надъ тѣмъ, что предвѣщаетъ комета, войну или чуму, то это будутъ пустые пересуды. Чтобы имѣть возможность вести объ этомъ предметѣ научный споръ, необходимы астрономическія знанія, знаніе естества кометъ, ихъ путей и т. д. Разъ произведены необходимыя выкладки, съ математическою точностью можно предсказать будущія появленія кометы.

Прежде чѣмъ дошли до непосредственныхъ причинъ эпидемій, при каждомъ ихъ появленіи строили много неразумныхъ догадокъ объ ихъ причинахъ, чтобы принять противъ нихъ тѣмъ болѣе бесполезныя предохранительныя мѣры. Искали людей, которые должны были отравить колодцы. Теперь, когда сущность болѣзней извѣстна, непосредственныя причины ихъ открыты, извѣстны ихъ источники и способы распространенія, между специалистами возможны научные споры по поводу болѣзней, и можно, ради ихъ предупрежденія и удаленія, предпринимать раціональныя мѣры.

Еще не такъ давно въ Европѣ душевнобольные считались одержимыми бѣсомъ и изъ нихъ изгоняли чорта. Мы знаемъ теперь сущность душевныхъ болѣзней; теперь можно научно говорить о нихъ и за больными возможенъ раціональный уходъ.

Предсказаніе погоды еще недавно принадлежало къ области пустыхъ пересудовъ и, въ лучшемъ случаѣ, опиралось на ошибочныя наблюденія крестьянъ: съ тѣхъ поръ какъ познакомились съ сущностью и свойствами воздушныхъ теченій и причины измѣненій погоды были точно опредѣлены, научно обосновано предсказаніе погоды, по крайней мѣрѣ на ближайшіе дни.

Именно развитіе метеорологіи въ новѣйшее время показываетъ намъ, что новыя науки продолжаютъ зарождаться и цѣлыя сферы явленій, составлявшія раньше предметъ пустыхъ догадокъ, неожиданно выступаютъ на ясный свѣтъ науки. Наивно было бы думать, что кругъ

тѣхъ областей знанія, которыя, мало по малу, изъ сумрака суевѣрій выступали на ясный солнечный свѣтъ науки, замкнуть, и что мы уже всѣ области знанія, или, вѣрнѣе, „сужденія“ освѣтили этимъ прекраснымъ лучомъ. Такое преувеличенное мнѣніе о современномъ человѣческомъ знаніи совершенно противорѣчило бы верховному закону природы, закону развитія; это преувеличенное мнѣніе ставитъ насъ на высшую ступень развитія, высоту которой мы измѣряемъ только пройденнымъ путемъ, не имѣя никакого понятія о предстоящемъ.

Тѣмъ болѣе должны бы мы подумать о дальнѣйшемъ развитіи, охватывающемъ большія области человѣческаго знанія, что, съ одной стороны, рѣзкій контрастъ между научнымъ толкованіемъ однихъ явленій и не-научнымъ другихъ самъ собою бросается въ глаза; съ другой стороны, передъ нашими глазами дѣлаются въ настоящее время разнообразнѣйшія попытки сдѣлать тѣ области явленій, которыя до сихъ поръ составляли предметъ безконечныхъ и безплдныхъ препирательствъ, областью строгаго изслѣдованія. Такую область представляетъ исторія и политика. Что она, въ сравненіи съ другими областями явленій, отстала, въ отношеніи научной основательности и обработки, это ясно всѣмъ.

Изъ разнообразныхъ областей явленій научному наблюденію подверглись прежде всего тѣ, которыя были дальше всего отъ человѣка. Его изслѣдованію подверглось прежде звѣздное небо, и уже послѣ — царство растений; географія болѣе древняя наука, чѣмъ анатомія; гораздо менѣе касающееся насъ происхожденіе земного шара давно сдѣлалось предметомъ научныхъ изслѣдованій, прежде чѣмъ подпали научному изслѣдованію общественныя явленія и народная жизнь. Ньютонъ и Лапласъ предшествовали Контю и Спенсеру.

То, что близко, съ чѣмъ человѣкъ свыкъся въ повседневной жизни, позже всего изслѣдуется научно уже по той причинѣ, что совершенно не обращаетъ на себя вниманія человѣка и кажется ему хорошо извѣстнымъ. Соціальныя явленія повседневной жизни не представляютъ для него ничего удивительнаго; для нихъ онъ имѣетъ достаточныя, разумѣется, суевѣрныя и ошибочныя, но вполне его удовлетворяющія объясненія; для него нѣтъ никакого основанія видѣть ихъ причину въ чемъ-либо другомъ, а не въ произвольныхъ побужденіяхъ людей. Эти соціальныя явленія будничной жизни, въ ихъ хронологической послѣдовательности, образуютъ народную жизнь и исторію; и вполне естественно, что свое пониманіе этихъ явленій человѣкъ переноситъ и въ народную жизнь и исторію и вполне довольствуется этими привычными ему и сдѣтства свойственными его духу объясненіями. Сообразно съ этимъ, законъ для него есть проявленіе законодательной воли князя или дру-

гого властелина; война—результатъ стремленія къ подвигамъ одного или многихъ, которымъ принадлежитъ рѣшающее вліяніе; увеличеніе государства ихъ заслуга, потеря провинціи ихъ вина и т. д.

Между тѣмъ какъ эти историческія соображенія и это пониманіе государственной жизни переносятся обыкновенно на будущее, такъ называемая политика сводится къ формулированію желаній относительно дѣятельности власть имущихъ, и критикѣ ихъ дѣйствій, помощью критерія личной выгоды, большею частью, прикрывающагося интересами общества или всего человѣчества.

Такое отношеніе къ исторіи и политикѣ показываетъ лишь, что эти области явленій далеко не достигли еще нынѣ высоты научнаго знанія, что въ нихъ царитъ еще полумракъ суевѣрія и что онѣ полны самыхъ наивныхъ обмановъ.

Лишь опираясь на соціологію, политика станетъ, какъ мы это увидимъ ниже, позитивною наукою.

Соціальныя предсказанія.

Какъ извѣстно, уже Лапласъ утверждалъ, что, на извѣстной ступени человѣческаго знанія, возможно будетъ научное предвидѣніе и исчисленіе будущихъ событій. Для естествоиспытателя и математика, для которыхъ міръ явленій—просто огромная система законмѣрныхъ движеній атомовъ, само собою понятно, что „геній, который могъ-бы подсчитать въ какой-нибудь опредѣленный моментъ всѣ силы, оживляющія природу“, и подчинить ихъ математическимъ формуламъ, былъ бы также въ состояніи предсказать всѣ событія будущаго. Присоединяясь къ мнѣнію Лапласа, Дю Буа Реймонъ полагаетъ, что такой геній прочелъ-бы въ своихъ уравненіяхъ день, когда греческій крестъ возсіяетъ надъ Софійскою мечетью, или когда Англія сожжетъ послѣдній кусокъ своего каменнаго угля.

Оставимъ безъ отвѣта вопросъ о томъ, удастся или не удастся естествоиспытателямъ и математикамъ свести соціальныя явленія къ движенію атомовъ; гораздо ближе намъ другая задача—свести міръ соціальныхъ явленій къ движеніямъ соціальныхъ группъ, какъ существеннымъ элементамъ этого міра, и на почвѣ этого объясненія построить соціальное предвидѣніе. Конечно, эти соціальныя предсказанія никогда не достигнутъ точности астрономическихъ предсказаній, опредѣляющихъ день, часъ и минуту наступленія астрономическаго явленія, такъ какъ соціологія оперируетъ большими и шаткими агрегатами, почему время соціальныхъ событій не можетъ быть опредѣлено въ этихъ обычныхъ календарныхъ единицахъ. Въ соціальномъ предвидѣніи десятки лѣтъ не имѣютъ значенія,—быть можетъ даже пятидесятилѣтія; эта неопре-

дѣленность времени не подрываетъ цѣнности соціальныхъ предсказаній, такъ какъ въ нихъ больше вниманія обращается на направленіе развитія, чѣмъ на время наступленія какого-нибудь событія. Въ политикѣ первое несомнѣнно имѣетъ больше значенія, чѣмъ послѣднее. Напримѣръ, соціологія не можетъ опредѣлить, въ какой день будетъ уничтоженъ послѣдній невольничій рынокъ въ Африкѣ; но это и безразлично, въ виду опредѣленности, съ какою соціологія, принявъ во вниманіе всѣ опредѣляющіе экономическіе и политическіе факторы, предсказываетъ уничтоженіе работорговли въ Африкѣ, подобно тому, какъ она уже уничтожена въ Европѣ и Америкѣ.

Это соціальное предвидѣніе направленія соціального развитія имѣетъ для человѣка неоцѣнимое нравственное значеніе, обеспечивая прочную опору его нравственному сознанію и ставя въ широкихъ рамкахъ естественно необходимаго идеальныя цѣли его стремленіямъ и дѣятельности.

38. Примѣръ ошибочнаго политическаго предвидѣнія.

Новѣйшая исторія Австро-Венгріи даетъ намъ любопытный примѣръ ошибочнаго соціологическаго пониманія и политическаго предвидѣнія, со стороны господствующей партіи. Государство это состоитъ изъ нѣкотораго числа „земель и королевствъ“, являющихся „историческими и политическими индивидуальностями“, въ силу своего происхожденія путемъ самостоятельнаго и самобытнаго историческаго развитія. Съ 1848 года узкая, во всякомъ случаѣ идеалистическая конституціональная доктрина задалась цѣлью преобразовать Австро-Венгрію въ единое парламентарное и, сверхъ того, нѣмецкое государство. Ничего нельзя во зрѣть противъ этой доктрины какъ доктрины. Съ точки зрѣнія историческаго развитія, вовсе не нелѣпо стремленіе, миновавъ нѣсколько промежуточныхъ фазъ развитія, сдѣлать изъ разноплеменнаго и разноязычнаго государства—государство одноплеменное и одноязычное. Но всякое соціологическое міровоззрѣніе, хотя-бы и примитивное, должно было подсказать, что подобное превращеніе не можетъ быть совершено мановеніемъ руки, не можетъ быть декретировано правительствомъ или избраннымъ съ этой цѣлью парламентомъ. Эту ошибку сдѣлали, однако, въ Австріи великіе государственные люди (Бохъ и Шмерлингъ) и большія политическія партіи (нѣмецко-либеральная). Безконечно много времени и силъ, безчисленные милліоны государственнаго казначейства истрачено на осуществленіе этой неосуществимой доктрины. Лишь послѣ тяжелой борьбы, защищая всѣми силами каждый шагъ побѣдоносно занятой при первомъ натискѣ территоріи, отступила нѣмецко-либеральная партія

изъ занятыхъ уже позицій. Отступленіе началось съ Венгріи. Въ 1861 году Шмерлингу удалось подкрѣпить нѣмецко-либеральную партію въ вѣнскомъ рейхстагѣ нѣмецкими депутатами изъ Трансильваніи, и въ Вѣнѣ жаловались, что мадьяры такъ упрямы, и, несмотря на то, что должны-бы потерять всѣ свои права, продолжаютъ упорствовать и желаютъ оставаться мадьярами; составляя, въ дѣйствительности, въ своей странѣ меньшинство, они должны бы быть довольны, что свобода ихъ обезпечивается благоволеніемъ нѣмецко-либеральной партіи.

Но скоро обстоятельства измѣнились. Дѣйствительныя отношенія восторжествовали. Венгрія осталась Венгріей, созданной всѣмъ историческимъ прошлымъ, и нѣмецко-либеральная партія должна была примириться съ фактомъ. То же самое произошло и въ Галиціи. Императоръ Іосифъ II положилъ твердое основаніе онѣмеченію этой страны и сдѣлалъ многое, необходимое для ея просвѣщенія и образованности. Но невозможно было онѣмечить польскую страну наперекоръ всему ея историческому развитію, и это было не подъ силу ни императору Іосифу, ни нѣмецко-либеральнымъ или реакціоннымъ министерствамъ. И здѣсь пришлось испытать лишь разочарованія; знаніе пришло поздно, безконечно много духовныхъ и матеріальныхъ силъ было растрчено; странѣ было нанесено много матеріальнаго и моральнаго вреда. Нынѣ тѣ же нѣмецкія партіи требуютъ обособленія Галиціи. Въ обоихъ случаяхъ относительно Венгріи и Галиціи виноваты недостатокъ соціологическаго пониманія, приведшій государство къ бесполезнымъ и безплоднымъ усиліямъ. Въ обоихъ случаяхъ соціологическое пониманіе могло-бы подсказать, что вѣковое историческое развитіе не можетъ быть сразу пріостановлено, что исторически выработавшіяся и жизнеспособныя національности не могутъ быть уничтожены декретомъ¹⁾.

Успѣшная политика должна считаться съ исторически сложившимися отношеніями, такъ какъ дѣйствительно лишь то, что выработалось исторически. Продуктъ доктрины, введенный въ жизнь декретомъ, долженъ сперва выдержать борьбу съ дѣйствительностью, и тогда лишь получаетъ существованіе и прочность. Продуктъ теоріи приживается лишь тамъ, гдѣ сумѣетъ приспособиться къ существующимъ отношеніямъ; гдѣ онъ уплатитъ дань всесильному закону приспособленія, господствующему надъ всею природою, слѣдовательно, и надъ соціальнымъ міромъ. Если въ немъ нѣтъ способности приспособленія, онъ будетъ выкинутъ изъ жизни земными силами, управляющими процессомъ соціального развитія. Эта соціологическая истина требуетъ въ Австріи охра-

1) Эти внутреннія австрійскія дѣла въ ихъ историческомъ развитіи и соціологическомъ значеніи подробно описаны мною въ „Oesterreichisches Staatsrecht“, Вѣна, 1891.

ненія и утвержденія самостоятельности и автономіи исторически сложившихся составных частей монархіи и ихъ самобытнаго развитія; каждое ослабленіе и потрясеніе этихъ исторически сложившихся политическихъ индивидуальностей есть вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленіе цѣлаго. Этого никогда не хотѣла признать нѣмецко-либеральная партія въ Австріи; она придерживалась чисто идеалистической политики. Какъ извѣстно, всякій идеализмъ состоитъ въ томъ, что желаютъ перескочить ближайшія, достижимыя ступени развитія, чтобы сразу достигнуть отдаленнаго будущаго, котораго не схватишь рукою. Результатомъ такой политики является горькое разочарованіе и сознаніе, что должно слѣдовать по пути, вытекающему изъ самой сущности отношеній, если только желаешь вообще двигаться впередъ.

Во всякомъ случаѣ, конечныя цѣли идеализма разумны; неразумны лишь средства и пути къ ихъ достиженію. Кто будетъ спорить, что было бы желательно, чтобы всѣ народы Австріи говорили на одномъ языкѣ? Еще лучше было-бы, чтобы всѣ народы, населяющіе землю, дѣлали это! Ошибка идеалистовъ (и воломонистовъ, т.-е. людей, мечтающихъ объ единомъ всемірномъ языкѣ) въ томъ, что они вѣрятъ въ возможность достиженія этой разумной цѣли посредствомъ приказа „быть по сему“. На основаніи хода развитія человѣчества можно сдѣлать выводъ, не противорѣчащій логикѣ, что когда-нибудь мы достигнемъ такого состоянія,—но желать быстрого осуществленія этой идеальной мечты, насилуя законмѣрный и медленный ходъ развитія (потому что природа не только не дѣлаетъ скачковъ, но и никогда не спѣшитъ)—большая ошибка. Народности и племена, подобно всякому существу въ природѣ, существуютъ до тѣхъ поръ, пока не изживутъ всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ. Они хотятъ жить и осуществляютъ это желаніе по мѣрѣ своихъ силъ. Вселенная есть не что иное, какъ игра силъ. Разумная политика покоится на правильной оцѣнкѣ силъ. Лишь жизненность, лишь сила отдѣльныхъ соціальныхъ и національныхъ сообществъ даруетъ имъ право существованія. Сила эта проявляется въ борьбѣ, которая является своего рода судомъ Божіимъ, выясненіемъ правъ существованія. Во всякомъ случаѣ, умная политика требуетъ предварительной оцѣнки силъ и не позволяетъ бросаться, очертя голову, въ борьбу, какъ то постоянно дѣлала нѣмецко-либеральная партія въ Австріи.

Дальнѣйшая ошибка идеализма состоитъ въ крайне одностороннемъ и субъективномъ пониманіи своей рациональной и конечной цѣли. Безъ сомнѣнія, объединеніе культуръ, уничтоженіе разнородныхъ соціальныхъ частей лежитъ, такъ сказать, въ программѣ будущаго природы. Только каждая нація видитъ это будущее сквозь особенные очки. Предположеніе, что общая европейская культура приведетъ когда-либо къ общеевро-

пейскому языку, не противорѣчитъ логикѣ. Возникновеніе все большихъ аггломератовъ, говорящихъ однимъ языкомъ, не противорѣчитъ ходу историческаго развитія. Но, во-первыхъ, цѣли, осуществленіе которыхъ невозможно въ близкомъ будущемъ, можно считать для нашего тысячелѣтія несуществующими, утопичными; во-вторыхъ, еще вопросъ, можетъ ли опредѣленный процессъ націонализированія помочь работѣ будущаго тысячелѣтія или даже просто остаться безвреднымъ. Вѣдь мы не знаемъ, какой языкъ побѣдитъ въ европейскомъ Вавилонѣ. Всѣ эти соціологическія соображенія содержатъ въ себѣ одно наставленіе для политика и государственнаго человѣка: предоставить отдѣльнымъ племенамъ, народностямъ и національностямъ развиваться и изживать свои жизненныя силы; никогда и нигдѣ не вмѣшиваться грубою рукою въ естественный процессъ развитія и предоставить Богу заботу о будущихъ тысячелѣтіяхъ. Вотъ высшая нравственная заповѣдь внутренней политики государства; въ ней, совпадаетъ высшая политическая мораль съ политической мудростью.

Политическія ошибки могутъ происходить изъ двухъ причинъ: во-первыхъ, когда за деревьями не видятъ лѣса, и во-вторыхъ, когда лѣсъ мѣшаетъ разсмотрѣть отдѣльныя деревья, т. е. когда за общимъ ходомъ развитія упускаютъ изъ виду подробности или за подробностями—общій ходъ развитія. Мы иллюстрируемъ это положеніе фактами изъ австрійской дѣйствительности.

Кто постоянно имѣетъ въ виду общій ходъ развитія человѣчества и замѣчаетъ, что его тенденція заключается въ переходѣ отъ разнородной множественности племенъ и языковъ къ однороднымъ и національнымъ аггломератамъ, тотъ легко можетъ отнестись пренебрежительно къ множественности историко-политическихъ индивидуальностей и недостаточно ее оцѣнить, въ предположеніи, что эта множественность разнородныхъ сообществъ не болѣе, какъ переходная ступень къ будущимъ, постоянно большимъ единствамъ; такова была точка зрѣнія Іосифа II и австрійскихъ централистовъ. Всѣ они, за общимъ ходомъ развитія просмотрѣли подробности. Эти послѣднія, несмотря на ихъ кажущуюся несогласимость съ цѣлымъ, на ихъ кажущееся противорѣчіе съ цѣлымъ, такъ же естественны и необходимы, какъ и общій ходъ развитія. Ошибочно думать, что, такъ какъ исторія человѣчества даетъ намъ постоянно все новые примѣры исчезновенія разнороднаго, то и политика имѣетъ право угнетать разнородное и индивидуальное въ пользу общаго хода развитія. И это потому было бы ошибочно, что естественный процессъ развитія представляетъ собою не прямую, а зигзагообразную линію, въ которой отдѣльныя составныя вовсе не должны придерживаться направленія общаго хода развитія и, тѣмъ не

менѣе, составляютъ необходимыя части его. Такъ что, когда австрійскіе централисты, со времени Іосифа II, полагали, что множественность разнородныхъ національностей нераціональна и лучше бы было покончить съ ними и на ихъ мѣсто установить одинъ языкъ и одну національность, то мнѣніе это, повидимому, разумно, такъ какъ не теряетъ изъ виду желательнаго и дѣйствительнаго направленія въ общемъ ходѣ развитія человѣчества. На самомъ же дѣлѣ, это мнѣніе ошибочно, такъ какъ слишкомъ низко цѣнить отдѣльные моменты процесса развитія, не менѣе необходимыя и неизбежныя, безъ которыхъ бы не было общаго развитія. Есть и другая причина ошибочности этого мнѣнія. Если мы даже оставимъ въ сторонѣ то обстоятельство, что указанная выше тенденція процесса развитія распространяется, быть можетъ, на тысячелѣтія и состоитъ изъ отдѣльныхъ моментовъ, длящихся столѣтія, то мы все же ничего не знаемъ объ окраскѣ указаннаго процесса развитія. Должно признать, что если европейская цивилизація будетъ развиваться еще тысячелѣтія, то европейцы, въ концѣ концовъ, будутъ говорить однимъ языкомъ, и многіе изъ современныхъ языковъ будутъ принадлежать къ числу мертвыхъ. Но кто бы могъ теперь сказать, какой именно языкъ окажется общеевропейскимъ; вѣроятно этимъ языкомъ не будетъ ни одинъ изъ современныхъ, а (на зло всѣмъ заботящимся о чистотѣ языковъ) нѣкоторая смѣсь изъ нихъ. Поэтому неосновательно было бы и ничѣмъ не оправдываемо, на основаніи общаго направленія развитія (окраски котораго мы не знаемъ), провозглашеніе какого либо современнаго культурнаго языка господствующимъ, равно какъ и насильственныя дѣйствія противъ всѣхъ остальныхъ. Какъ однимъ изъ правилъ культурной жизни является требованіе щадить всякую жизнь, такъ и въ культурномъ государствѣ никому не можетъ принадлежать право угнетать и искоренять насильственно живыя національности. Это дѣло распространяющагося на тысячелѣтія процесса развитія — процессъ этотъ совершить свое дѣло; кого нужно, оставить существовать, другихъ истребить. Культурное государство должно щадить все живущее и охранять не только его естественное развитіе, но и его законную борьбу за существованіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Къ новѣйшей соціологической литературѣ.

Повидимому, книга, посвященная новымъ доктринамъ, нѣсколько сотъ экземпляровъ которой вращаются въ публикѣ, совершенно безсильна; однако, будьте увѣрены, что въ ней мы видимъ пробившимся наружу извѣстное идейное теченіе, глубоко и широко распространенное, и не сомнѣвайтесь, что книга эта, съ своей стороны, окажетъ очень могущественное вліяніе на общество, ее произведшее.

Espinas, Philosophie experimentale en Italie, стр. 17.

Значеніе соціологическихъ воззрѣній и знаній для всякой политики, какъ внѣшней такъ и внутренней, весьма важно, потому что дѣлаетъ одною изъ главныхъ нуждъ политики здоровое развитіе соціальной жизни.

Мы удовлетворимъ эту потребность, обзрѣвъ въ заключеніе новѣйшую соціологическую литературу. Попутно мы будемъ имѣть случай еще разъ — мимоходомъ обосновать наше воззрѣніе на сущность соціологіи, познакомившись съ отношеніемъ этой новѣйшей соціологической литературы къ изложенной нами формулировкѣ сущности и задачъ соціологіи.

а. Франція.

Французамъ, какъ истиннымъ основателямъ этой отрасли знанія, подобаешь здѣсь первое мѣсто. Въ первомъ ряду мы замѣчаемъ очень плодовитаго соціологическаго писателя Летурно¹⁾. Въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ писатели другихъ націй, можетъ онъ сослаться на очень прогрессивныя научныя убѣжденія „общественнаго мнѣнія“

¹⁾ La Sociologie d'après l'ethnographie, Парижъ 1886; L'évolution politique, 1890; L'évolution juridique, 1891.

Франціи: по словамъ Летурно, оно (по крайней мѣрѣ во Франціи) примирилось съ мыслью, что „жизнь человѣческихъ обществъ, какъ и все остальное, подчинена непреложнымъ законамъ, что дѣлаетъ возможнымъ существованіе науки объ этой жизни“. Если эти слова не оптимистичны нѣсколько, то основная идея Конта пустила во Франціи глубокіе корни. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что, какъ Летурно самъ вполне вѣрно замѣчаетъ, со времени Конта и до—нынѣ мы имѣемъ „слово *соціологія*, и не имѣемъ науки соціологіи“. Кстати сказать, несмотря на свое, достойное удивленія, прилежаніе и усердіе, Летурно нисколько не измѣнилъ этого печальнаго положенія. Сначала онъ далъ намъ „этнографическую соціологію,“ въ которой слово соціологія совершенно излишне, такъ какъ книга заключаетъ лишь то, что до сихъ поръ называлось этнографіей, народовѣдѣніемъ (также антропологіей). Во всякомъ случаѣ достойно уваженія, что Летурно довольствуется предварительнымъ собираніемъ матеріаловъ и заявляетъ, что „при младенческомъ состояніи общественной науки, формулированіе законовъ превышаетъ ея силу“; чего мы, къ сожалѣнію, не находимъ у Летурно, — это яснаго опредѣленія понятія соціологіи, которое онъ въ этомъ первомъ произведеніи цѣликомъ смѣшиваетъ съ антропологіей и этнографіей. Это слѣдуетъ изъ его предисловія, гдѣ онъ утверждаетъ, что „все, прямо или косвенно вліяющее на человѣческую жизнь, имѣетъ соціологическое значеніе,“ и точно опредѣляетъ содержаніе своего сочиненія, какъ заключающаго „описаніе главнѣйшихъ проявленій человѣческой дѣятельности, какъ они проявлялись одна за другою у различныхъ расъ.“ Все, имѣющее значеніе для соціолога, никоимъ образомъ не можетъ быть „соціологіей“.

Летурно начинаетъ перечисленіемъ человѣческихъ расъ и изображеніемъ ихъ географическаго распространенія на землѣ, и въ пяти книгахъ даетъ намъ описаніе питанія человѣчества, его ощущеній, чувствованій, его соціальной и интеллектуальной жизни. Въ каждой отдельной книгѣ собраны вмѣстѣ данныя народовѣдѣнія, касающіяся соответственной области жизни человѣка. Въ первой книгѣ мы узнаемъ, чѣмъ питаются народы Меланезіи, Полинезій, Америки, Азій, Африки и Европы, и что они курятъ; во второй книгѣ находимъ, большею частію, извѣстные рассказы объ семейныхъ отношеніяхъ первобытныхъ народовъ; въ третьей — объ ихъ, развивающихся изъ чувствованій, нравахъ и обычаяхъ (людоѣдство, погребальныя обряды, вѣра въ боговъ и т. д.); въ четвертой — о бракѣ, семьѣ, собственности, организаціи общества; наконецъ, въ пятой — о промышленности и наукахъ. Матеріаль, собранный воедино Летурно, драгоцѣненъ; но совершенно непонятно, на какихъ основаніяхъ онъ пользуется имъ въ соціологическихъ цѣляхъ, въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Высшее обобщеніе, дѣлаемое Летурно, почти совпадаетъ съ воззрѣніями нѣмецкихъ историковъ культуры со временъ Клемма, именно: прогрессивное развитіе въ человѣчествѣ наукъ и искусствъ, открытій и изобрѣтеній, правовыхъ и нравственныхъ принциповъ,—идея, легко подтверждающаяся дѣйствительностью, если наблюдать послѣднюю произвольно и отрывочно, безъ отношенія къ мѣсту и времени.

Работу эту Летурно продолжаетъ въ слѣдующихъ трехъ сочиненіяхъ, въ которыхъ рисуется эволюцію отдѣльныхъ соціально-психическихъ явленій, именно нравственности, политики и права. Быть можетъ, лучше было бы эволюцію этихъ трехъ сторонъ общественной жизни рассматривать вмѣстѣ, въ ихъ совокупности; Летурно избавился бы тогда отъ многихъ повтореній. Авторъ не идетъ въ нихъ далѣе обобщенія, хорошо извѣстнаго намъ изъ его „Соціологіи по даннымъ этнографіи“ (Парижъ, 1886 г.). Самъ онъ такъ выражаетъ свою никоимъ образомъ не новую идею: „...этнографія и исторія учатъ насъ, что человѣческія общества развиваются, проходя цѣлый рядъ ступеней, при чемъ этика развивается такъ же, какъ общественныя формы, необходимо приспособляясь къ потребностямъ“¹⁾.

Для иллюстраціи „торговой или промышленной нравственности“ служитъ политико-экономъ Жанъ Батистъ Сэй, которому Летурно не можетъ простить замѣчанія, что „общество, строго говоря, не обязано заботиться о средствахъ существованія своихъ сочленовъ“ (стр. 399). Это нравственное воззрѣніе Сэя, полагаетъ Летурно, принадлежитъ морали современнаго промышленнаго міра, забывающаго, что подъ экономическими понятіями труда, капитала и пр. скрываются люди. Такимъ путемъ „эволюція морали“ доходитъ до формулированія требованій соціализма. Летурно находитъ у религіи одну заслугу—распространеніе нравственныхъ идей; противъ различныхъ боговъ у него оказывается въ запасѣ много обвиненій; они требуютъ отъ человѣка слишкомъ много и даютъ ему слишкомъ мало; они слишкомъ деспотичны; болѣе всего ему нравятся боги Эпикура, какъ ихъ описываетъ Лукрецій, лакомящіеся своей амбросіей и оставляющіе людей въ покоѣ.

Метафизика — лишь „смягченная религія“. Летурно изображаетъ измѣненія метафизической морали, начиная съ доисторическихъ временъ, описывая всѣ фазы развитія различныхъ древнегреческихъ системъ—(Платонъ, Аристотель, стоики) до Канта и новѣйшей філософіи включительно, и кончаетъ указаніемъ на „научную“ мораль и „прогрессъ человѣчества“, создающій „новую вѣру“ и „съ избыткомъ вознаграж-

¹⁾ L'évolution de la morale (1887), стр. VIII.

дающій насъ за исчезнувшій рай и доставляющій намъ радость среди тяжелыхъ испытаній“¹⁾). Это ли наука социологія? По крайней мѣрѣ, это не новая наука. Соціалистическая литература повторяла все это уже тысячу разъ.

При всемъ томъ Летурно пытается, въ разрѣзъ съ попытками социологовъ-интуитивистовъ, смѣло формулирующихъ чисто апріорные законы, дать своимъ обобщеніямъ, по меньшей мѣрѣ, „достаточно прочное, дѣйствительное основаніе“ и „сдѣлать возможною, посредствомъ этнографическаго метода общественную науку“. Поддерживаемый этой вѣрою, продолжаетъ свой трудъ и даетъ намъ въ „Эволюціи политики“ исторію развитія общественныхъ организацій. „Въ социологіи, полагаетъ онъ, закончилась уже эра пустыхъ спекулятивныхъ разсужденій; теперь социальная эволюція изслѣдуется такъ же, какъ и всякая другая, и является частью естественной исторіи“²⁾). Естественною исторіею начинаетъ онъ свое изложеніе, описывая послѣдовательно общественную организацію птицъ, млекопитающихъ, муравьевъ и пчель, далѣе дикихъ племенъ, наконецъ, историческихъ племенъ и народностей. Эволюція, или, собственно, прогрессъ, въ этой области идетъ, къ сожалѣнію, крайне медленно, такъ жалуется Летурно въ заключеніи своего изслѣдованія. „Народности бѣлой расы стараго континента въ общемъ еще очень мало подвинулись впередъ въ политическомъ отношеніи“ (стр. 547). „Утопія“, идеальный государственный строй будущаго можетъ быть осуществленъ, если только „человѣчество не убьетъ себя излишкомъ военныхъ и промышленныхъ жертвъ“ (стр. 546). Современные милитаризмъ и промышленный строй отдаляютъ осуществленіе этого государственнаго строя, дѣлаютъ его осуществимымъ лишь въ далекомъ будущемъ, и „современные вожди вѣроятно не увидятъ обѣтованной земли; они работаютъ и думаютъ для своихъ политиковъ; но они не должны изъ-за этого терять мужества, нельзя быть одновременно и реформаторомъ и эгоистомъ.“ Такъ заключаетъ Летурно свою „Эволюцію политики“, чтобы вскорѣ опять вернуться къ этому ряду мыслей въ „Эволюціи права въ различныхъ человѣческихъ расахъ“ (1891).

Въ противоположность метафизикѣ, рассматривающей право, съ точки зрѣнія „прирожденной человѣческому духу правовой идеи“, эволюционизмъ видитъ возникновеніе права въ простѣйшихъ рефлексивныхъ дѣйствіяхъ животныхъ, вызванныхъ необходимостью самозащиты (стр. VI). Этотъ инстинктъ самозащиты превращается потомъ въ мстительность, узаконяемую, наконецъ, кланомъ и руководимую правящими въ

1) Тамъ же, стр. 464.

2) L'évolution politique (1890), стр. 2.

интересахъ общества. „Эту картину эволюціи права, говоритъ Летурно пытался я обрисовать въ своей работѣ, ради чего собралъ наблюденія, касающіяся всего человѣческаго рода, и заставилъ говорить факты“.

„Чтобы понять новѣйшія фазы цивилизаціи, нужно ихъ связать съ наиболѣе отдаленными и древними; исторія отжила свое время“ (стр. VIII).

„Теперь наступаетъ эра соціологіи“ (стр. VIII). Предлагаетъ ли намъ Летурно въ этой „эръ соціологіи“ какое-либо новое ученіе о развитіи права? Во всей книгѣ мы не находимъ ничего, что не было бы сказано ранѣе въ различныхъ исторіяхъ права. Летурно постоянно повторяетъ, что нѣкогда „то, что мы называемъ справедливостью, было чуждо человѣчеству; вначалѣ была лишь потребность мести; далѣе ее подчинили опредѣленнымъ правиламъ; она приняла форму возмездія и денежнаго вознагражденія; впоследствии вѣра стала собираться правителями, и т. д., и т. д.“ (стр. 501). Гдѣ же тутъ новыя точки зрѣнія? при чемъ тутъ соціологія? Развѣ не было высказано все вышеприведенное исторіей культуры, антропологіей и философіей права?

Конечно, Летурно усердный изслѣдователь, но его эволюціонизмъ — не соціологія, это лишь исторія развитія моральныхъ и политическихъ институтовъ и идей, въ основу которой положена, во всякомъ случаѣ, *априорная* идея прогресса и вѣра что это прогрессивное развитіе... Все это прекрасно, но здѣсь нѣтъ ни науки, ни соціологіи.

У Летурно, по крайней мѣрѣ, знаешь, что онъ понимаетъ подъ соціологіей; съ нимъ можно не соглашаться, но не понять его нельзя. У Комбъ де Лестрада, напротивъ, трудно составить себѣ представленіе, что онъ разумѣетъ подъ соціологіей. Напоминающее Шеффле опредѣленіе, что соціологія есть „анатомія общественнаго тѣла“, ничего не говоритъ, потому что говоритъ слишкомъ много; притомъ, это лишь сравненіе, но не опредѣленіе понятія. Нѣсколько далѣе, во введеніи въ свои „*Elements de Sociologie*“ прибавляетъ онъ впрочемъ, что соціологія — не принадлежитъ къ числу точныхъ наукъ и не имѣетъ по этому опредѣленныхъ границъ. Этого не слѣдовало бы утверждать объ „анатомической“ наукѣ. Неясность понятія соціологіи отражается на содержаніи книги. Авторъ увлекается въ ней глубокомысленными, хотя нѣсколько сантиментальными размышленіями о происхожденіи общества, опредѣляемомъ имъ крайне просто, какъ „единеніе людей съ себѣ подобными“, при чемъ изъ того обстоятельства, что человѣкъ не можетъ жить внѣ общества, опредѣляетъ цѣль послѣдняго — обезпеченіе безопасности своихъ членовъ! Далѣе подобнымъ же манеромъ трактуется объ семьѣ, свободѣ, нравственности, отечествѣ, управленіи, религіи,

соціальному инстинкту, собственности, прирожденныхъ идеяхъ (храбрости, цѣломудрія и пр.), наконецъ, о народномъ хозяйствѣ. Гдѣ скрывается во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ наука соціологія, о которой говорится, конечно, на каждой страницѣ—опредѣлить крайне трудно.

Напротивъ, у де-Роберти въ его новомъ сочиненіи о древней и новой философіи вполне ясно, что разумѣетъ онъ подъ соціологіей; но съ его воззрѣніями мы опять таки согласиться не можемъ. Онъ полагаетъ, что въ область соціологіи должны быть включены „всѣ продукты человѣческой культуры“; такимъ образомъ, каждая исторія наукъ, искусствъ, ремеслъ и т. под.—все это части соціологіи, совпадающей, слѣдовательно, по мнѣнію де-Роберти, съ нѣмецкимъ понятіемъ исторіи культуры¹⁾. Къ чему же тогда построение отдѣльной науки соціологіи.

На этотъ вопросъ не даетъ намъ также удовлетворительнаго отвѣта Дюркгеймъ²⁾, хотя и правильно устанавливаетъ необходимую исходную точку соціологіи. „Экономисты первые поняли, что соціальные законы отличаются тѣю необходимостью и дѣйствительностью, какъ и естественные законы... Распространимъ это положеніе на всѣ соціальныя явленія, и основаніе соціологіи будетъ положено“. Если противъ существованія такихъ соціальныхъ законовъ возражаютъ историки, то ихъ легко опровергнуть, по мнѣнію Дюркгейма, простою ссылкой на то, что „эти законы находятъ“. Если же этихъ законовъ до сихъ поръ не нашли, то все же, полагаетъ Дюркгеймъ, „законная индукція даетъ намъ право утверждать, что такіе законы существуютъ“. „Если въ наше время существуетъ какое-либо положеніе выше всѣхъ сомнѣній, то это—утвержденіе, что все въ природѣ, начиная съ минераловъ и кончая человѣкомъ, подчинено необходимымъ законамъ... эта истина подтверждается опытомъ, такъ какъ эти законы или найдены, или мы ихъ находимъ. На почвѣ уже открытыхъ законовъ построены отдѣльныя естественныя науки: физика и химія, біологія и психологія. Если общества существуютъ въ природѣ, то и они должны подчиняться этому всеобщему закону. Во всякомъ случаѣ, соціальныя явленія гораздо сложнѣе явленій психическихъ, но эти послѣднія опять таки гораздо сложнѣе явленій физическихъ, химическихъ и т. д., и однакожь никто нынѣ не поставитъ духовной жизни внѣ природы и науки. Если явленія просты, легко и ихъ объясненіе; но это различіе лишь по степени, различіе средствъ и способовъ“.

1) E. de Roberty: L'ancienne et la nouvelle Philosophie, Парижъ 1887. Воззрѣніе де-Роберти на сущность соціологіи ясно изъ слѣдующихъ замѣчаній: „...съ исторической точки зрѣнія, философія—продуктъ человѣческой культуры, слѣдовательно, одинъ изъ сложныхъ предметовъ отдѣльной науки соціологіи“. „Наше время... создало новую специальную науку, соціологію, и къ этой наукѣ относится изученіе исторіи судебъ философіи.“

2) Emile Durkheim: Cours de science sociale. Leçon d'ouverture d'un cours de science sociale à la Faculté des lettres de Bordeaux. Парижъ 1888.

Объ этихъ средствахъ и путяхъ Дюркгеймъ не даетъ намъ, конечно, никакихъ дальнѣйшихъ объясненій; онъ довольствуется признаніемъ соціологіи наукою, отыскивающею „соціальные законы“, управляющіе „соціальными явленіями“. Далѣе Дюркгеймъ не идетъ; онъ ни разу не даетъ себѣ яснаго отчета, что должно понимать подъ „соціальными явленіями“, потому что, если онъ разумѣетъ подъ ними, какъ кажется, соціально-психическія явленія, какъ то: право, нравственность, искусство и т. д., то непонятно, какая роль выпадаетъ на долю соціологіи рядомъ съ спеціальными отраслями знанія, вѣдающими эти явленія? Вообще Дюркгеймъ не пошелъ далѣе идеи Конта, что „общественная жизнь подчинена строгимъ законамъ и что возможна наука соціологія, вѣдающая эти законы.“ Онъ не опредѣляетъ точно понятія общества, не говоритъ, какія соціальныя категоріи „соціальныхъ явленій“ должны составить предметъ соціологіи, послѣ отнесенія права, нравственности, религіи и т. п. „соціальныхъ явленій“ въ область вѣдѣнія спеціальныхъ наукъ. Дюркгеймъ хорошій мыслитель, не допускающій путаницы понятій, онъ вполне вѣрно чувствуетъ, чѣмъ должна быть соціологія; но онъ не нашелъ ни ея спеціальной, ей одной принадлежащей области, ни признака, обособляющаго ее отъ всѣхъ остальныхъ „соціальныхъ наукъ.“

в. Б е л ь г і я.

Къ французской литературѣ непосредственно примыкаетъ, по различнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ причинамъ, литература бельгійская. Никакая другая европейская страна не находится подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей, и нечего удивляться тому, что наиболѣе выдающійся соціологъ Бельгіи, де-Гревъ, начинаетъ свою работу начертанія плана новой науки съ той именно точки, до которой довелъ эту задачу Контъ¹⁾. И Гревъ также не хочетъ возводить зданія соціологіи: онъ даетъ лишь ея планъ и указываетъ методъ, какимъ можетъ быть построена эта наука другими. Эта предварительная работа Грева заслуживаетъ полнаго уваженія; его критика Конта очень мѣтка. Тѣмъ не менѣе то, что предлагаетъ намъ Гревъ подъ именемъ соціологіи, никоимъ образомъ не можетъ быть первою самостоятельною наукою, а гораздо скорѣе синтезомъ всѣхъ существующихъ соціальныхъ наукъ; если Гревъ, или кто-либо другой, по его плану, предприметъ построеніе науки соціологіи, то мы получимъ, попросту, общую систему

¹⁾ L'introduction à la Sociologie, томъ II, стр. 32. „Предлагаемое введеніе, посвященное исключительно вопросу о методѣ въ соціологіи, не претендуетъ быть изложеніемъ соціальной науки; цѣлью его является изслѣдованіе приемовъ и пути, посредствомъ которыхъ соціологія можетъ быть поднята на высоту прочихъ позитивныхъ наукъ; возведеніе самаго зданія—работа будущихъ изслѣдователей.“

всѣхъ существующихъ нравственно-политическихъ наукъ — а никакъ не новую самостоятельную науку объ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, Гревъ вѣрно сформулировалъ самую задачу, съ которой приходится имѣть дѣло при выработкѣ плана соціологіи, но насъ не можетъ удовлетворить предлагаемое имъ рѣшеніе.

„Существуетъ ли, спрашиваетъ онъ, въ мірѣ явленій надъ-органической аггрегатъ, структура котораго, его функція и органы не могутъ быть объяснены средствами всѣхъ предшествующихъ наукъ? Если бы соціальныя явленія могли быть объяснены посредствомъ біологіи и психологіи, соціологія была бы излишня.“ Гревъ постоянно возвращается къ этой аргументаціи, указывая предполагаемой въ будущемъ соціологіи задачи, разрѣшить которыя не въ силахъ біологія и психологія. Но Гревъ забываетъ, что, помимо біологіи и психологіи, существуетъ еще очень значительное число такъ называемыхъ нравственно-политическихъ наукъ, занимающихся его „соціальными явленіями,“ къ которымъ онъ, не безъ основанія, относитъ политическую экономію, политику, право, нравственность и т. д. Поэтому его аргументація не полна, не достаточна; если бы она была основательна, она началась бы вопросомъ: существуютъ ли соціальныя явленія, не объяснимыя ни біологіей, ни психологіей, ни всѣми существующими нравственно-политическими науками? Если бы онъ поставилъ свой вышеприведенный вопросъ въ такой полной формѣ, онъ долженъ бы былъ признать соціологію, какъ онъ ее понимаетъ, излишнею. Лишь неполнота его вопроса привела его къ установленію понятія соціологіи, содержаніе котораго, не выходя почти изъ предѣловъ существующихъ нравственно-политическихъ наукъ, не дастъ основаній для существованія новой науки.

То обстоятельство, что Гревъ, подобно Шеффле и Лиліенфельду и слѣдуя примѣру Спенсера, признаетъ существованіе надъ-органическаго существа, что онъ называетъ общество надъ-организмомъ, можетъ быть лишь мнимымъ основаніемъ для созданія новой науки объ обществѣ.

Но „словами можно также успѣшно сражаться, какъ и создавать системы;“ схема Грева такъ хорошо выглядитъ:

Неорганической міръ: физика.

Органической: біологія.

Надъ-органической: соціологія.

Къ сожалѣнію — надъ-организмъ лишь слово, въ которое отсутствующій смыслъ не можетъ быть вложенъ ни авторитетомъ Спенсера и Грева, ни ученостью и умомъ Шеффле и Лиліенфельда. Пусть они

продолжаютъ писать такія же умныя и ученныя книги: для нормальнаго человѣческаго ума понятіе надъ-организма непонятно.

Роковыя послѣдствія основанія науки на такомъ непонятномъ понятіи для Грева тѣ же, что и для Шеффле и Лиліенфельда: онъ также принужденъ, начавъ съ фѣкціи, прибѣгать къ метафорамъ и сравненіямъ; признавъ надъ-организмъ предметомъ соціологіи, онъ неизбежно скользитъ по покатоѣ плоскости иносказательнаго въ пропасть бессмысленнаго, гдѣ мы встрѣчаемъ давно знакомыя соціальныя клѣтки, ткани, мускулы и т. д.¹⁾ опасность этихъ, повидимому, невинныхъ, пустыхъ фразъ въ томъ, что онѣ становятся общеупотребительной сказкой, въ которую постепенно начинаютъ вѣрить, по крайней мѣрѣ, передающіе ее, и что съ ея помощью все окажется, повидимому, объясненнымъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, все будетъ затемнено. Такъ, напр., Гревъ опредѣляетъ государство, какъ „стройное цѣлое, состоящее изъ органовъ и системъ органовъ экономическихъ, семейныхъ, художественныхъ, научныхъ, моральныхъ, правовыхъ и политическихъ, дѣятельность которыхъ, въ пространствѣ и времени, образуетъ жизнь соціальнаго надъ-организма.“

Что объясняетъ намъ опредѣленіе, состоящее изъ метафоръ (органы и системы органовъ) и невозможныхъ представленій (надъ-организмъ)? Вѣдь такъ мы окольными путями, черезъ посредство соціологіи, опять достигнемъ „органическаго ученія о государствѣ.“

Мы крайне сожалѣемъ, что вынуждены и у Грева, какъ у Шеффле и Лиліенфельда, отмѣтить этотъ промахъ, потому что въ остальномъ мы откровенно признаемъ множество плодотворныхъ и оригинальныхъ мыслей, имѣющихся у Грева въ такомъ же количествѣ, какъ и у Шеффле и Лиліенфельда. Трудъ Грева также много послужитъ для подготовки построенія самостоятельной науки соціологіи; его значеніе будетъ не ничтожно.

с. И т а л і я.

Въ Италіи соціологія занимается отчасти подражаніемъ апологіямъ Шеффле, отчасти попытками примѣнить теоріи Дарвина къ соціальному развитію. Представителемъ этого теченія является Вадала-Панале²⁾,

1) Подобно Лиліенфельду (Ср. Grundriss der Sociologie, стр. 16), Гревъ защищается отъ обвиненія въ употребленіи выраженія „организмъ“ въ переносномъ смыслѣ. Онъ говоритъ дословно слѣдующее: „ошибочно было бы думать, что лишь живыя существа-индивиды, что лишь въ переносномъ смыслѣ мы находимъ у совокупности индивидовъ тѣло, члены, органы.... Семья, банки, заводы, рынки, искусство, религія, суды, парламенты и т. д.—такіе же организмы, какъ и индивиды“ (томъ II. стр. 10). Намъ нечего противъ такихъ сумасбродствъ повторять сказанное уже въ нашей соціологіи противъ воззрѣній Шеффле и Лиліенфельда.

2) *Darvinismo naturale e Darvinismo sociale*. Туринъ 1882.

Характерно для всего этого направленія смѣшеніе соціального вопроса съ соціологіей. Произведенія этихъ писателей, между которыми выдающееся мѣсто занимаетъ Колайяни ¹⁾, ограничиваются вопросами соціальной политики съ ссылкой на дарвинизмъ. Если дарвиновская борьба за существованіе—высшій законъ развитія человѣчества, то имѣютъ ли основаніе жалобы социализма?—Вотъ какова, приблизительно, тема этихъ писателей.

Такія мѣста встрѣчаются даже въ заслуживающихъ вниманія произведеніяхъ Сицилиани и Ваккаро ²⁾. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ встрѣчается одна общая ошибка. Они ищутъ осуществленія дарвиновскаго закона въ неподходящей области личныхъ сношеній; тогда какъ законъ этотъ, въ соціальномъ смыслѣ, осуществляется лишь въ области сношеній соціальныхъ группъ. Законъ борьбы за существованіе не можетъ претендовать на дѣйствіе въ области личныхъ отношеній, не говоря уже о всѣхъ слѣдствіяхъ этого закона. Просто неправда, что каждая личность самостоятельно ведетъ борьбу за существованіе; существуютъ личности, стоящія внѣ этого закона, отказывающіяся отъ борьбы за существованіе. Еще менѣе вѣрно, что въ этихъ личныхъ сношеніяхъ реализуется законъ Дарвина; тогда какъ въ области соціальныхъ, между—групповыхъ (со включеніемъ государствъ) сношеній онъ оправдывается во всемъ своемъ объемѣ, и со всѣми слѣдствіями.

Также то обстоятельство, что въ этихъ „соціологическихъ“ изслѣдованіяхъ постоянно трактуется объ соціальномъ вопросѣ, указываетъ на неясное пониманіе сущности и задачъ соціологіи. Конечно, какъ наука, соціологія можетъ привести къ пониманію соціального вопроса. Когда она достигнетъ надежныхъ результатовъ, она можетъ дать различнымъ партіямъ, прикосновеннымъ къ соціальному вопросу, намеки и указанія относительно ихъ отношеній къ этому вопросу. Но уже теперь дѣлать изъ соціологіи соціальную политику, пытаться рѣшить съ ея помощью соціальный вопросъ,—это явно преждевременное начинаніе, напоминающее приемы старинной медицины, пытавшейся лѣчить болѣзни, не зная ихъ сущности. Нынѣ, напротивъ, соціологія усваиваетъ точку зрѣнія новѣйшей медицины, стремленія которой направлены прежде всего на ознакомленіе съ сущностью болѣзни, чтобы, уже на почвѣ этого знанія, приступить къ вопросу: излѣчима ли она и въ какой степени.

Эта путаница и ложное направленіе соціологическихъ изслѣдованій

¹⁾ Napoleone Colajani. Socialismo e sociologia criminale, I. Il Socialismo. Катанія 1884.

²⁾ Pietro Siciliani. Socialismo, Darwinismo e Sociologia moderna Болонія, 1885. Angelo Vaccaro: La lotta per l'esistenza e i suoi effetti nell'umanità. Римъ 1886; ср. мой отчетъ о послѣдней въ Deutsche Literaturzeitung 1887. № 1.

дали поводъ Исидіо Ванни подвергнуть сущность и задачи соціологіи дѣльной, очень основательной и остроумной критикѣ¹⁾.

Ванни пересматриваетъ всѣ данныя соціологами опредѣленія понятія „соціологія“ и изслѣдуетъ ихъ основательность. Въ результатѣ ни одно не удовлетворяетъ его. По его мнѣнію, соціологія не исторія философіи и не объясненіе надъ-органической эволюціи; не наука о соціальныхъ группахъ и группированіяхъ, и не описательная антропологически-этнографическая наука; она не „анатомія, фізіологія и психологія соціальнаго тѣла“ и не коллективная психологія; она не соціальная физика съ статистическимъ методомъ и не соціальная философія, пользующаяся изслѣдованіями нравственно-политическихъ наукъ; она не философія права и, наконецъ, не наука о соціальныхъ явленіяхъ²⁾. Что-же она такое по мнѣнію Ванни?

Взглядъ его изложенъ въ крайне общихъ выраженіяхъ. Соціологія должна быть „синтезомъ“ всѣхъ соціальныхъ наукъ (стр. 28) и вмѣстѣ съ тѣмъ — „введеніемъ и пропедевтикой“ къ этимъ наукамъ (стр. 29); она должна быть „синтетическою наукою объ обществѣ“ (стр. 33) относящейся къ отдѣльнымъ соціальнымъ наукамъ также, какъ біологія относится къ отдѣльнымъ наукамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ спеціальныя органическія явленія (стр. 34). И такъ какъ она ставитъ себѣ цѣлью объединеніе самыхъ общихъ результатовъ спеціальныхъ общественныхъ наукъ (политической экономіи, политики, юриспруденціи, этики и т. д.), то ее можно разсматривать также, какъ философію этихъ наукъ (стр. 35). Отъ біологіи и психологіи она отличается тѣмъ, что тѣ занимаются индивидуальною жизнью человѣка, соціологія — его общественною жизнью (стр. 53); отъ исторіи культуры, которая всегда остается „аналитическою“ наукою, задача которой — собраніе матеріала и его предварительная обработка, соціологія отличается своимъ синтетическимъ и философскимъ характеромъ, тѣмъ, что она — „истинная философія соціальныхъ явленій“ (стр. 74 и 88). Отличительная черта „соціальнаго явленія“, „соціальнаго дѣйствія“ не происхожденіе его отъ столкновенія нѣсколькихъ группъ, какъ это утверждаетъ, но не доказываетъ Гумпловичъ, а его „историчность“³⁾.

Въ соціальномъ развитіи, по мнѣнію Ванни, все исторично, начиная съ импульсовъ и факторовъ и кончая условіями и результатами его

1) Isidoro Vanni: Prime linee di un programma critico di Sociologia. Перуджія. 1888.

2) Это послѣднее отрицаніе Ванни непосредственно направлено противъ предложеннаго мною въ „Grundriss der Sociologie“ объясненія соціальныхъ явленій, какъ отношеній, возникающихъ въ силу совместнаго взаимодействія человѣческихъ группъ и сообществъ; сравни Ванни стр. 20 и 99.

3) „Характерная черта соціальнаго явленія заключается именно въ историчности соціальной эволюціи; эта черта строго опредѣляетъ границу соціологіи“.

исторична и идеальность, влекущая къ развитію все высшихъ формъ. „Задача соціологіи и исключительно ея задача — отысканіе закона этихъ измѣненій, ознакомленіе, съ, свойственною этому процессу соціальнаго развитія, историчностью“

Ванни полагаетъ, что всѣмъ вышесказаннымъ онъ достаточно опредѣлилъ искомыя границы „синтетической науки о соціальной эволюціи человѣчества“ (стр. 137), не переступая границъ біологіи, психологіи или антропологіи. Конечно, съ этимъ мы вполне согласны. Какъ относится однако эта его соціологія къ разработанной въ Германіи „исторіи культуры“? Развѣ не походитъ его опредѣленіе соціологіи, во всѣхъ подробностяхъ, на исторію культуры, которая также хочетъ быть „синтетическою наукою соціальнаго (т.-е. культурнаго) развитія человѣчества“? Ванни не забрелъ въ области біологіи, психологіи и антропологіи, — но не забрелъ ли онъ въ область исторіи культуры? Конечно, итальянцу нѣтъ причинъ стыдиться этого промаха: „исторія цивилизаціи“ не имѣетъ въ Италіи самостоятельнаго существованія, и онъ можетъ ее игнорировать; не таково положеніе въ Германіи и Англии. Здѣсь не удовлетворительно его опредѣленіе; здѣсь или долженъ быть указанъ для соціологіи спеціальнѣй предметъ, ясно очерченная самостоятельная задача, или она теряетъ право существованія рядомъ съ исторіей культуры; итальянская „соціологія“, какъ ее описываетъ Ванни, была-бы лишь инымъ названіемъ исторіи культуры.

d) Германія и Австрія.

Если въ Германіи, послѣ попытокъ Шеффле и Лиліенфельда представить общество организмомъ, повидимому, невозможно отношеніе къ соціологіи, какъ самостоятельной наукѣ, то причина этому въ томъ, что здѣсь настолько обширна область философіи, что едва остается предметъ для соціологическихъ изслѣдованій, не изучаемый нѣмецкой философіей; сверхъ того, исторія культуры, коллективная психологія и этнографія разсматриваютъ въ Германіи также всѣ спеціально соціологическіе вопросы такъ что, по крайней мѣрѣ при поверхностномъ обзорѣ, построеніе особой науки соціологіи должно казаться излишнимъ¹⁾.

Выдающійся представитель новѣйшаго направленія исторіи культуры, Липпертъ, не только называетъ свои работы (о религіи, семьѣ,

¹⁾ Такъ напр. то, что Jodl въ своемъ сочиненіи „Die Kulturgeschichte, ihre Entwicklung und Probleme“ (1878) считаетъ исторію культуры, повидимому заключаетъ въ себѣ всѣ задачи и предметы соціологіи. По его программѣ въ исторію культуры (стр. 115) входятъ какъ „борьба человѣка съ природою“, такъ и „стремленіе къ соціальной и политической организаціи“ и „международныя отношенія“. При такихъ широкихъ рамкахъ исторіи культуры неудивительно, что игнорируется права соціологіи на существованіе.

духовенствѣ) соціологическими, но и настолько расширяетъ рамки своей исторіи культуры, что въ нихъ могла-бы помѣститься вся соціологія цѣликомъ. Такъ какъ, если „все, посредствомъ чего человѣкъ хотя нѣсколько подымается надъ своею природною ограниченностью, составляетъ часть культуры“, то также всѣ соціальныя образованія и организаціи составляютъ часть исторіи культуры. Въ дѣйствительности Липпертъ разсматриваетъ, въ своей исторіи культуры рядомъ съ предметами, рѣшительно не относящимися къ соціологіи, какъ то развитіе орудій, распространеніе домашнихъ животныхъ, вліяніе употребленія металловъ и т. п., еще значительное число предметовъ, безусловно соціологическихъ, напр. эволюцію семьи, строеніе государствъ, религіозныя учрежденія и т. д.

Тѣмъ не менѣе основная идея исторіи культуры Липперта никоимъ образомъ не является соціологіей въ нашемъ смыслѣ, такъ какъ цѣль его изобразить прогрессивное развитіе всего „человѣческаго“, подъ чѣмъ онъ разумѣетъ все, получающееся въ результатѣ взаимодействія двухъ факторовъ, природы и „человѣчески личнаго“. Липпертъ далекъ отъ признанія въ этомъ процессѣ исключительнаго господства естественнаго закона; въ созданіи культуры онъ отводитъ свое мѣсто личной инициативѣ, умственной дѣятельности индивида.

Это промежуточное положеніе между собственно индивидуалистической точкой зрѣнія историковъ и естественноисторической (или собственно монистической) точкой зрѣнія Бокля сказывается у Липперта уже въ признаніи „заботы о жизни“ „вездѣ царящимъ основнымъ факторомъ исторіи культуры“. Потому что въ этой „заботѣ о жизни“ соединены, такъ сказать, матерія и духъ, необходимость и свобода, или, какъ говоритъ самъ Липпертъ, „въ ней объединяются и разъединяются человѣческое и животное; въ ней замѣтны животный инстинктъ, печать и черта человѣчества“.

Этотъ „основной факторъ“ эта „забота о жизни“ создаетъ всю культуру—а мы знаемъ, что въ область культуры Липпертъ относитъ все „посредствомъ чего человѣкъ хотя нѣсколько подымается надъ своею природною ограниченностью.“ Это *все* Липпертъ привелъ бы въ своей исторіи культуры, если бы его сочиненіе не имѣло опредѣленныхъ границъ¹⁾. Если мы зададимся вопросомъ, съ какою цѣлью приводить все это Липпертъ или долженъ бы былъ привести, то изъ его собствен-

¹⁾ Въ заключительной главѣ второго тома Липпертъ говоритъ: мы не можемъ тутъ задаться цѣлью—познакомить читателя съ исторіей техники, изобрѣтеній и открытій... Это, само собою, относится также къ исторіи наукъ. Но общее содержаніе этой исторіи техники, изобрѣтеній и открытій, принадлежитъ также исторіи культуры, и лишь главные моменты этой исторіи могутъ найти себѣ мѣсто въ сочиненіи ограниченныхъ размѣровъ“. (Kulturgeschichte, II, 631).

ныхъ объясненій мы получимъ лишь два отвѣта. Или для того, чтобы объяснить причинность всѣхъ человѣческихъ явленій, причинную связь всѣхъ человѣческихъ событій, широко понимая этотъ терминъ. Или же — что напоминаетъ намъ основную мысль этнологіи Бастіана — для того, чтобы показать ходъ измѣненій въ воззрѣніяхъ человечества и вытекающія отсюда слѣдствія, познакомить насъ съ „народной логикой,“ или, употребляя выраженіе Бастіана, съ „народною мыслью.“

Что касается причинности, то Липпертъ въ своей исторіи культуры предлагаетъ аналогію „прагматизму“ историческихъ описаній. Какъ прагматическая исторія довольствуется отысканіемъ фантастическихъ причинъ историческихъ событій (она никогда не даетъ намъ доказательствъ правильности сужденій), такъ и Липпертъ ограничивается указаніемъ какой либо причины для каждаго культурнаго явленія. При этомъ онъ можетъ придать этимъ причинамъ лишь большую или меньшую степень вѣроятности; объ научномъ доказательствѣ не можетъ быть и рѣчи. Объясненіе можетъ быть крайне умно и правдоподобно, когда Липпертъ, на манеръ Бастіана, рассматриваетъ явленіе какъ результатъ мнѣнія и извѣстной эволюціи мнѣній; но другой историкъ культуры можетъ тѣ же явленія объяснить какимъ либо инымъ путемъ. Вотъ поэтому то прекрасное, въ научномъ отношеніи, сочиненіе Липперта, все-таки не стоитъ выше прагматическихъ исторій; какъ прагматики, Липпертъ видитъ центръ тяжести своего изложенія въ причинной связи, возстановляемой имъ крайне произвольно, такъ что у насъ постоянно остается возможность не довѣрять предлагаемой причинной связи и отыскивать другую съ тою же долею правдоподобія.

Причины, указываемыя Липпертомъ для отдѣльныхъ явленій, какъ ни остроумны и правдоподобны онѣ постоянно, не имѣютъ большей убѣдительности, чѣмъ указываемыя, напр., прагматическимъ историкомъ, когда тотъ утверждаетъ, что какой либо монархъ вторгся въ предѣлы сосѣднаго государства исключительно слѣдуя совѣту своего министра. Исключаетъ ли подобное объясненіе другія причины, вызвавшія въ дѣйствительности эту войну?— Этотъ вопросъ можно поставить при каждомъ объясненіи „причинной связи“ въ Липпертовой исторіи культуры. Когда, напр., Липпертъ пытается объяснить встрѣчающееся у дикарей дѣтоубійство страхомъ чрезмѣрной плотности населенія, давленіемъ нужды (томъ I, стр. 203), онъ предлагаетъ довольно правдоподобное объясненіе, не исключющее, однако, тысячи другихъ причинъ, быть можетъ болѣе отвѣчающихъ истинѣ. То же самое происходитъ съ тысячами другихъ явленій. Не удивительно, что „такая исторія культуры“ не дастъ научнаго удовлетворенія. Это послѣднее можетъ быть получено

не тогда, когда намъ предлагаютъ такую субъективную и произвольную причинность, но когда мы получили бы возможность подвести цѣлый рядъ причинъ подъ общій законъ. Подобно тому, какъ огромная картина, изображающая битву, написанная съ большимъ талантомъ, но въ которой не замѣтна общая идея, даетъ намъ меньше эстетическаго удовлетворенія, чѣмъ миниатюра съ одною лишь фігурою, полною выразительности, видъ которой вызываетъ размышленія — то же самое имѣетъ мѣсто съ исторіей культуры Липперта. Мы видимъ массу явленій, объяснить которыя со стороны ихъ причинности пытается ученый авторъ съ большою затратою ума; но мы напрасно ищемъ общій законъ, которому бы подчинялся этотъ безконечный рядъ явленій. Что все культурное развитіе возникаетъ изъ одной только заботы о жизни, — это обоснованіе не можетъ насъ удовлетворить. Забота о жизни существуетъ вездѣ, однако культурное развитіе не вездѣ одинаково. Короче, такое обоснованіе никоимъ образомъ не можетъ замѣнить намъ научную закономерность законченной системы соціальныхъ явленій, совершающихся по строгимъ законамъ, допускающимъ извѣстное предвидѣніе. Исторія культуры дѣлаетъ, какъ и философія исторіи (и всемірная исторія) — ту ошибку, что рисуетъ намъ единое, прогрессивное развитіе человечества и не останавливается поэтому передъ наивною указаніемъ опредѣленнаго мѣста и времени начала этого развитія; въ силу этой ошибки она оказывается вынужденною показать и доказать общее происхожденіе человечества, происхожденіе всѣхъ существующихъ расъ изъ одного корня, переселеніе американскихъ народностей изъ Стараго Свѣта въ Новый и все, сюда относящееся. Весь библейскій аппаратъ средствъ защиты этой идеи находимъ мы также у Липперта. Онъ вѣритъ въ „общую родину“ (I, 201), въ „счастливую область перваго расселенія человечества“ (I, 167), въ которой жило родоначальное племя и цвѣтъ кожи котораго, по его предположенію, былъ темный (стр. 169, 170). Что изъ этой первоначально темной расы постепенно дифференцировалась раса бѣлая, это объясняетъ Липпертъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ, при господствовавшемъ въ первобытныя времена дѣтоубійствѣ, „тщеславіе матерей также имѣло значеніе“, благодаря чему дѣти съ оттѣнкомъ бѣлаго цвѣта оставались въ живыхъ (т. I, стр. 206). При этомъ Липпертъ забываетъ, что первобытной черной матери блѣдное дитя должно было менѣ нравиться, и если оттѣнокъ рѣшалъ вопросъ о жизни и смерти ребенка, то бѣлая окраска никогда не могла возникнуть. Такъ какъ черные чувствуютъ къ бѣлымъ лицамъ такое же отвращеніе, какъ и бѣлые къ чернымъ.

Въ тѣ первобытныя времена, относимыя Липпертомъ приблизительно къ 4000 до Р. Х. (?) и „которыя мы не въ одномъ лишь от-

ношеніи можемъ назвать темными“ (т. I, стр. 202), Липпертъ предполагаетъ челоѣка въ его первоначальной родинѣ, въ древнемъ Египтѣ (I, 167). „Здѣсь, въ тишинѣ первобытной родины челоѣчества, медленно, и хотя не безъ побужденій со стороны природы, подготовлялась колыбель цивилизаціи“ (I, 201). Почему же именно „здѣсь“? Почему не могла возникнуть единовременно или быть можетъ даже раньше такая же „колыбель цивилизаціи“ на берегахъ Ванг-го или Янг-тзе-Кіанга, или на островѣ Японіи, какъ и на взморьѣ Средиземнаго моря, на берегахъ Нила? И почему не около Мексиканскаго залива, на берегахъ Миссиссипи, или въ Южной Америкѣ, у истоковъ Амазонки? Развѣ здѣсь не дѣлаеть Липпертъ ошибки, общей всѣмъ европейскимъ „исторіямъ культуры“, въ концѣ концовъ сводящимся на прославленіе европейской культуры и бѣлой расы, и желающимъ для Европы и бѣлой расы въ большомъ видѣ того же, что Библия обѣщаетъ землѣ Ханаанской и избранному народу? Ученость и изобиліе идей исторіи культуры Липперта заслуживаютъ полнаго вниманія и уваженія; но эта вѣчная защита традиціонныхъ, унаслѣдованныхъ и излюбленныхъ идей и предразсудковъ не должна быть дѣломъ науки. Не удивительно, что исторія культуры, несмотря на большіе таланты, ей отдавшіеся, несмотря на ученость, которой отличаются ея представители, не можетъ стать наукой, что въ качествѣ науки, какъ мы видѣли выше, ей приходится бороться съ трудно одолимыми нападками и все еще защищать право своего существованія.

Напротивъ Зиммель въ своемъ сочиненіи „Ueber sociale Differenzierung“ (Лейпцигъ, 1890) далъ, быть можетъ, первую работу въ Германіи, которая вполне правильно носитъ названіе „соціологическаго изслѣдованія“. Въ этомъ сочиненіи Зиммель изслѣдуетъ массовыя дѣйствія соціальныхъ „группъ“ и „сообществъ“ частью на индивидовъ, частью на другія сообщества. Правильно обрисовавъ во введеніи („къ теоріи общественной науки“) соціологію и трудности, преодолѣть которыя предстоитъ ей въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ пытается въ отдѣльныхъ главахъ анализировать явленія, возникающія въ силу массовыхъ дѣйствій соціальныхъ группъ и сообществъ. Между другими соціологическими задачами указываетъ онъ „отношеніе индивида къ обществу, причины и формы образованія группъ, противорѣчія и промежуточныя формы классовъ, — развитіе отношеній между господствующими и управляемыми“ и т. д. Ссылаясь на понятіе общества, онъ дѣлаеть правильное замѣчаніе, что „понятіе общества, очевидно, тогда лишь имѣеть смыслъ, когда противопоставляется простой суммѣ отдѣльныхъ особей“ (стр. 10). Въ главѣ объ „коллективной отвѣтственности“ объясняетъ онъ причины образованія группъ, которыя онъ видитъ въ

„совмѣстныхъ нападеніяхъ и оборонѣ“, вслѣдствіи чего „отдѣльная особь лишь тогда имѣетъ значеніе, когда за него стоитъ соціальная группа“ (стр. 29), что объясняетъ многія историческія явленія, напр., вражду абсолютныхъ правительствъ къ этимъ органическимъ группамъ, и т. д. Вліяніе группы на отдѣльную особь заключается въ томъ, что „особь служитъ интересамъ группы, опредѣляющей форму и содержаніе ея существованія“. „Добровольно или съ принужденіемъ членъ незначительной группы объединяетъ свои интересы съ интересами сообщества, такимъ образомъ не только интересы группы становятся интересами личности, но и интересы личности — интересами группы“ (стр. 26).

Дальнѣйшее слѣдствіе этого то, что „постороннимъ каждый членъ группы кажется лишь частью группы, а не самостоятельною индивидуальностью“, что ведетъ къ коллективной отвѣтственности рода или племени за дѣйствія ихъ членовъ. Лишь когда, со временемъ, возникаетъ „крайне мелкая дифференціація, какъ объективно въ составѣ группы, такъ и субъективно въ умахъ потерпѣвшихъ“, лишь тогда „точно локализируются отвѣтныя чувства и поступки“ (стр. 33). „Въ точкѣ зрѣнія высшей культуры наблюдается однако особаго рода возвратъ къ болѣе раннимъ воззрѣніямъ“. На этой точкѣ зрѣнія „трансцендентальное познаніе невѣдающаго исключеній господства естественной причинности, исключаящей вину въ смыслѣ *liberum arbitrium*¹⁾, суживается до вѣры во всеобщую опредѣляемость соціальными вліяніями“. Старое индивидуалистическое міросозерцаніе уступаетъ свое мѣсто „историко-соціологическому“, видящему въ индивидѣ „лишь обрывокъ соціального цѣлаго“ (стр. 36).

Эта внутренняя общность индивида съ его соціальною группою приводитъ къ тому, что расширеніе послѣдней имѣетъ вполне определенное вліяніе на положеніе перваго. Оно проявляется въ дифференцированіи индивидовъ, т. е. во все большей ихъ индивидуализаціи. Общій соціальный законъ, управляющій развитіемъ этихъ отношеній, формулируетъ Зиммель слѣд. образомъ: „чѣмъ уже группа, тѣмъ меньше въ ней свободы индивиду; а такъ какъ эта группа — нѣчто индивидуальное, то, въ виду ея незначительности, она отдѣлена отъ другихъ рѣзкими границами“ (стр. 49). Цѣлый рядъ соціальныхъ явленій и дѣйствій находитъ себѣ объясненіе въ этомъ законѣ пропорціональности „между развитіемъ индивидуальности и ростомъ группы“ (стр. 57). Одновременно съ расширеніемъ группы и дифференцированіемъ индивидовъ происходятъ опредѣленные измѣненія въ „соціальномъ уровнѣ“, въ которомъ, отчасти, участвуютъ отдѣльныя личности, но надъ кото-

1) Безразличіе свободы воли.

рымъ онѣ могутъ и подняться. Это развитіе соціального уровня и отношенія къ нему отдѣльныхъ личностей является предметомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій Зиммеля.

„Если членъ группы стоитъ очень низко, то область общаго со всею группою у него относительно велика.“ Зиммель правильно считаетъ первобытное состояніе группы такимъ, „при которомъ соціальный уровень былъ крайне низокъ и индивидуальное дифференцированіе незначительно“. Развитіе повышаетъ оба, какъ соціальный уровень (общее содержаніе индивидуальностей), такъ и дифференцированіе. Однако „соціальный уровень, по отношенію къ, все растущему, дифференцированію, становится все ниже и бѣднѣе“, хотя „самъ по себѣ онъ оказывается прогрессивно растущимъ“ (стр. 77).

Отсюда слѣдуетъ одно крайне важное, для практики, правило относительно единства дѣйствій цѣлой группы. Если желательно „достигнуть въ дифференцированной уже массѣ той нивелировки, которая приводитъ къ единству дѣйствій, то это не можетъ произойти такъ, чтобы низшій поднялся до высшаго, стоящій на одной изъ первыхъ ступеней развитія—до личности съ высоко развитой индивидуальностью; произойти это можетъ лишь путемъ снисхожденія высоко развитыхъ до уже пройденныхъ ими ступеней; собственностью низко развитыхъ можетъ быть лишь то, что обще всеѣмъ“ (стр. 79). Этимъ правиломъ, слѣдуя вѣрному соціологическому инстинкту, руководствуются всѣ благодѣтели человечества, желающіе достигъ помощи массъ, ихъ лозунги и программы всегда разчитаны на недостаточное общее духовное достояніе массъ, которымъ эти массы могутъ воодушевиться. Этимъ объясняетъ Зиммель также то обстоятельство, что „соціальная группа“, при достиженіи простыхъ цѣлей, которыя оно себѣ ставитъ, подвержено небольшому числу ошибокъ и нецѣлесообразныхъ дѣйствій¹⁾.

Отдѣльную главу посвящаетъ Зиммель частичному „скрещиванію соціальныхъ группъ“, являющемуся въ силу того, что „прогрессъ развитія имѣетъ цѣлью ассоціаціонныя отношенія однородныхъ составныхъ частей разнородныхъ соціальныхъ группъ“ (стр. 101). Благодаря этому

1) Въ своей соціологіи я формулировалъ эту идею слѣд. образомъ: „личность часто ошибается, общество же идетъ постоянно вѣрнымъ путемъ, такъ какъ оно естественно дѣйствуетъ постоянно въ направленіи наибольшаго напряженія своихъ интересовъ“. Зиммель говоритъ: „обстоятельство это пытались объяснить тѣмъ, что дѣйствія массъ, въ противоположность дѣйствіямъ индивидовъ, опредѣляются законами природы, что массы слѣдуютъ влеченію своихъ интересовъ“. Въ „этомъ объясненіи“, по мнѣнію Зиммеля, „таится нѣсколько теоретическихъ неясностей“, прежде всего ошибочное мнѣніе, „что природа слѣдуетъ по кратчайшему пути достиженія своихъ цѣлей“. Зиммель неправъ, приписывая мнѣ это мнѣніе, съ которымъ я никоимъ образомъ не могу согласиться. Я въ этомъ мѣстѣ просто констатировалъ внѣшнее явленіе, указываемое также Зиммелемъ, и вовсе не вдавался въ объясненія этого явленія, и вполнѣ, впрочемъ, согласенъ съ объясненіемъ Зиммеля (стр. 83—87).

возникаютъ различныя соціальныя группы, именно „новыя составныя соціальныя группы, соединяющія первоначальныя, относительно болѣе естественныя... въ разнообразнѣйшія сочетанія“. „Число различныхъ группъ, въ которыхъ участвуетъ индивидъ, можетъ служить мѣриломъ культуры“ (стр. 102), потому что „развитіе общественнаго духа проявляется въ созданіи большого числа группъ различныхъ внѣшнихъ формъ и организаціи, чтобы каждой сторонѣ существованія разнообразно одаренной личности доставить возможность соединенія и товарищескаго союза“ (стр. 106). Личности попадаютъ подъ власть этихъ группъ, что особенно ясно замѣтно на политической и соціальныхъ партійной организаціи и объясняетъ то явленіе, что „самые нравственные и добросовѣстные люди участвуютъ въ политикѣ, преслѣдующей узкіе партійные интересы, если такую политику признаетъ нужною партія какъ таковая, часто также мало заботящаяся о соображеніяхъ личной морали, какъ и государства въ международныхъ сношеніяхъ“¹⁾ (стр. 121).

Мы внимательнѣе отнеслись къ сочиненію Зиммеля, такъ какъ оно кажется намъ первымъ, какъ мы уже замѣтили, разрабатывающимъ чисто соціологическій вопросъ, и мы сочли вполне удобнымъ воспользоваться имъ, чтобы заглянуть въ область собственно соціологическихъ задачъ. Однако все сказанное Зиммелемъ — собственно, едва составляетъ плохую прелюдію, въ которую вошли лишь немногія ноты великаго концерта, который мы вправѣ ожидать въ будущемъ, когда соціологія подыметъ до безпристрастныхъ и строго научныхъ изслѣдованій. Зиммелю принадлежитъ великая заслуга перваго опыта такого изслѣдованія и обнаруженія всей важности его результатовъ.

е) Америка.

Какъ на показатель высокаго развитія соціологической науки въ Америкѣ, здѣсь можно указать на небольшую статью объ области соціологіи Франклина Г. Гиддингса изъ Bryn Mawr College, въ Филадельфіи²⁾).

Гиддингсъ ставитъ вопросъ, чѣмъ отличается соціологія какъ самостоятельная наука отъ исторіи, „какъ понимается исторія философами исторіи?“ То, что обыкновенно разумѣютъ подъ исторіей, вполне покрываетъ всю область соціальныхъ явленій; какая же область остается соціологіи? Гиддингсъ отвѣчаетъ вполне вѣрно, что соціологіи должно приписывать гораздо болѣе узкій смыслъ, также какъ біологія не заключаетъ

¹⁾ Сравни по этому вопросу изъ моего „Grundriss der Sociologie“, стр. 130 и слѣд. объ „нравственномъ характерѣ соціальной борьбы“.

²⁾ Annals of the Academy of Political and Social Science, 1890.

въ себѣ ботаники, зоологіи, морфологіи, фізіологіи и эмбріологіи, хотя имѣетъ дѣло со всѣми этими областями органической жизни. Аналогично положеніе соціологіи. „Анализъ общихъ признаковъ соціальныхъ явленій и формулированіе общаго закона соціальной эволюціи должны стать предметомъ особаго изученія во всѣхъ областяхъ соціальныхъ наукъ. Именно эту задачу ставятъ себѣ соціологи и результатъ этихъ стремленій можно обозначить лишь словомъ соціологія. Въ этомъ узкомъ смыслѣ соціологія лишь основная соціальная наука, а никакъ не всеобъемлющая, объединяющая результаты всѣхъ остальныхъ, соціальныхъ же наукъ.“ Какъ таковая, соціологія занимается также „человѣческимъ населеніемъ земли“, распадающимся на „этническія группы“, называемыя „ордами, племенами и національностями“, причемъ соціологія разрабатываетъ этотъ предметъ вполне опредѣленномъ направленіи, опредѣляемомъ Гиддингсомъ слѣд. образомъ: „Въ каждой такой соціальной группѣ (ордѣ, племени, національности) имѣются существенныя дѣятельности въ цѣляхъ размноженія, содержанія и защиты. Во многихъ малыхъ и во всѣхъ большихъ группахъ эти дѣятельности дифференцированы на спеціальныя занятія и соотвѣтственно этому раздѣленію труда существуетъ сложная соціальная структура соподчиненныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе спеціализированы вышеупомянутыя дѣятельности и отношенія, тѣмъ зависимѣе каждое отдѣльное занятіе и соціальное отношеніе отъ всѣхъ другихъ и тѣмъ чувствительнѣе вся группа ко всякой остановкѣ или помѣхѣ въ этихъ дѣятельностяхъ и отношеніяхъ. Въ такомъ именно смыслѣ естественныя общественныя группы составляютъ предметъ соціологическихъ изслѣдованій.“

„Соціальныя явленія“, объясненіе которыхъ путемъ естественной причинности — задача соціологіи, относятся къ этимъ группамъ. Главный вопросъ, отличаются ли и на сколько эти явленія отъ психическихъ, зависятъ ли, и насколько онѣ отъ воли человѣка?

Гиддингсъ никоимъ образомъ не желаетъ исключать волю, какъ одну изъ причинъ соціальныхъ явленій, но тутъ дѣйствуетъ какъ причина воля коллективная или воля группы—во всякомъ случаѣ не какъ „независимый безпричинный факторъ“, но какъ результатъ внѣшнихъ причинъ, именно „физическихъ, біогенетическихъ и психогенетическихъ, взаимодействіе которыхъ опредѣляетъ процессъ эволюціи.“

Статья Гиддингса имѣетъ огромное значеніе. Съ одной стороны, она подводитъ итогъ всей работѣ соціологической мысли, съ другой—указываетъ, хотя нѣсколько въ общихъ чертахъ, и указаніе это понятно лишь посвященнымъ,—область, въ которой въ скоромъ будущемъ будетъ производиться соціологическая работа.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	3
Отъ переводчика.	3

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сущность социологіи.

1) Самостоятельная ли наука социологія?	4
Происхождение понятія „общество“	—
2) Право социологіи на существованіе.	11
Противники социологіи	12
3) Соціальная наука и социологія	14
4) Социологія и социализмъ	15
Злоупотребленіе названіемъ	16
5) Первыя догадки о проблемѣ.	—
6) Предметъ социологіи	18
7) Исторія и социологія	—
8) Наука ли исторія?	19
9) Прагматическая исторія.	20
10) Исторія какъ искусство.	22
Идеи въ историческихъ сочиненіяхъ	24
11) Исторія и исторія культуры.	25
Сфера вѣдѣнія исторіи и исторіи культуры и отношеніе ихъ другъ къ другу.	26
12) Исторія культуры и социологія.	36
Нѣмецкая исторія хозяйства	37
13) Социологія и статистика	39
Историческая статистика	41
14) Социологія и этнологія	42
15) Социологія и политическая экономія	44
16) Социологія и философія исторіи	45
17) Социологія и философія права	47
18) Анализъ понятія „общество“	—
19) „Общество“ какъ родовое понятіе	49
20) Социологическое міросозерцаніе	50
21) Противники социологическаго міросозерцанія	54
Новѣйшее развитіе социологической идеи	56
22) Причины борьбы противъ социологіи	60
Оттокаръ Лоренцъ	61

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторія, какъ естественный процессъ.

23) Содержаніе и раздѣленіе соціологіи	64
Законъ роста аггломерата.	66
24) Соціальныя группы	68
25) Общество и государство	69
26) Государство	71
Соціальныя элементы государства	72
27) Высшій законъ соціального развитія	73
28) Соціальная эксплоатація.	77
Соціологическая схема	78
29) Стремленія сообществъ	79
Пессимизмъ	81
30) Опредѣленіе личности группою	83
31) Естественныя основанія историческаго процесса.	84
32) Соціально психическія явленія.	85
33) Вліяніе соціально-психическихъ факторовъ на общественное развитіе.	86
34) Дарвинизмъ въ соціологіи.	88
35) Война и международное право	89

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Политика, какъ прикладная соціологія.

36) Соціологія и практическая политика	93
37) Политика какъ наука.	95
Соціальныя предсказанія	97
38) Примѣръ ошибочнаго политическаго предвидѣнія	98

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Къ новѣйшей соціологической литературѣ.

a) Франція (Letourneau, Combes de Lestrade, de Roberty, Durkheim).	103
b) Бельгія (De Greef).	109
c) Италія (Vadale-Papole, Colajanni, Sicilioni, Vaccaro, Vanni)	111
d) Германія и Австрія (Julius Lippert, Simmel)	114
e) Америка	121

